

Артур
Конан Дойл

Англо-бурская 1899 война 1902

Артур Конан Дойл

Англо-бурская война. 1899-1902

«Азбука-Аттикус»

1902

УДК 335
ББК 63.3(0)53(4Вел)

Дойл А.

Англо-бурская война. 1899-1902 / А. Дойл — «Азбука-Аттикус», 1902

ISBN 978-5-389-14138-4

Англо-бурская война (1899–1902) произвела неизгладимое впечатление на современников. Она была развернута Южно-Африканской Республикой (республикой Трансвааль) и Оранжевым Свободным Государством (Оранжевой республикой) как превентивное действие против Британской империи. Первый период войны ознаменовался блестящими победами вооруженных самым передовым оружием фермеров-буров над регулярными частями имперских войск. На полях сражений винтовки «маузер» и пулеметы «максим» противостояли тактике эпохи Наполеоновских войн, которой продолжали придерживаться европейские армии. Благодаря массированной переброске британских войск в Южную Африку в 1900 году Империи удалось обеспечить себе численный и технический перевес. После того как последняя армия буров была уничтожена, на территории Оранжевой республики и Трансвааля развернулась партизанская война. В конце концов британцы одержали победу, но заплатили за нее гибелью более двадцати тысяч солдат. Артур Конан Дойл был знаком с событиями Англо-бурской войны не понаслышке: он принимал непосредственное участие в военных действиях в качестве хирурга полевого госпиталя. Для создания детальной хроники тех лет гениальный рассказчик использовал множество документальных материалов и уникальных устных свидетельств очевидцев. С момента своего первого выхода в свет в 1900 году по 1908 год эта книга выдержала более 30 переизданий! История трагических, важнейших для мировой истории событий Англо-бурской войны заслуживает внимания всех, кто интересуется военной и политической историей. Впервые русский

перевод этого великолепного произведения проиллюстрирован оригинальными картами из первых изданий.

УДК 335

ББК 63.3(0)53(4Вел)

ISBN 978-5-389-14138-4

© Дойл А., 1902

© Азбука-Аттикус, 1902

Содержание

Предисловие	7
1	8
2	19
3	28
4	35
5	45
6	52
7	58
8	66
9	77
10	84
11	88
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Артур Конан Дойл

Англо-бурская война

Посвящается Джону Л. Ленгмэну, который отдал свое состояние и то, что он ценит больше денег, на службу Отечеству и облегчение страданий

Arthur Conan Doyle
THE GREAT BOER WAR

На обложке:

Портрет Артура Конан Дойла, ок. 1895 г.

Буры около захваченного при Николсонс-Нек английского 2,5-дюймового полевого орудия, 30 октября 1899 г.

© Строганова О., перевод на русский язык, 2017

© Феоклистова В., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2017
КоЛибри®

* * *

Стойкость и героизм рядового, безоглядная отвага полкового офицера – вот наши воинские ценности, но нечасто к ним добавляются осторожность и предусмотрительность командующих. Неблагодарная задача делать такие замечания, однако эта война показала, что армия – это очень важно и нельзя отдавать ее в руки отдельной касты.

Артур Конан Дойл

Артур Конан Дойл (1859–1930) – знаменитый британский писатель-романист, публицист и драматург, поэт и философ, автор многочисленных приключенческих, исторических, публицистических, фантастических и юмористических произведений. Известный сегодня прежде всего как создатель ярких литературных персонажей, таких как гениальный детектив Шерлок Холмс и его друг, помощник и биограф доктор Ватсон, среди современников он снискал славу благодаря своему историческому труду, посвященному Англо-бурской войне.

Предисловие

В течение Большой бурской войны в свет вышло примерно шестнадцать изданий этой работы, каждое из которых, надеюсь, стало несколько полнее и точнее предыдущего. Тем не менее я со всей ответственностью могу заявить, что несомненные ошибки в них были немногочисленны – мне ни разу не пришлось отказываться от высказанных суждений и весьма редко их корректировать. При подготовке к последнему изданию первоначальный текст подвергся тщательной редакции, и в него были включены все свежие сведения, насколько позволяло повествование объемом в один том. Относительно многих эпизодов заключительной части войны нельзя сказать, что доступных материалов было достаточно для детальной и завершенной хроники. Однако на основании официальных сообщений, газетных репортажей и многочисленных личных писем я сделал все, на что способен, чтобы дать ясное и правдивое изложение событий. Оно иногда может показаться слишком кратким, но следует учитывать разницу между сражениями 1899–1900 годов и столкновениями 1901–1902-го.

Мои информанты столь многочисленны, что было бы нереально, несмотря на все мое желание, назвать всех поименно. Из корреспондентов, в чьих работах я черпал информацию, я должен выразить особую признательность господам Берли, Невинсону, Бэттерсбаю, Стюарту, Амери, Аткинсу, Бейли, Киннеиру, Черчиллю, Джеймсу, Ральфу, Барнесу, Максвеллу, Пирсу, Гамильтону и другим. Отдельно отмечу представителя газеты «Стэндард», работавшего в последний год войны. Из всех дошедших до народа сообщений о событиях во Флакфонтейне, конвое Вондонопа и Твибоше только его корреспонденции были достоверными.

*Артур Конан Дойл
Андершоу, Хиндхед, сентябрь, 1902 год*

1

Бурские государства

Возьмите сообщество голландцев того типа, которые в течение пятидесяти лет противостояли всей мощи Испании, да еще в то время, когда эта страна была самой великой державой мира. Соедините с ними породу несгибаемых французских гугенотов, которые оставили собственные дома, бросили имущество и навсегда покинули свою страну после аннулирования Нантского эдикта.¹ В результате, вне всякого сомнения, получится один из самых стойких, отважных и неукротимых народов, когда-либо обитавших на земле. Возьмите семь поколений этих мужественных людей и упражняйте их в постоянной борьбе с дикарями и свирепыми животными в условиях, при которых слабые не выживают. Предоставьте им возможность достичь исключительного мастерства в искусстве владения оружием и верховой езде. Дайте им территорию, в высшей степени подходящую для умелого охотника, меткого стрелка и наездника. Затем, наконец, закалите их боевые качества строгой фаталистичной ветхозаветной верой и страстным всепоглощающим патриотизмом. Соедините все эти качества и побуждения в одном человеке, и вы получите современного бура – самого серьезного противника, который когда-либо вставал на пути Британской империи. Наша военная история в значительной степени состоит из противостояний с Францией, однако Наполеон и все его опытные солдаты никогда не относились к нам с такой непримиримостью, как эти непреклонные фермеры с их древней религиозностью и весьма современными винтовками.

Взгляните на карту Южной Африки. Там, в самом центре британских владений, как косточка в персике, лежит земля двух республик – обширная территория для столь небольшого количества людей. Как они там оказались? Кто эти германцы, так глубоко проникшие в Африку? Это старая история, но тем не менее ее придется рассказать еще раз, даже если наше повествование и не нуждается в обстоятельном вступлении. Нельзя узнать и понять бура, не принимая во внимание его прошлое, поскольку он таков, каким его сделала жизнь.

Первые голландцы обосновались на мысе Доброй Надежды примерно в то время, когда Оливер Кромвель находился в зените – в 1652 году, если уж быть абсолютно точным. Португальцы появились там раньше, но, устав от ужасной погоды и увлекаемые вперед слухами о золоте, они прошли мимо этого места и устремились дальше, чтобы поселиться вдоль восточного побережья. Золото там было, однако не так много, и эти португальские колонии так никогда и не стали источником благосостояния для метрополии, и не станут до того самого дня, пока Великобритания не подпишет огромный чек за залив Делагоа. На избранном португальцами побережье царила малярия. Сотни миль² ядовитых болот отделяли их от внутреннего плато со здоровым климатом. В течение столетий эти пионеры южноафриканской колонизации пытались проникнуть в глубь страны, но, следуя по течению рек, они не смогли далеко продвинуться. Кровожадные туземцы и тяжелые климатические условия преградили им дорогу.

Однако у голландцев все сложилось иначе. Климатические трудности, отпугнувшие португальского искателя приключений, стали для них источником успеха. Холод, бедность и бури воспитывают качества, достойные повелителей. Именно люди с промозглой и бесплодной земли взрастили детей света и пекла. Таким образом, в тяжелом климате на мысе Доброй Надежды голландцы стали только сильнее и преуспели во всем. Они не пошли в глубь

¹ Нантский эдикт даровал французским протестантам-гугенотам вероисповедные права. Издание эдикта завершило тридцатилетний период Религиозных войн во Франции (они велись между католиками и протестантами). 17 октября 1685 г. Людовик XIV отменил эдикт, таким образом нанеся удар по протестантизму.

² Милья – единица измерения длины, равна 5280 футам (1760 ярдам, или приблизительно 1609 м).

страны, потому что их было немного, а требовалось, чтобы все были рядом. Но они строили себе дома и снабжали Голландскую Ост-Индскую кампанию продовольствием и водой. Постепенно складывались небольшие городки: Винберг, Стелленбош, и вверх по склонам распространялись поселения, которые вели к большому центральному плато, простирающемуся на сто пятьдесят миль от гребня Кару к долине Замбези. Затем прибавились переселенцы-гугеноты – лучшая кровь Франции – всего три сотни, горстка самого отборного зерна, выброшенная, чтобы придать изящества и энтузиазма крепкой тевтонской породе. В истории норманнов, гугенотов, французских эмигрантов можно видеть, как великая рука снова и снова опускалась в этот амбар и одаривала народы великолепными семенами. Франция не основала новых стран, как ее великий соперник, однако она сделала все другие страны богаче при смешении с ее лучшими людьми. Ру, Дю Туа, Жубер, дю Плесси, Вильерс и десятка два других французских фамилий – самые привычные в Южной Африке.

В следующие сто лет история колонии представляет собой последовательное освоение африканерами огромных просторов, которые лежали к северу от них. Скотоводство стало товарным, а на территории, где шести акров земли едва хватает одной овце, даже для небольшого стада требовались обширные фермы. Шесть тысяч акров составляло обычную величину владения, за что правительству надлежало платить пять фунтов ренты в год. Болезни, принесенные белым человеком в Африку, как в Америке и Австралии, были для аборигенов смертельными, и эпидемия оспы очистила пришельцам пространство. Они продвигались все дальше и дальше на север, здесь и там основывая городки, такие как Грааф-Рейнет и Свеллендам. В них нидерландская реформатская церковь и магазин предметов первой необходимости объединяли вокруг себя немногочисленные разбросанные жилища. Поселенцы уже выказывали самостоятельность и независимость от Европы, которая является их самой характерной чертой. Даже небольшое проявление власти голландцев (старшего, но менее значительного брата «Джон компании»³ в Индии) заставило их восстать. Правда, местный бунт почти не заметили из-за всемирного катаклизма, последовавшего за Французской революцией. Через двадцать лет (в течение которых мир был сотрясен титанической борьбой между Англией и Францией в финальном подсчете очков за игру и выплате ставок), в 1814 году, Капская колония была присоединена к Британской империи.

В нашем обширном собрании стран, пожалуй, нет другой страны, права Британии на которую были бы так же неоспоримы, как на эту. Мы владеем ею на двух основаниях – по праву завоевания и по праву покупки. В 1806 году британские войска высадились, разбили местную армию и захватили Кейптаун. В 1814 году мы выплатили штатгальтеру⁴ огромную сумму в шесть миллионов фунтов за передачу капской земли и некоторых других территорий. Возможно, эта сделка была заключена слишком быстро и недостаточно тщательно в происходившем тогда общем переделе. В качестве пункта захода на пути в Индию место представлялось ценным, однако саму страну считали бесплодной и нерентабельной. Какова была бы позиция Каслрея или Ливерпуля, если бы они до конца представляли себе, что приобретается за наши шесть миллионов фунтов? В списке оказались бы как положительные, так и отрицательные моменты. Это девять ожесточенных Кафрских войн,⁵ а также самые крупные в мире алмазные копи и богатейшие месторождения золота. Две дорогостоящие и весьма неприятные военные кампании против людей, которых мы уважаем, даже сражаясь с ними, и, наконец, теперь, как мы надеемся, мирная и процветающая Южная Африка с равными правами и обязанностями для всех в ней живущих. Нет сомнений, что будущее

³ «Джон компания» – разговорное название Ост-Индской компании.

⁴ *Штатгальтер* – должностное лицо, осуществляющее государственную власть и управляющее какой-либо территорией.

⁵ *Кафрские войны* – боевые действия с южноафриканским народом коса (кафрамы) в 1779–1879 гг.

готовит нам много хорошего в этой земле. Даже если просто принять во внимание прошлое, то появятся основания сказать, что мировое общественное мнение недооценивает нас, нашу силу и благосостояние, потому что британские владения на этой территории никогда не выходили за пределы радиуса действия наших корабельных пушек. Однако, конечно, самое трудное суть самое благородное, и, оглядываясь назад, наши потомки могут видеть, что эта долгая борьба, со всеми ее неудачами и успехами, потоками крови и сокровищ, всегда велась с высокой и благородной целью.

Документы, подтверждающие наши права владения, как я уже говорил, бесспорны, однако в их положениях есть одно прискорбное упущение. С трех сторон границы территории определяет океан, однако с четвертой – граница не оговорена. Нет и слова о «районах, расположенных вглубь от прибрежной полосы», поскольку ни о термине, ни о самом вопросе тогда и не думали. Купила ли Великобритания обширные районы, простирающиеся за пределами поселений? Или за недовольными голландцами осталось право продвинуться вглубь и создать новые государства, чтобы преградить путь англо-кельтским колонистам? В этом вопросе находится исток всех последующих проблем. Американец мог бы понять суть спорного момента, если бы представил себе, будто после основания Соединенных Штатов голландские жители штата Нью-Йорк ушли на запад и создали новые сообщества под другим флагом. Затем, заселив эти западные штаты, американские граждане столкнулись бы с той самой проблемой, которую приходится решать нам в Южной Африке. Если бы они обнаружили, что новые государства настроены антиамерикански и всячески препятствуют прогрессу, то, несомненно, испытали бы те затруднения, которые приходится преодолевать нашим политикам.

В момент перехода под британский флаг количество колонистов – голландцев, французов и немцев – приближалось к тридцати тысячам человек. Они являлись рабовладельцами, и рабов насчитывалось не меньше, чем их самих. Перспективы полного слияния британцев и первопоселенцев не вызывали сомнений, поскольку это были люди одного корня и их мировоззрение различалось лишь степенью фанатизма и нетерпимости. В 1820 году туда доставили пять тысяч британских поселенцев, их расселили на восточных границах колонии, и с этого времени начался медленный, но постоянный приток англоговорящих жителей. Британское правление отмечено как историческими просчетами, так и историческими достоинствами. Оно было мягким, основанным на законе, нравственным, бестактным и непоследовательным. В целом оно могло бы стать прекрасным, если бы оставило все как есть. Изменять же заведенный порядок жизни наиболее консервативного из германских народов было предприятием опасным, оно повело к многочисленным осложнениям, которые и составили бурную историю Южной Африки.

Имперское правительство всегда придерживалось благородно гуманных взглядов на права аборигенов и считало своим долгом отстаивать закон. Мы полагаем (и справедливо), что британская Фемида должна быть если не абсолютно слепой, то, по крайней мере, не различать цвета кожи. Сия точка зрения безукоризненна в теории и совершенно неопровержима, однако, по всей вероятности, вызывает раздражение, когда бостонский моралист или лондонский филантроп навязывают ее людям, чье общество построено на постулате, что негры – низшая раса. Такие люди предпочитают самостоятельно совершенствовать свои нормы морали, а не получать их от тех, кто живет в абсолютно других условиях. Они считают (и не без оснований), что это есть легкая форма добродетели – из безмятежности упорядоченной жизни в домах на Бейкон-стрит или Белгрейв-сквер⁶ указывать, каковы должны быть отношения между белым хозяином и его полудикими работниками. Обе части англо-кельтской нации начали разбираться в этом вопросе, и все попали в неприятное положение.

⁶ *Белгрейв-сквер* – одна из самых фешенебельных площадей аристократического района Лондона, рядом с Гайд-парком.

Британское правительство в Южной Африке всегда играло непопулярную роль друга и защитника чернокожих слуг. Именно по этому поводу возникли первые разногласия между старыми поселенцами и новой администрацией. Бунт с кровопролитием произошел после того, как одного голландского фермера арестовали за жестокое обращение со своим рабом. Выступление подавили, а пятерых участников повесили. Такое наказание было чрезмерно суровым и весьма неразумным. Отважный народ может забыть потери в сражениях, но жертв виселицы – никогда. Создание политических мучеников – самое большое безумие для государственной власти. Правда, и человек, осуществивший арест, и судья, приговоривший арестованных, были голландцами, а британский губернатор выступал на стороне милосердия, но все это впоследствии было забыто, в стремлении нажать на инциденте расовый капитал. Оставшаяся стойкая обида проявилась после налета Джеймсона. Тогда казалось, что руководителей этого злосчастного предприятия могут повесить, и совершенно очевидно проводилась параллель от фермерского дома в Кукхаус-Дрифте к Претории – англичане должны умереть, как умерли голландцы в 1816 году. Слахтерс-Нек⁷ озаменовал расхождение путей британского правительства и африканеров.

Вскоре раскол стал еще более явным. Происходили различные манипуляции в органах местного самоуправления, голландцев заменяли англичанами в судах. Проявив щедрость за чужой счет, английское правительство назначило чрезвычайно мягкие сроки наказания племенам кафров, которые в 1884 году совершали набеги на приграничные фермы. А затем, ко всему прочему, в том же году в Британской империи отменили рабство, что раздуло тлеющее недовольство в настоящее пламя.

Следует признать, что конкретно в этом случае британский филантроп был готов платить за то, что считал справедливым. Отмена рабства являлась благородной государственной акцией, ее моральная составляющая опередила свое время, британскому парламенту пришлось ассигновать огромную сумму в двадцать миллионов фунтов стерлингов на выплату компенсации рабовладельцам и таким образом ликвидировать зло, к которому метрополия не имела прямого отношения. Ясно, что следовало бы делать это непосредственно там, где существовало рабство. Если бы мы подождали создания в соответствующих колониях собственных правительств, то не пришлось бы осуществлять отмену конституционными методами. Однако, поворчав, добропорядочный британский домовладелец достал из кармана кошелек и заплатил за то, что полагал правильным. Если Божья милость сопутствует добродетельным поступкам, которые не приносят ничего, кроме печалей, то нам можно надеяться на нее в связи с этим освобождением. Мы потратили деньги, мы нанесли ущерб своим западноиндийским колониям, и мы породили недовольство в Южной Африке, которому не видно конца. Тем не менее, если бы пришлось решать все снова, нам, бесспорно, следовало бы повторить этот поступок. Высшая мораль может оказаться также высшей мудростью, когда история подходит к своему завершению.

Однако детали сей меры были не столь достойны уважения, как сам принцип. Ее осуществили настолько внезапно, что страна не имела времени приспособиться к новым условиям. Южной Африке выделили три миллиона фунтов стерлингов, что давало за раба от шестидесяти до семидесяти фунтов – сумму, значительно уступающую сложившимся к тому времени местным ценам. К тому же выплату компенсации решили производить в Лондоне, поэтому фермеры продавали свои иски посредникам по сниженной цене. В каждом небольшом городке и каждом лагере скотоводов на Кару происходили массовые митинги протеста. Возродился старый голландский дух – дух, который сносит все преграды. Бунт был бессмысленным. Однако к северу от них простирались бескрайние незанятые земли. Кочевая

⁷ *Восстание в Слахтерс-Неке* (1815 г.) – восстание буров против британцев. Было подавлено, зачинщики восстания казнены.

жизнь не пугала этих людей, как и жизнь в огромных воловьих повозках, похожих на те, в которых некогда их предки появились в Галлии, – одновременно и средство передвижения, и крепость. Одну за другой повозки нагружали, запрягали большие упряжки, женщин сажали внутрь, мужчины с длинноствольными винтовками шагали рядом – и начался великий исход. Стада и гурты следовали за переселенцами, собирать и вести их помогали дети. Один оборванный маленький мальчишка лет десяти тоже щелкал бичом позади волов. Он был частью отдельной группы, однако представляет для нас особый интерес, потому что его имя – Стефанус Паулус Крюгер – будущий президент Южно-Африканской республики.

Это был странный исход, в современную эпоху его можно сопоставить разве что с выступлением мормонов в поисках обетованной земли Юты. В северном направлении местность была известна и немного заселена только до реки Оранжевая, а за рекой лежал обширный район, куда проникали лишь отважные охотники или отчаянные первопроходцы. Так случилось (если на самом деле в серьезных предприятиях присутствует случай), что победитель – зулус – пронесся по этой земле не задерживаясь, остались только карлики-бушмены, страшные туземцы, самые низкорослые представители рода человеческого. Там для переселенцев были хорошие пастбища и плодородная земля. Двигались они небольшими группами, но общее их количество было значительным, по свидетельству их историка, от шести до десяти тысяч, что составляло примерно четверть всего населения колонии. Некоторые из первых отрядов погибли. Многие остановились в районе высокой горы восточнее Блумфонтейна, создали там свой центр и впоследствии организовали Оранжевое Свободное Государство. Другую часть переселенцев отрезали грозные матабеле, племя из большого народа Зулу. Выжившие объявили им войну, и уже в этой первой своей военной кампании они проявили высочайшее мастерство менять тактику в зависимости от противника, это является их важнейшим боевым качеством. Отряд (коммандо), выступивший на битву с матабеле, насчитывал, говорят, сто тридцать пять фермеров. Противник имел двенадцать тысяч копьеносцев. Они сошлись у реки Марико, недалеко от Мафекинга. Буры настолько искусно сочетали использование лошадей и ружей, что побили треть врагов, не потеряв ни одного из своих товарищей. Они галопом приближались к противнику, давали залп, а затем отходили, прежде чем копьеносцы успевают их достать. Когда дикари пускались в преследование, буры отступали. Когда погоня захлебывалась, буры останавливались и ружейный огонь начинался снова. Стратегия простая, но исключительно эффективная. Вспоминая, как часто с тех пор наши собственные кавалеристы сражались с дикарями в разных частях мира, горько сожалешь о приверженности военным традициям, характерной для нашей армии.

Эта победа фoorтреккеров⁸ расчистила территорию между реками Оранжевая и Лимпопо, части которой стали известны под названиями Трансвааль и Оранжевое Свободное Государство. Тогда же еще одна часть переселенцев нагрянула в район, теперь известный как Наталь, и разбила Дингаана, великого вождя зулусов.⁹ Поскольку с ними были семьи, они не имели возможности применить конную тактику, показавшую себя эффективной против матабеле, и снова проявили способность учитывать ситуацию. Они встретили зулусских воинов в каре из повозок – мужчины стреляли, пока женщины заряжали. Было убито шесть бюргеров и три тысячи зулусов. Если бы подобную тактику использовали против тех же самых зулусов через сорок лет, нам не пришлось бы скорбеть о бедствии у Изандлваны.¹⁰

⁸ *Фoorтреккеры* – буры, прокладывавшие путь во внутренние районы Южной Африки (1830–1840 гг.).

⁹ *Дингаан* – верховный правитель зулусов в 1828–1840 гг.

¹⁰ *Битва при Изандлване* (22 января 1879 г.) – сражение в ходе англо-зулусской войны. Армия зулусов уничтожила британский отряд. Британские войска потеряли 1329 человек убитыми. В Британии известие о поражении вызвало возмущение и недовольство. Премьер-министр Дизраэли проиграл выборы в парламент и был вынужден уйти в отставку. Губернатору Капской колонии был объявлен выговор от правительства Великобритании. Главнокомандующий британскими войсками в Южной Африке, Челмсфорд, снят с должности.

И теперь, в конце долгого пути, преодолев расстояния, врагов и превратности природы, буры увидели то, о чем мечтали меньше всего, и, чтобы уклониться от этого, они прошли так далеко, – флаг Великобритании. Буры захватили Наталь изнутри, но Англия еще раньше сделала это с моря, и небольшая колония англичан осела в Порт-Натале, теперь известном как Дурбан. Местное правительство, однако, действовало нерешительно, и только захват Натала бурами заставил его объявить эту территорию британской колонией. Одновременно был провозглашен непопулярный принцип невозможности для британского гражданина по собственному желанию отказаться от подданства, и странствующие фермеры, куда бы они ни пошли, все равно остаются пусть первопроходцами, но британских колоний. Чтобы подчеркнуть сей факт, в 1842 году в современный Дурбан были высланы три роты солдат – обычный маленький отряд, с которым Великобритания учреждает новое владение. Эту горстку людей буры подстерегли и разбили, с тех пор так очень часто делали их потомки. Однако уцелевшие укрепились и удерживали оборонительный рубеж (так же, как их потомки) до тех пор, пока не прибыло подкрепление, и фермеры рассеялись. Поразительно, как одинаковые факторы всегда будут показывать в истории одинаковые результаты. В этой первой схватке – отображение всех наших военных столкновений с этими людьми. Нерасчетливое настойчивое наступление, поражение, бессилие фермеров против самых слабых оборонительных сооружений – та же самая история снова и снова, различающаяся лишь в степени значительности. Наталь с того времени стал британской колонией, и большая часть буров с горьким сердцем отправилась в запряженных волами фургонах на север и восток, чтобы рассказать о несправедливости своим братьям в Оранжевом Свободном Государстве и Трансваале.

Имели ли они основания говорить о несправедливости? Сложно подняться на ту высоту философской отстраненности, которая позволяет историку абсолютно беспристрастно судить о событиях, в которых одной из сторон спорного вопроса является его собственная страна. Однако мы по меньшей мере можем допустить, что у нашего противника есть свои аргументы. Захват британцами Натала, безусловно, не носил определенного характера, и это они, а не мы первыми подорвали власть кровожадных зулусов, распространяющуюся на всю страну. После столь тяжких испытаний и таких значительных побед им было тяжело отступить от завоеванной плодородной земли и возвратиться на бедные горные пастбища. Буры ушли из Натала с тяжелым чувством обиды, с тех самых пор отравившим наши отношения. Это небольшое столкновение солдат и переселенцев было в определенном смысле знаменательным событием, поскольку бурам преградили путь с моря, ограничив их притязания на землю. Если бы они шли другим путем, к морским державам присоединился бы новый и, вероятно, весьма грозный флаг.

Прибывшие из Капской колонии пополняли ряды переселенцев, занимавших огромное пространство между реками Оранжевой на юге и Лимпопо на севере, пока их не стало пятнадцать тысяч. Это население размещалось на территории, равной Германии и превосходящей Пенсильванию, Нью-Йорк и Новую Англию. Форма правления у них была – либеральная демократия, почти исключая какое-либо единство. Войны с кафрами и страх вместе с неприязнью к британскому правительству, кажется, было единственным, что связывало их друг с другом. Они, как яйцеклетка, делились и размножались внутри собственных границ. Трансвааль был полон небольших крепких и в высшей степени горячих общин, которые ссорились между собой так же неистово, как они делали это с властями в Капской колонии. Лиденбург, Зоутпансберг и Почефстром находились на грани войны друг с другом. На юге, между Оранжевой рекой и Ваалем, вообще не было никакой формы правления: неуправляемая масса голландских фермеров, басуто, готгентотов и метисов хронически пребывала в состоянии брожения, не признавая ни британской власти к югу от них, ни Трансваальских республик к северу. В конце концов хаос стал невыносимым, и в 1848 году в Блумфонтейн ввели войска и присоединили этот район к Британской империи. В Боомплатсе переселенцы

оказали тщетное сопротивление и после единственного поражения позволили ввести себя в круг цивилизованных норм жизни.

В это время Трансвааль, где осело большинство буров, желал официального признания своей независимости, и британские власти решили предоставить его раз и навсегда. Огромная бесплодная земля, порождавшая разве что метких стрелков, не представляла интереса для Министерства по делам колоний, которое тяготело к ограничению своих обязанностей. Стороны подписали Сандриверскую конвенцию – один из важных моментов в южноафриканской истории. По этой конвенции британское правительство гарантировало бурским фермерам право самостоятельно вести дела в соответствии с собственными законами, без какого-либо вмешательства со стороны британцев. В качестве особого условия Британия оговорила, что не должно быть рабства, и этим умыла руки относительно этого вопроса в целом, как ей казалось, окончательно. Так официально родилась Южно-Африканская Республика.

На следующий год после подписания Сандриверской конвенции вторая республика – Оранжевое Свободное Государство (провинция) – была создана в результате добровольного ухода Великобритании с территории, которую она занимала в течение восьми лет. Восточный вопрос уже становился чрезмерно острым, и все люди видели надвигающуюся тучу большой войны. Британские официальные лица чувствовали, что имеют большие обязательства во всех частях мира, а южноафриканские присоединения, имея спорную ценность, всегда несли с собой проблемы. Против воли значительной части населения (большинства или меньшинства – сказать невозможно) мы вывели свои войска так же дружелюбно, как римляне ушли из Британии, и предоставили новой республике полную самостоятельность. На основании петиции против вывода войск правительство метрополии ассигновало тогда сорок восемь тысяч фунтов стерлингов для компенсаций пострадавшим от этой перемены. Какие бы исторические претензии ни имел к Великобритании Трансвааль, мы по меньшей мере можем утверждать, что перед Оранжевым Свободным Государством наша совесть абсолютно чиста, исключая, возможно, один момент. Таким образом, в 1852 и 1854 годах родились сильные государства, способные какое-то время держать на расстоянии объединенные силы империи.

Тем временем Капская колония, несмотря на эти отделения, процветала, и ее население (голландцы, англичане и немцы) к 1870 году превысило двести тысяч человек, голландцы все еще немного преобладали. Согласно колониальной политике либеральной партии Великобритании, пришло время отпустить поводок и позволить молодому государству действовать самостоятельно. В 1872 году ему предоставили полную автономию. Губернатор, как представитель королевы, сохранил формальное неиспользуемое право вето законодательства. По этой системе голландское большинство колонии могло привести к власти своих представителей и руководить в соответствии с голландскими традициями, оно так и сделало. Была восстановлена голландская судебная система, а голландский язык получил в стране статус официального наравне с английским. Исключительная толерантность и последовательность осуществления этих мер (как бы ни противоречили они представлениям англичан) послужили одной из главных причин сильного негодования в Капской колонии по поводу притеснения британских поселенцев в Трансваале. Голландское правительство управляло британцами в их же колонии, в то время как буры не желали допускать англичанина до выборов в муниципальный совет города, который он сам построил. Однако, к сожалению, несведущий бурский фермер продолжал воображать, что его южные родственники находятся в рабской зависимости, так же как отпрыск ирландского эмигранта все еще рисует себе Ирландию под гнетом карательных законов и чуждой церкви.

В течение двадцати пяти лет после Сандриверской конвенции бюргеры Южно-Африканской Республики вели напряженную и бурную жизнь, непрерывно сражаясь с неграми

и время от времени между собой, иногда совершая неудачные нападения на небольшую голландскую республику на юге. Субтропическое солнце производило новые ферменты в спокойной фризской крови, создавая народ, который соединил темпераментность и раздражительность юга с грозной стойкостью севера. Страстная энергия и горячие амбиции породили соперничество, достойное средневековой Италии, а история раскольниковских маленьких общин живо напоминает главу из Гвиччардини.¹¹ Произошла дезорганизация. Бюргеры не желали платить налоги, казна не пополнялась. Агрессивное племя кафров угрожало им с севера, зулусы – с востока. Английские сторонники преувеличивают, представляя, будто наше вмешательство спасло буров, поскольку нельзя, прочитав их военную историю, не увидеть, что они являлись достойными соперниками зулусам и секукуни вместе взятым. Однако масштабное нашествие, безусловно, назревало, а разбросанные фермы были так же открыты для кафров, как наши фермерские усадьбы в американских колониях, когда индейцы выходили на тропу войны. После трехмесячного изучения ситуации британский комиссар Теофилес Шепстон разрешил все вопросы формальной аннексией страны. Тот факт, что он овладел ею отрядом человек в двадцать пять, показывает его искреннее убеждение в том, что не следует опасаться какого-либо вооруженного сопротивления. Таким образом, в 1877 году была полностью аннулирована Сандриверская конвенция и открыта новая глава в истории Юга.

В тот момент не чувствовалось какого-либо сильного неприятия этого присоединения. Людей угнетали проблемы, они устали от раздоров. Президент Бюргерс подал официальный протест и поселился в Капской колонии, где получал пенсию от британского правительства. Меморандум против аннексии собрал подписи большинства бурских жителей, однако существовало значительное меньшинство, которое придерживалось противоположной точки зрения. Сам Крюгер принял оплачиваемую должность при правительстве. Все говорило за то, что, если управлять людьми разумно, под британским флагом они успокоятся. Утверждают даже, что все и сами попросили бы о присоединении, если бы мы немного повременили. При безотлагательном учреждении конституционного правительства, возможно, даже самые непримиримые из них склонились бы к тому, чтобы подавать свои протесты в избирательные урны, а не в тела наших солдат.

Однако империи всегда не везло в Южной Африке, а в этом случае – особенно. Хотя и не по причине недобросовестности, а просто из-за загруженности и медлительности обещания не были выполнены сразу. Наивные простые люди не понимают методов наших ведомств и считают уклончивость бюрократизмом и тупостью. Если бы трансваальцы подождали, они получили бы свой фольксраад и все, чего желали. Однако британскому правительству требовалось уладить некоторые другие местечковые вопросы, избавиться от секукуни и разбить зулусов, прежде чем приступать к выполнению обещаний. Такая проволочка вызвала острое негодование. Ко всему прочему мы неудачно выбрали губернатора. Бюргеры – простодушная братия, и они любят время от времени посидеть за чашечкой кофе с равнодушным человеком, который старается ими руководить. Триста фунтов стерлингов в год на кофе, выделяемые Трансваалем своему президенту, отнюдь не проформа. Мудрый руководитель будет разделять дружелюбные и демократичные обычаи народа. Сэр Теофилес Шепстон делал это. Сэр Оуэн Ланион – нет. Не было ни фольксраада, ни кофе, и народное недовольство быстро нарастало. За три года британцы разбили две угрожавшие стране орды дикарей. Финансовые дела тоже были восстановлены. Аргументы, делавшие присоединение привлекательным, были ослаблены той самой властью, которая больше всего была заинтересована в их усилении.

Нельзя не подчеркнуть, что при этой аннексии – отправной точке наших проблем – Великобритания, как бы она ни ошибалась, не имела явного эгоистического интереса. В те

¹¹ Франческо Гвиччардини – флорентийский государственный деятель и историк (1483–1540).

дни еще не было ни копей Ранда, ни чего бы то ни было другого, чтобы прельстить алчных людей. Пустая казна и две войны с аборигенами – вот все, что мы получили. Британцы действительно считали, что страна находится в чрезвычайно расстроенном состоянии, не может управлять своими делами и превратилась, вследствие слабости, в кошмар и угрозу для соседей. В нашем поступке не было ничего низкого, хотя он, наверное, являлся и опрометчивым, и своевольным.

В декабре 1880 года буры восстали. Каждая ферма выставила своих стрелков, место сбора находилось возле ближайшего британского форта. По всей стране бюргеры взяли в осаду наши небольшие отряды. Стандертон, Претория, Почефстром, Лиденбург, Ваккерстроом, Рустенберг и Марабастад – все были окружены, и все продержались до конца войны. На открытой местности нам везло меньше. Под Бронхорст-Спруитом небольшой британский отряд захватили врасплох и расстреляли без потерь со стороны противника. Оперировавший их хирург оставил запись, что среднее количество ран составляло пять на человека. Под Лаингс-Неком уступавшее в численности соединение британцев предприняло попытку взять штурмом высоту, удерживаемую бурскими стрелками. Половина наших солдат погибла и получила ранения. Исход столкновения под Ингого можно назвать неопределенным, хотя мы понесли более тяжелые потери, чем противник. И наконец, произошло поражение у Маджуба-Хилла, где четыреста пехотинцев на горе были разбиты и сброшены толпой снайперов, которые подступили, скрываясь за камнями. Все эти события являлись не более чем столкновениями, и, если бы за ними последовала конечная британская победа, о них теперь вряд ли кто-нибудь помнил. Однако тот факт, что эти столкновения достигли своей цели, придало им преувеличенное значение. Кроме того, они могут возвещать о наступлении новой военной эры, потому что сделали очевидным урок (правда, слишком плохо нами усвоенный), что солдата делает меткая стрельба, а не общая строевая подготовка. Поражает, что, получив такой опыт, британские военные власти продолжали предоставлять для стрельб только триста патронов в год и поощрять механистическую стрельбу залпами, которая не подразумевает никакой конкретной цели. Первая бурская война дала много в плане опыта (как в тактике, так и в стрелковом деле), чтобы подготовить солдата ко второй. Значение конного стрелка, меткая стрельба на разную дальность, искусство укрываться – на все это не обратили должного внимания.

За поражением у Маджуба-Хилла последовала полная капитуляция правительства Гладстона,¹² поступок и самый малодушный, и самый благородный в новейшей истории. Превосходящие британские силы были на месте, и командующий объявил, что враг у него в руках. Эти фермеры уже нарушали наши военные расчеты, и, возможно, задача Вуда и Робертса оказалась бы труднее, чем они предполагали, но, по крайней мере, на бумаге все выглядело так, что врага можно разбить без особых осложнений. Так считала общественность, но тем не менее она, как и политики, согласилась остановить поднятый меч, несомненно, по моральным и христианским соображениям. Народ считал, что аннексия Трансвааля была явной несправедливостью, что эти фермеры имели право на свободу, за которую сражались, что для великой нации недостойно продолжать несправедливую войну ради военного реванша. Это было проявлением высокого идеализма, но его результат не вдохновляет на повторение подобного.

5 марта 1881 года заключили перемирие, которое вылилось в мирный договор 23-го числа того же месяца. Правительство, уступив силе (что оно неоднократно отрицало для создания благоприятного образа), ошибочно пошло на компромисс. В политике идеализма и христианской морали нужно было идти до конца, если уж вообще вставать на этот путь. Ясно, что если аннексия была несправедливой, то Трансвааль следовало вернуть в состо-

¹² Уильям Юарт Гладстон – английский государственный деятель и писатель, премьер-министр Великобритании.

яние, в котором он находился до нее в соответствии с Сандриверской конвенцией. Однако правительство почему-то не пожелало заходить так далеко. Оно спорило по мелочам, играло словами и торговалось, пока новое государство не превратилось в странный гибрид, какого еще никогда не видел мир. Республика, которая являлась частью монархии, находилась в юрисдикции Министерства по делам колоний и фигурировала в разделе новостей газеты «Таймс» под заголовком «Колонии». Она была суверенной и тем не менее стала субъектом какого-то нечеткого сюзеренитета, границы которого никто и никогда не мог определить. В общем, своими положениями и уступками заключенная в Претории конвенция доказывает, что в тот несчастливый 1881 год наши политические дела велись так же скверно, как и военные.

С самого начала не вызывало сомнений, что столь непоследовательное и спорное соглашение не может быть окончательным. В самом деле, еще не высохли чернила, которыми его подписали, как началось активное движение за его пересмотр. Буры полагали (и справедливо), что если их оставляют бесспорными победителями в войне, то они должны получить все плоды победы. С другой стороны, самой серьезной проверке подверглась лояльность англоязычных колоний. Гордая англо-кельтская порода не привыкла сносить унижения, а действия правительства превратили их в побежденных. Хорошо было жителю Лондона успокаивать свою задетую гордость мыслью, что он совершил благородный поступок, однако совсем иначе чувствовал себя британский колонист в Дурбане или Кейптауне. Он оказался униженным перед голландским соседом, не желая того сам, ведь его мнения по этому поводу даже не спросили. У него осталось неприятное чувство уязвленного достоинства, которое, возможно, постепенно утихло бы, трактуй Трансвааль этот документ так, как предполагалось. Но это чувство становилось все более и более тяжелым, потому что в течение восемнадцати лет наши люди видели (или так думали), что уступки постоянно ведут к новым требованиям и голландские республики стремятся не просто к равенству, а к господству в Южной Африке. Доброжелательно настроенный критик профессор Брюс, лично исследовав страну и изучив этот вопрос, оставил свидетельство, что в нашем поведении буры усматривают не великодушие, не гуманизм, а только страх. Прямой народ, они не скрывали своих чувств перед соседями. Стоит ли удивляться тому, что с тех пор в Южной Африке постоянно существовала напряженность, а британский африканер со страстью, неизвестной в Англии, мечтал о часе реванша?

После войны власть Трансвааля осталась в руках триумvirата, а через год Крюгер стал президентом и занимал этот пост в течение восемнадцати лет. Его деятельность в качестве руководителя доказывает мудрость неписаного положения американской конституции, по которому ограничивается срок пребывания в этой должности. Продолжительное правление неизбежно превращает человека в диктатора. В своей простодушной, но резкой манере старый президент сам говорил, что жаль менять хорошего быка во главе упряжки. Однако, если ему позволить самому выбирать, в какую сторону идти, он может привести повозку в опасное положение.

В течение трех лет небольшое государство подавало признаки невероятной активности. Принимая во внимание, что по территории оно равнялось Франции, а население его не могло превышать 50 тысяч жителей, казалось, что людям вполне достаточно места, чтобы не мешать друг другу. Однако бюргеры переходили свои границы во всех направлениях. Президент публично заявлял, что его заперли в краале и он продолжает искать из него выход. Наметили большое переселение на север, но, к счастью, оно не заладилось. На востоке они напали на Зулуленд и, несмотря на британскую колонизацию этой земли, оторвали от нее треть и присоединили к Трансваалу. На западе, вопреки заключенному три года назад договору, они атаковали Бечуаналенд и создали две новые республики – Гошен и Стеллаленд. Эти действия были столь вопиющи, что в 1884 году Великобритании пришлось снарядить

новую экспедицию под командованием сэра Чарльза Уоррена, чтобы выдворить разбойников из страны. Можно спросить, почему этих людей следует называть разбойниками, когда основателей Родезии зовут пионерами? Ответ в том, что в договоре оговаривались определенные границы Трансвааля, которые эти люди перешли, а при расширении британской державы на север не происходило никакого нарушения обязательств. Результат противоправных действий буров являл собой скандал, на фоне которого теряются все драмы Южной Африки. И снова из кармана несчастного налогоплательщика достали кошелек и вынули около миллиона фунтов на оплату расходов полицейских сил, необходимых для удержания нарушителей соглашений в рамках закона. Давайте помнить об этом, когда будем определять величину морального и материального ущерба, нанесенного Трансваалю плохо продуманным и безрассудным предприятием Джеймсона.

В 1884 году делегация из Трансвааля посетила Англию. По их ходатайству заключенный в Претории бессмысленный договор превратился в еще более бессмысленную Лондонскую конвенцию. Все поправки в положениях договора были в пользу буров, и вторая успешная война вряд ли дала бы им больше, чем они получили от лорда Дерби в мирное время. Трансвааль был переименован в Южно-Африканскую Республику. Изменение зловеще наталкивало на мысль о будущем расширении. Контроль Великобритании над внешней политикой тоже был смягчен, хотя право вето сохранилось. Однако самый важный момент (и плодородная почва для будущей проблемы) состоял в одном упущении. Сюзеренитет – расплывчатая категория, но в политике, как в теологии, чем неопределеннее понятие, тем сильнее оно задевает воображение и чувства людей. О сюзеренитете говорилось в преамбуле к первому договору, а во втором о нем не было ни слова. Был ли договор таким образом аннулирован или оставался в силе? Точка зрения британцев состояла в том, что менялись лишь статьи договора, а преамбула осталась действительной для обоих документов. Они указывали, что в ней провозглашался не только сюзеренитет, но и независимость Трансвааля и если вступает в силу одно, то должно терять силу и другое. Буры, со своей стороны, обращали внимание на тот факт, что вторая конвенция получила собственную преамбулу, которая, казалось бы, таким образом заменила собой первую. Вопрос настолько формально-юридический, что представляется по сути одним из тех дел, которое следовало бы передавать на рассмотрение коллегии иностранных правоведов или в Верховный суд Соединенных Штатов. Если бы решение оказалось не в пользу Великобритании, мы бы приняли его смиренно как надлежащее наказание за небрежность наших представителей, которые не смогли четко сформулировать свою позицию. Карлейль¹³ говорил, что политическая ошибка всегда заканчивается для кого-то разбитой головой. К сожалению, этим кем-то обычно становится кто-то другой. Мы прочли историю политических ошибок, но очень скоро дойдем и до разбитых голов.

Вот краткое изложение событий вплоть до подписания конвенции, которая наконец определила (или не определила) статус Южно-Африканской Республики. Теперь нам придется оставить крупные вопросы и перейти к внутренним делам этого маленького государства, главным образом к той цепи событий, что занимала умы нашего народа больше, чем что-либо другое со времен Индийского народного восстания.¹⁴

¹³ *Томас Карлейль* – английский историк (1795–1881).

¹⁴ Народное восстание в Индии против колониального господства Англии в 1857–1859 гг.

2

Причина раздора

Может показаться, что существует какая-то связь между бесплодной поверхностью и ценностью лежащих под ней полезных ископаемых. Скалистые горы Западной Америки, безводные равнины Западной Австралии, скованные льдом ущелья Клондайк и голые склоны горной цепи в Витватерсранде – вот покровы, под которыми находятся огромные хранилища мировых богатств.

О том, что в Трансваале есть золото, знали и раньше, но только в 1886 году стало ясно, что лежащие примерно в тридцати милях к югу от столицы месторождения поразительно богаты. Содержание золота в кварце не слишком велико, и жилы не отличаются значительной толщиной, но особенность рудников Ранда¹⁵ состоит в том, что по всему золотоносному конгломерату металл распределен настолько равномерно, что предприятие может рассчитывать на стабильность, а это не характерно для этой отрасли промышленности. Там скорее карьеры, чем шахты. Добавьте к этому, что рудные жилы, которые первоначально разрабатывались при обнажении, теперь изучены на очень значительные глубины и имеют там те же характеристики, что и на поверхности. По самым скромным оценкам месторождение содержит золота на семьсот миллионов фунтов стерлингов.

Открытие произвело ожидаемый эффект. В страну ринулось огромное количество искателей приключений, некоторые из которых были достойными людьми, а другие – совсем наоборот. Однако существовали обстоятельства, отпугивавшие часть авантюристов, обычно устремляющихся ко вновь открытым месторождениям золота. Здесь добыча не радовала индивидуального старателя, самородки не сверкали под пестом для размельчения руды, как в Балларате,¹⁶ не вознаграждали золотоискателей за труды, как в Калифорнии. Это месторождение требовало сложного оборудования, которое мог обеспечить только серьезный капитал. Менеджеры, инженеры, рудокопы, технические специалисты, торговцы и маклеры, кормящиеся за счет рудников, являлись уитлендерами, подавляющее большинство которых по происхождению были англо-кельтами. Лучшие инженеры были американцами, лучшие горнорабочие – корнуолльцами,¹⁷ лучшие менеджеры – англичанами. Деньги для рудников в основном собирались в Англии. С течением времени, однако, укреплялись позиции немцев и французов. Теперь их холдинги, вероятно, такие же крупные, как британские. Вскоре население центров золотодобычи превысило количество трансваальских буров, причем оно состояло преимущественно из молодых людей большого ума и энергии.

Ситуация сложилась странная. Я уже пытался донести суть дела до сознания американцев, предложив представить себе ситуацию, будто голландские граждане из Нью-Йорка переселились на запад и основали антиамериканское и в высшей степени реакционное государство. Развивая сравнение, теперь предположим, что это государство – Калифорния и обнаруженное там золото привлекло огромное количество американских граждан, которых в конце концов стало больше, чем первопоселенцев. К ним плохо относятся, облагают тяжелыми налогами, и те оглушают Вашингтон справедливыми протестами по поводу ущемления своих прав. Вот точная аналогия отношений между Трансваалем, уитлендерами и британским правительством.

¹⁵ Сокр. от Витватерсранд.

¹⁶ Балларат (англ. Ballarat) – город в штате Виктория в Австралии.

¹⁷ Корнуолл – исторический район и графство на юго-западе Великобритании, коренные жители – кельты.

То, что уитлендеры терпели серьезные притеснения, никто отрицать не станет. Перечислить их все – слишком трудоемкая задача, поскольку вся жизнь уитлендеров была омрачена несправедливостью. Но то, что могло бы быть допустимым в 1835 году, в 1895-м стало непростительным. Их глубокая праведность не выдержала искушения. Провинциальные буры мало изменились, некоторые из них и вовсе не пострадали, однако правительство в Претории превратилось в самых порочных олигархов, корыстных и некомпетентных до высшей степени. Чиновники и приглашенные голландцы контролировали поток золота с рудников, а несчастных уитлендеров, вносящих девять десятых дохода от налогообложения, на каждом шагу обманывали и отвечали насмешками на попытки добиться избирательного права, с помощью которого можно было бы мирно устранить несправедливости, от которых они страдали. Уитлендеров нельзя назвать чрезмерно горячими. Напротив, они вели себя терпеливо до смиренности, как, скорее всего, поступает столица, оказавшись в окружении. Однако их положение стало невыносимым, и после нескольких попыток мирного обсуждения и многочисленных смиренных обращений в фольксраад они в конце концов начали осознавать, что никогда не получат удовлетворения, если не найдут способ его завоевать.

Не пытаясь перечислить все несправедливости, огорчавшие уитлендеров, можно обобщить их и выделить основные:

1. Их облагали высокими налогами, несмотря на то что они приносили примерно семь восьмых государственных доходов страны. Годовой доход Южно-Африканской Республики (составлявший 154 000 в 1886 году, когда были открыты месторождения золота) вырос в 1899 году до четырех миллионов фунтов стерлингов. Стараниями новоприбывших страна превратилась из беднейшей в самую богатую в мире (доход на душу населения).

2. Их оставили без избирательного права, несмотря на вклад, который они сделали. Они никоим образом не могли влиять на распределение крупных сумм, ими предоставляемых. Подобного прецедента (взимание налога без представительства) еще не существовало.

3. Уитлендеры не имели права голоса, когда дело касалось подбора должностных лиц и назначения им заработной платы. Люди с самыми отвратительными личными качествами могли получить неограниченную власть над большими капиталовложениями.

4. Они не могли контролировать сферу образования. Господин Джон Робинсон, руководитель отдела образования Йоханнесбурга, выделил на школы для уитлендеров 650 фунтов из 63 000, отведенных на образование. Таким образом, на каждого их ребенка приходилась сумма в один шиллинг десять пенсов в год, а на ребенка бура – восемь фунтов шесть шиллингов.

5. Они не могли участвовать в городском самоуправлении. В городе, который они сами построили, были вместо водопровода водовозы с бочками, вместо канализации грязные ведра, коррупция и самоуправство полиции, высокая смертность там, где должно быть их прибежище и место отдыха.

6. Применялась жесткая цензура со стороны правительства и ограничение права общественных собраний.

7. Уитлендеры были лишены права выступать в роли присяжных.

8. Из-за глупых законов, которые породили множество проблем, постоянно ущемлялись интересы горнопромышленников. Одни законы сказывались прежде всего на уитлендерах, работающих на рудниках, другие осложняли жизнь всем остальным. К примеру, монополия на производство динамита, вследствие которой горнорабочим приходилось дополнительно тратить 600 000 фунтов в год, а получать динамит худшего качества. Или законы, регулирующие изготовление, сбыт и потребление спиртных напитков, по которым одна треть кафров постоянно была пьяной. Некомпетентность и поборы на государственной железной дороге; предоставление отдельным лицам таможенных привилегий на многочис-

ленные предметы повседневного спроса, по которым поддерживались высокие цены; обложение Йоханнесбурга пошлинами, не дающими городу прибыли, – еще часть реальных проблем (больших и меньших), отравлявших все сферы жизни.

К тому же представьте себе, какое постоянное раздражение будет вызывать у свободного прогрессивного человека (американца или англичанина) то, что над ним будет стоять неограниченная власть органа, состоящего из двадцати пяти человек, двадцать один из которых был публично и доказательно обвинен во взяточничестве по делу «Селати рейлвей компании». Эти люди отличались кроме порочности еще и безграничным невежеством. В печатных сообщениях о фольксрааде рассказывалось об их убежденности, будто использование зарядов динамита, чтобы прекратить дождь, есть стрельба в Господа; что истреблять саранчу – нечестиво; что не следует использовать какое-то определенное слово, потому что его нет в Библии; а стоячие почтовые ящики – расточительство и баловство. Со стороны подобные *obiter dicta*¹⁸ могут забавлять, однако они совсем не смешны, когда исходят от диктатора, определяющего условия твоей жизни.

Тот факт, что уитлендеры были всецело заняты правым делом, говорит о том, что они не просто увлекались политикой, а стремились принимать участие в управлении государством только для того, чтобы сделать более сносными условия собственной работы и повседневной жизни. Насколько сильной была необходимость в таком вмешательстве, каждый здравомыслящий человек может понять, прочтя список их претензий. При первом взгляде буров можно было бы счесть за поборников свободы, однако при более внимательном знакомстве стало понятно, что в действительности они отстаивают, причем в форме исключительного давления, все, что история считает неприемлемым (так показывают себя избранные ими руководители). Их понимание свободы эгоистично, и они последовательно притесняют других более серьезно, чем те, против которых когда-то сами восстали.

С повышением значения рудников и увеличением количества горнодобытчиков обнаружилось, что ограничение прав в политической жизни одну часть космополитически настроенных масс задевало больше, чем другую, в зависимости от того, к какой степени свободы их приучили институты государств, выходцами которых они являются. Европейские уитлендеры легче переживали то, чего американцы и британцы не могли выносить. Американцев, однако, было совсем немного, поэтому именно на британцев легла основная тяжесть борьбы за свободу. Кроме того, что британцев было больше, чем всех остальных уитлендеров вместе взятых, существовали и другие причины, заставлявшие их чувствовать унижения острее, чем представителей любого другого народа. Во-первых, многие британцы являлись британскими южноафриканцами и знали, что в соседних странах, где они родились, введены самые либеральные законы для соплеменников тех самых буров, которые отказывают им в праве заниматься канализацией и водопроводом. И с другой стороны, каждый британец знал, что Великобритания заявила о своем верховенстве в Южной Африке, и поэтому ему казалось, что родная страна, на защиту которой он рассчитывал, смотрит сквозь пальцы и молча соглашается с ненормальным положением. Как граждан властной державы их особенно уязвляла политическая зависимость. Британцы, таким образом, являлись самыми последовательными и активными из борцов.

Однако дело нельзя считать справедливым, если не излагается точка зрения и доводы противоположной стороны. Буры, как было кратко показано, потратили много сил, чтобы основать собственную страну. Они долго шли, усердно работали и отважно сражались. После всех этих усилий им было суждено увидеть наплыв в свою страну иностранцев, притом весьма подозрительных, которых стало больше, чем их самих. Если предоставить им изби-

¹⁸ Заявление, высказывание судьи, не являющееся решением по существу рассматриваемого дела (*лат.*).

рательное право, нет сомнений, что если сначала буры и будут иметь большинство голосов, то впоследствии иноземцы возьмут верх и выберут собственного президента, который может повести политику, неприемлемую для первоначальных хозяев этой земли. Должны ли буры при помощи тайного голосования упускать победу, которую они завоевали оружием? Благогородно ли ожидать этого? Эти иммигранты приехали за золотом. Они получили его. Их компании окупались на сто процентов. Разве этого не достаточно, чтобы удовлетвориться? Если им не нравится эта страна, почему они не уезжают? Никто не заставляет их жить здесь. Но если они остаются, пусть будут благодарны, что их вообще терпят, и пусть не смеют вмешиваться в законы тех, по чьей любезности их пустили в страну.

Вот честное изложение позиции буров, и по первому впечатлению непредвзятый человек может сказать, что в ней много справедливого; но более внимательное рассмотрение покажет, что, хотя в теории она, возможно, и логична, однако на практике – несправедлива и нереалистична.

В современном густонаселенном мире политику Тибета можно осуществлять где-нибудь в укромном углу, но ей невозможно следовать на огромном пространстве страны, находящейся на пути промышленного прогресса. Ситуация чересчур неестественна. Горстка людей по праву завоевания владеет обширной территорией, на которой они разбросаны так далеко друг от друга, что гордятся тем, что из одной фермы нельзя видеть дым другой. Тем не менее (несмотря на то, что их количество так мало по сравнению с огромной территорией) они отказываются допустить сюда других людей на равных правах, а объявляют себя привилегированным классом, который будет полностью доминировать над новоприбывшими. На этой земле их меньше, чем иммигрантов, куда лучше образованных и более прогрессивных, но они держат их в таком подчинении, какого больше не существует на всем земном шаре. По какому праву? По праву завоевания. Тогда то же самое право можно справедливо реализовать, чтобы изменить столь недопустимую ситуацию. Они и сами принимали такой поворот событий. «Давайте сражайтесь! Вперед!» – кричал член фольксраада,¹⁹ когда на рассмотрение представили петицию уитлендеров о предоставлении избирательного права. «Протестуем! Протестуем! Какая польза в протестах?! – заявлял Крюгер господину В. Кэмпбеллу. – У вас нет оружия, а у меня есть». Таков неизменно был суд последней инстанции. За президентом всегда стояли судьи «крэзо» и «маузер».

Кроме того, доводы буров казались бы убедительнее, если бы от иммигрантов не было прибыли. Пройгнорировав их, они прекрасно могли бы утверждать, что не желают их присутствия. Однако буры обогащались за счет уитлендеров. Они не могли иметь и то и другое одновременно. Было бы более последовательно мешать уитлендерам и ничего от них не брать или создать им условия и строить на их деньги государство, а относиться к ним плохо и в то же время наращивать силы за счет налогов – не что иное, как несправедливость.

К тому же вся аргументация буров строится на ограниченном расовом предположении, что любой гражданин небурского происхождения непременно будет непатриотичным. Исторические примеры опровергают это мнение. Новый гражданин быстро начинает так же гордиться своей страной и так же ревностно оберегать ее свободу, как и старый. Если бы президент Крюгер великодушно предоставил уитлендеру избирательное право, бурская пирамида твердо опиралась бы на свое основание, а не балансировала на вершине. Коррупцированная олигархия исчезла бы, и более толерантный дух всеобъемлющей свободы сказался бы на тактике государства. Республика стала бы сильнее и прочнее, имея население, которое, пусть и расходится в точках зрения на детали, сходилось бы во взглядах на основ-

¹⁹ *Фольксраад* (афр. *Volksraad*; народный совет) – представительный орган (парламент) в независимых республиках, образованных африканерами (бурами) в Южной Африке 1835–1845 гг. Фольксраадом на африкаанс также называется южноафриканская Палата Собраний, которая являлась нижней палатой южноафриканского парламента в 1910–1994 годах, и совещательный орган, созданный голландскими властями в Индонезии и существовавший с 1916 по 1942 год.

ные вещи. Отвечало бы такое решение британским интересам в Южной Африке – совсем другой вопрос. Так или иначе, президент Крюгер явно выступил большим другом империи.

Вот, что касается общего вопроса о причинах, почему уитлендеры волновались, а буры упрямылись. Детали продолжительной борьбы между соискателями избирательного права и теми, кто им в этом отказывал, можно опустить, однако не придать им никакого значения нельзя, если хочешь понять, как началось великое противостояние, ставшее следствием этой борьбы.

В момент принятия Преторийской конвенции (1881 год) избирательное право предоставлялось гражданам, прожившим больше года в стране. В 1882 году ценз пребывания повысили до пяти лет – разумный срок, принятый и в Великобритании, и в Соединенных Штатах. Если бы он таким и остался, можно не сомневаться, что никогда не возникли бы ни уитлендерский вопрос, ни Большая бурская война. Притеснения были бы ликвидированы изнутри, без внешнего вмешательства.

В 1890 году наплыв иммигрантов встревожил буров, и избирательное право стали предоставлять прожившим в стране уже более четырнадцати лет. Уитлендеры, число которых быстро увеличивалось и которые страдали от уже перечисленных притеснений, поняли, что при таком количестве несправедливостей бессмысленно рассчитывать на ликвидацию их *seriatim*.²⁰ Только получив рычаг избирательного права, они могли надеяться улучшить угнетавшую их тяжелую ситуацию. В 1893 году 13 000 уитлендеров обратились в фольксраад с петицией, сформулированной в самых уважительных выражениях. Обращение пренебрежительно проигнорировали. Эта неудача, однако, не остановила организовавший эту акцию Национальный союз реформ. В 1894 году он снова пошел в наступление. На сей раз Союз представил петицию, подписанную 35 000 взрослых уитлендеров-мужчин, что было больше всего бурского мужского населения страны. Небольшая прогрессивная часть фольксраада поддержала их меморандум и тщетно пыталась добиться какой-то справедливости для новоприбывших. Рупором этой группы избранных был господин Йеппе. «Они владеют половиной земли, они вносят по меньшей мере три четверти налогов, – сказал он. – Это люди, которые по состоянию, энергии и образованности как минимум нам равня. Что станет с нами или нашими детьми, когда в один прекрасный день нас окажется один к двадцати? Не останется ни единого друга среди остальных девятнадцати, которые тогда скажут, что они хотели быть нам братьями, а мы собственными руками превратили их в чужих для республики людей». Этим разумным и либеральным чувствам дали бой те члены фольксраада, которые утверждали, что подписи под петицией не могут принадлежать законопослушным гражданам, поскольку фактически они выступают против закона об избирательном праве. К ним присоединились и те, чья нетерпимость выразилась в уже процитированном нами вызове одного из них – «выходить и сражаться». Поборники исключительности и шовинизма взяли верх. Меморандум отвергли шестнадцатью голосами против восьми. По инициативе президента закон об избирательном праве стал еще строже, чем когда-либо, поскольку теперь требовал, чтобы соискатель отказался от предыдущего гражданства на четырнадцать лет испытательного срока. Таким образом, на этот период он фактически оказывался человеком без гражданства. Стало совершенно ясно, что никакие действия со стороны уитлендеров не смягчат президента и его бюргеров. Каждого, кто выступал с увещаниями, президент выводил из государственного здания и указывал на национальный флаг. «Видите этот флаг? – говорил он. – Дать избирательное право все равно что спустить его». Он испытывал к иммигрантам острую неприязнь. «Бюргеры, друзья, воры, убийцы, иммигранты и другие» – самое дружелюбное начало одного из его публичных выступлений. Несмотря на то что Йоханнесбург находится лишь в тридцати двух милях от Претории, а государство, гла-

²⁰ «Пункт за пунктом», «по порядку», «последовательно» (лат.).

вой которого он являлся, зависело от налогов с золотых рудников, президент посетил его только три раза за девять лет.

Эта стойкая неприязнь была достойной сожаления, но для него естественной. От националиста, за свою жизнь прочитавшего одну-единственную книгу, в которой именно эта идея и утверждается, нельзя ожидать, что он воспримет уроки истории, говорящие о том, как выигрывает государство от политики либерализма. Для него все звучало, как будто аммонитяне и моавитяне²¹ потребовали признания их коленом Израилевым. Он принял выступление против ограничительной политики государства за борьбу против самого государства. Доступное избирательное право сделало бы его республику устойчивой и прочной. Лишь незначительное меньшинство уитлендеров имело какое-то желание стать частью британской системы. В целом они представляли собой космополитичную массу, объединенную только общей для них несправедливостью. Но когда все другие методы не принесли результата, а просьбу о полноправном гражданстве им швырнули обратно, их глаза естественно обратились к флагу, развевающемуся на севере, западе и юге от них, – флагу, который подразумевает справедливость власти с равными правами и одинаковыми обязанностями для всех людей. Они отложили в сторону обсуждение конституции, контрабандой ввезли оружие и подготовились к организованному восстанию.

События, последовавшие в начале 1896 года, были так подробно описаны, что, возможно, нечего и сказать, кроме того, что это правда. Что касается самих уитлендеров, то их действия в высшей степени понятны и оправданны, они имели все основания для восстания против притеснений, каким никогда еще не подвергались люди нашей расы. Если бы они положились только на себя и справедливость своего дела, то их дух и даже материальное положение были бы много тверже. Однако, к несчастью, за ними стояли некие силы, природа и масштаб которых до сих пор (несмотря на учреждение двух комиссий по этому делу) полностью не раскрыты. Прискорбно, что были допущены попытки ввести следствие в заблуждение и скрыть документы, чтобы выгородить отдельные лица, поскольку осталось впечатление (полагаю, абсолютно ложное), будто британское правительство потворствовало военной вылазке, которая была столь же аморальна, сколь и пагубна.

Было решено, что в определенную ночь город поднимется, атакует Преторию, захватит форт и использует оружие и боеприпасы для вооружения уитлендеров. Это был осуществимый план, хотя нам, имеющим теперь представление о боевых качествах бюргеров, он, должно быть, кажется весьма безрассудным. Понятно, что восставшие рассчитывали удерживать Йоханнесбург, пока всеобщее сочувствие их делу, распространившееся по всей Южной Африке, не заставит Великобританию вмешаться. К сожалению, они усложнили ситуацию, попросив помощи извне. Премьером Капской колонии являлся мистер Сесил Родс, человек огромной энергии, сделавший для империи много хорошего. Мотивы его поступка неясны – конечно, мы можем говорить, что они не были постыдными, поскольку он всегда оставался человеком с великими помыслами и скромными привычками. Но каковы бы они ни были (либо неконтролируемым желанием объединить Южную Африку под британским правлением, либо горячим сочувствием уитлендерам в их борьбе против несправедливости), факт, что он позволил своему лейтенанту Джеймсону собрать конную полицию «Чартеред компани», основателем и руководителем которой являлся Родс, чтобы помочь восставшим в Йоханнесбурге. Более того, когда восстание в Йоханнесбурге вследствие разногласий относительно того, под каким флагом подниматься, решили отложить, Джеймсон (по приказу Родса или без такого приказа) заставил заговорщиков действовать немедленно и совершил вторжение в страну силами, до смешного недостаточными для решения задачи, – теми, которыми располагал. Пять сотен полицейских и три полевых орудия выдвинулись

²¹ Аммонитяне и моавитяне – древние народы Палестины.

из Мафекинга, ввязавшись в безнадежное предприятие, и 29 декабря 1895 года пересекли границу Трансвааля. 2 января буры окружили их на пересеченной местности под Дорнкопом. Потеряв многих убитыми и ранеными, оставшись без продовольствия, с истощенными лошадьми, они были вынуждены сложить оружие. В столкновении погибло шесть бюргеров.

Уитлендеров сурово порицают за то, что они не выслали отряд, чтобы помочь Джеймсону в трудный момент, однако непонятно, как они могли поступить иначе. Они сделали все, что было в их силах, для предотвращения выступления Джеймсона на их освобождение, и теперь довольно неразумно полагать, что им следовало освободить своего освободителя. Они, несомненно, переоценивали силу его отряда и с недоверием встретили известие об его пленении. Когда же это известие подтвердилось, они поднялись, правда, с неохотой, но не из-за недостатка смелости, а вследствие сложности своего положения. Во-первых, британское правительство категорически отреклось от Джеймсона и делало все, чтобы предотвратить восстание. Во-вторых, президент держал участников налета под стражей в Претории и давал понять, что их судьба зависит от того, как поведут себя уитлендеры. Их убеждали, что, если они не сложат оружие, Джеймсона расстреляют, хотя на самом деле Джеймсон и его люди сдались на условиях сохранения им жизни. Крюгер настолько искусно спекулировал заложниками, что ему удалось (с помощью британского специального уполномоченного) добиться того, что тысячи возбужденных жителей Йоханнесбурга сложили оружие без кровопролития. Полностью замороженные хитрым старым президентом, лидеры движения за реформы использовали все свое влияние, чтобы восстановить мир, полагая, что последует всеобщая амнистия. Однако, когда они и их люди оказались беспомощными, вооруженные бюргеры оккупировали город и шестьдесят человек из числа восставших были немедленно отправлены в преторийскую тюрьму.

Непосредственно к участникам набега президент проявил великодушие. Возможно, его сердце смягчилось в отношении людей, которым удалось дать ему права и завоевать для него сочувствие всего мира. Его собственное нетерпимое и жесткое обращение с иммигрантами было забыто в свете этого противозаконного вторжения. Оно настолько затмило истинные проблемы, что понадобились годы, чтобы их снова увидеть, а может, так никогда полностью и не разглядят. Было забыто, что именно дурное руководство страной являлось истинной причиной этого прискорбного вторжения. С того момента правительство могло действовать хуже и хуже, всегда имея возможность указывать на набег, который все оправдывал. Предоставить уитлендерам избирательное право? – Да как они могут рассчитывать на это после вторжения?! Британия возражает против огромных закупок вооружения и совершенно очевидной подготовки к войне? – Они лишь принимают меры предосторожности против следующего набега. Долгое время то вторжение стояло на пути не только всего прогресса, но и любых возражений. Британское правительство оказалось под подозрением и с подмоченной репутацией вследствие действий, которыми оно не руководило, а, напротив, сделало все, чтобы их предотвратить.

Участников набега отослали домой, где их совершенно справедливо демобилизовали, а старших офицеров приговорили к разным срокам тюремного заключения, что, безусловно, достаточно сурово. Сесила Родса не наказали, он сохранил членство в Тайном совете, и его «Чартеред компани» продолжила существование. Это было непоследовательно и не поставило точки в деле. Как сказал Крюгер, «...нужно наказывать не собаку, а человека, который ее на меня натравил». Общественное мнение (несмотря или вследствие большого количества свидетелей) было плохо информировано относительно правильного понимания вопроса, и стало ясно, что поскольку отношение голландцев Капской колонии к нам враждебно, то небезопасно отталкивать еще и британского африканера, превращая в мученика их любимого лидера. Но каковы бы ни были доводы в пользу целесообразности, понятно, что буров сильно возмутила (и справедливо) неприкосновенность Родса.

Тем временем и президент Крюгер, и его бюргеры проявили к политическим заключенным из Йоханнесбурга бóльшую суровость, чем к вооруженным соратникам Джеймсона. Весьма любопытна их национальность: двадцать три англичанина, шестнадцать южноафриканцев, девять шотландцев, шесть американцев, два валлийца, один ирландец, один австралиец, один голландец, один баварец, один канадец, один швейцарец и один турок. Узников арестовали в январе, но суд состоялся только в конце апреля. Всех признали виновными в государственной измене. Мистера Лайонела Филлипса, полковника Родса (брата Сесила Родса), Джоржа Фаррара и мистера Хаммонда, американского инженера, приговорили к смертной казни. Приговор впоследствии смягчили до выплаты огромного штрафа. Другим пленникам назначили по два года тюремного заключения и штраф 2000 фунтов. Заключение было в высшей степени мучительным, его усугубляла грубость тюремного надзирателя дю Плесси. Один из несчастных перерезал себе горло, а несколько человек серьезно заболели вследствие ужасного питания и антисанитарных условий. Наконец в конце мая узников, за исключением шести человек, освободили. Вскоре за ними последовали еще четверо из этих шести, а двое непреклонных, Сампсон и Дейвис, отказывавшихся подписывать какие-либо прошения, оставались в тюрьме до 1897 года. Правительство Трансвааля в качестве штрафов получило от политических узников в целом огромную сумму в 212 000 фунтов стерлингов. Сразу после этого некоторое комичное разнообразие в столь печальный эпизод внес предъявленный Великобритании счет на 1 677 938 фунтов 3 шиллинга 3 пенса, основная часть которого проходила по статье – «моральный и интеллектуальный ущерб».

Вторжение осталось в прошлом, движение за реформы тоже, но причины, их вызвавшие, продолжали существовать. Трудно понять, почему государственный деятель, который любит свою страну, не сделал ни единого усилия, чтобы изменить положение вещей, уже послужившее причиной серьезных опасностей и с каждым годом усугублявшееся. Однако Паулус Крюгер ожесточился сердцем, и ничто не могло его изменить. Притеснения уитлендеров только усилились. Единственной инстанцией, к которой они раньше имели возможность обратиться, чтобы получить хоть какую-то сатисфакцию за свои обиды, был суд. Теперь вышел закон о подчинении судов фольксраду. Главный судья выразил протест против подобного снижения статуса его высокого поста и в результате был смещен без назначения пенсии. Занял вакансию судья, который приговорил реформаторов, и уитлендеры лишились твердой защиты закона.

Чтобы изучить ситуацию в горнодобывающей промышленности и законы, от которых страдают иммигранты, была направлена государственная комиссия. Председателем являлся мистер Схалк Бюргер, один из наиболее либеральных буров, и разбирательство велось тщательно и непредвзято. В результате появился доклад, полностью реабилитирующий реформаторов и предлагавший меры, чтобы соблюсти интересы уитлендеров. Законы, свободные от предрассудков, могли бы уменьшить их желание так настоятельно получить избирательное право. Однако президент и его совет не пожелали принять рекомендации комиссии. Прямолинейный старый диктатор объявил, что, подписав подобный документ, Схалк Бюргер предал свою страну, а затем создал новую реакционную комиссию для оценки доклада. Слова и бумаги стали единственным продуктом этого дела. Никакого улучшения положения жизни иммигрантов не произошло. Однако они, по крайней мере, снова привлекли внимание общества к своим проблемам, и наиболее уважаемые бюргеры их поддержали. Постепенно в прессе англоязычных стран тема вторжения перестала затмевать истинную сущность проблемы. Становилось все яснее и яснее, что устойчивый мир невозможен там, где меньшинство населения притесняет большинство. Уитлендеры пользовались мирными методами и потерпели неудачу. Они прибегли к силе и ничего не добились. Какие пути им остались? Их родная страна, господствующая в Южной Африке держава, никогда не помогала им. Может быть, если прямо обратиться к ней, она откликнется? Она не сможет, хотя бы из соображе-

ний собственного имперского престижа, навсегда оставить своих детей в униженном положении. Уитлендеры решили обратиться с петицией к королеве и таким образом вынести свои претензии за пределы внутреннего конфликта в область международной политики. Великобритания должна была либо защитить их, либо признать, что это не в ее силах. В апреле 1899 года прямое обращение к королеве с просьбой о защите подписала двадцать одна тысяча уитлендеров. С этого момента события неотвратно развивались в одном направлении. Иногда поток был спокойный, иногда появлялась рябь, однако он двигался неизменно быстро, и рев водопада в ушах постоянно усиливался.

3

Переговоры

Британское правительство и британский народ не желали прямого правления в Южной Африке. Их главный интерес состоял в том, чтобы различные страны жили там в согласии и достатке и не было бы нужды в присутствии британского «красного мундира»²² по всему этому огромному полуострову. Наши зарубежные критики с их неправильным представлением о британской колониальной системе никак не могут понять, что государственные доходы Великобритании ни на шиллинг не зависят от того, развеивается над автономной колонией четырехцветный флаг Трансвааля или «Юнион Джек».²³ Трансвааль, как британская провинция, будет иметь собственное законодательство, свой доход, свои расходы и свои собственные таможенные тарифы для метрополии, как и для всего остального мира. Англия не станет богаче от такой перемены. Это настолько очевидно для британца, что он прекратил разговоры на эту тему и, возможно, именно потому остается непонятым за границей. Более того, ничего не выигрывая от этого, метрополия оплачивает новый статус кровью и деньгами. Таким образом, у Великобритании были все основания избегать столь тяжелой задачи, как завоевание Южно-Африканской Республики. В лучшем случае она ничего не выгадывала, в худшем – многое теряла. Здесь не было места амбициям или агрессии. Выбор состоял в том, чтобы уклониться или исполнить в высшей степени тяжкий долг.

Не может быть и речи о существовании плана захвата Трансвааля. В свободной стране правительство не может игнорировать общественное мнение, которое испытывает влияние печати и отражается в газетных статьях. Прочитайте подшивки прессы за месяцы переговоров, вы не найдете там ни единого материала в поддержку аннексии, как не нашли бы и в обществе ни единого адвоката такой меры. Однако имела место огромная несправедливость, а все, что требовалось, – это минимальные меры, чтобы ликвидировать несправедливость и восстановить в Африке равенство между белыми людьми. «Будь Крюгер более либеральным в предоставлении избирательного права, – писала газета, которая точнее других представляла наиболее разумную позицию британцев, – его республика станет не слабее, а много прочнее. Дай он полное право голоса большинству совершеннолетних жителей мужского пола, сразу придаст своей республике стабильность и мощь, какой она не может получить ни от чего другого. Если же он отвергнет все изменения в этом вопросе и будет упорно следовать сегодняшней политике, то, вероятно, отодвинет беду и сохранит свою драгоценную олигархию еще на несколько лет, однако конец все равно будет тем же самым». Прочитанный фрагмент отражает настрой всей британской прессы, за исключением одной или двух газет, которые полагали, что даже постоянно дурное обращение с нашими людьми и тот факт, что мы несем за них непосредственную ответственность, не оправдывает нашего вмешательства во внутренние дела другой республики. Нельзя отрицать, что «рейд Джеймсона» и то, как неполно были расследованы связанные с ним обстоятельства, ослабили позицию тех, кто был за энергичное выступление в интересах британских подданных. Существовало хотя и смутное, но присутствующее у многих чувство, что капиталисты накаляют ситуацию в собственных целях. Трудно себе представить, как состояние недовольства и неопределенности в обществе, не говоря уже о войне, может быть выгодно, и, несомненно, ясно, что, если какой-то ловкач использовал бы проблемы уитлендеров в своих интересах, лучшим

²² «Красные мундиры» – прозвище английских солдат, данное из-за красного мундира, появилось во времена Войны за независимость в Северной Америке.

²³ «Юнион Джек» (от англ. Union Jack) – флаг Британской империи в 1603–1997 гг.

средством сорвать его планы было бы просто решить эти проблемы. Такое подозрение тем не менее реально существовало у тех, кому нравилось не замечать главного и преувеличивать второстепенное. В течение переговоров мощь Великобритании была ослаблена искренним, но трусливым и нереалистичным меньшинством, на что, несомненно, и рассчитывал противник. Идеализм и болезненная, беспокойная совесть – два самых опасных несчастья, от которых вынуждено страдать современное прогрессивное государство.

Британские уитлендеры послали в родную страну просьбу о защите в апреле 1899 года. С апреля предыдущего года велась переписка между доктором Лейдсом, статс-секретарем Южно-Африканской Республики, и британским министром колоний мистером Чемберленом по поводу существования или отсутствия сюзеренитета. Одна сторона утверждала, что вторая конвенция полностью аннулировала первую, другая – что преамбула первой конвенции применяется также и ко второй. Если точка зрения Трансвааля была верна, ясно, что Великобританию обвели вокруг пальца и обманом поставили в такое положение, поскольку она не получила во второй конвенции *quid pro quo*,²⁴ а даже от самого невнимательного из министров колоний вряд ли можно ожидать, что он отдаст нечто весьма существенное просто так. Точка зрения Трансвааля возвращает нас к риторическому вопросу о существовании сюзеренитета. Трансвааль признал право вето в своих внешнеполитических делах, что само по себе, если они прямо не разорвут этой конвенции, лишает их государство независимости. В общем, этот вопрос следует признать достойным передачи в третейский суд, заслуживающий доверия.

Однако теперь к этому спору (не слишком горячему, поскольку между заявлением и ответом прошло семь месяцев) прибавился насущный и мучительный вопрос притеснений, а также петиции уитлендеров. Сэр Альфред Милнер, человек либеральных убеждений, британский комиссар в Южной Африке, который был назначен правительством консерваторов, пользовался уважением и доверием всех партий. Он имел репутацию способного здравомыслящего человека, слишком порядочного, чтобы поступать несправедливо или терпимо к этому относиться. Именно ему поручили дело, между ним и президентом Крюгером была организована встреча в Блумфонтейне, столице Оранжевого Свободного Государства. Они встретились 30 мая. Крюгер заранее объявил, что можно обсуждать любые вопросы, кроме независимости Трансвааля. «Все, все, все!» – твердо заявлял он. Однако на практике обнаружилось, что стороны не могут договориться о том, что угрожает этой независимости, а что нет.

Необходимое для одного являлось неприемлемым для другого. Милнер настаивал на том, что срок, который предшествовал бы получению избирательного права и условий, обеспечивающих адекватное представительство для горнодобывающих районов, должен быть не менее пяти. Крюгер предложил семилетний срок вкуче с многочисленными ограничениями, практически сводящими на нет ценность законодательного акта, а также обещал пять членов из тридцати одного человека, чтобы представлять большинство мужского населения. Он также добавил условие, что все разногласия должны выноситься на рассмотрение других держав – условие, несовместимое с сюзеренитетом. Предложения одного являлись невыполнимыми для другого, и в начале июня сэр Альфред Милнер возвратился в Кейптаун, а президент Крюгер в Преторию, не урегулировав ничего, но с ощущением чрезвычайной сложности вопроса. Поток мчался быстро, и шум водопада становился громче.

12 июня сэр Альфред Милнер принял в Кейптауне депутацию и дал оценку ситуации. «Принцип равенства народов, – сказал он, – являлся для Южной Африки необходимым. Одно государство, в котором существовало неравенство, в напряжении держало все остальные. Наша политика была политикой не агрессии, а исключительного терпения, которое,

²⁴ «Услуга за услугу», в данном контексте – компенсация (лат.).

однако, не может превращаться в равнодушие». Двумя днями позже Крюгер обратился к фольксраду. «Противоборствующая сторона не уступила ни пяди, и я не мог дать больше. Господь всегда помогал нам. Я не хочу войны, но и не подарю ничего. Пусть однажды у нас отняли независимость, но Господь ее возвратил». Он, несомненно, говорил со всей искренностью, однако трудно слышать благодарность Богу за режим, который поощрял спаивание негров и породил самых коррумпированных чиновников в современном мире.

Официальный доклад сэра Альфреда Милнера, в котором излагалось его мнение относительно сложившегося положения, как ничто другое, заставил британское общество осознать серьезность ситуации и почувствовать настоятельную необходимость в усилиях государства, чтобы поправить дело.

В докладе говорилось следующее: «Доводы за вмешательство перевешивают все остальные. Существует позиция, что все наладится само собой. Однако в действительности политика невмешательства, проводимая уже долгое время, только усугубила ситуацию. Неправда, что ухудшение положения произошло вследствие рейда Джеймсона. Дела шли все хуже до того, как был предпринят этот рейд. В его канун мы находились на грани войны, а Трансвааль – на грани революции. В результате рейда политика невмешательства получила новых сторонников, но последствия ее остались прежними.

Созерцание тысяч британских подданных, постоянно находящихся на положении рабов, страдающих от бесспорных притеснений и тщетно взывающих к правительству Ее Величества о помощи, неуклонно подрывает влияние и авторитет Великобритании при правлении королевы. Ряд печатных изданий, и не только в Трансваале, открыто и постоянно проповедуют доктрину единой республики на всей территории Южной Африки, поддерживая ее зловещими намеками на вооружение Трансвааля, его альянс с Оранжевым Свободным Государством и активное сочувствие, которое, в случае войны, окажет часть подданных Ее Величества. С сожалением должен отметить, что эта доктрина, подкрепляемая также нескончаемым потоком злобной лжи о намерениях правительства Ее Величества, производит большое впечатление на огромное количество наших голландских колонистов. Часто возникают разговоры о том, будто голландцы даже в Капской колонии имеют какое-то преимущественное право перед их согражданами британского происхождения. В тысячах людей, настроенных миролюбиво и, если их оставить в покое, полностью удовлетворенных своим положением британских подданных, культивируют недовольство, что, в свою очередь, раздражает британцев.

Я не вижу ничего, что могло бы положить конец этой вредной пропаганде, кроме убедительного доказательства намерения правительства Ее Величества не ослаблять своих позиций в Южной Африке».

Вот авторитетные и взвешенные слова, которыми британский проконсул предупредил своих соотечественников о надвигающемся будущем. Он видел, что на севере собирается грозная туча, но даже его глаза еще не различали, насколько буря была близка и ужасна.

В течение последней декады июня и начале июля большие надежды возлагались на посредничество глав Союза африканеров, политической партии голландцев Капской колонии.²⁵ С одной стороны, они были соплеменниками буров, с другой – являлись британскими подданными и пользовались всеми преимуществами тех демократических институтов, которые мы хотели распространить на Трансвааль. «Только относитесь к нашим братьям так, как мы относимся к вашим!» – вся суть наших разногласий сконцентрировалась в этой мольбе. Однако миссия никаких результатов не дала, хотя проект, предложенный господами Хофмейером и Герхолдтом из Союза африканеров и Фишером из Оранжевого Свободного Государства, был представлен в совет и одобрен мистером Шрайнером, африканером, премьером

²⁵ Капская колония существовала в 1880–1911 гг.

Капской колонии. В первоначальном варианте статьи закона были запутанными и расплывчатыми, срок, предшествующий наступлению избирательного права, варьировался от девяти до семи лет в зависимости от условий. Однако в ходе дискуссии они были изменены: срок сократился до семи лет, а представительство золотых приисков возросло до пяти человек. Эта уступка не была значительной, как и представительство для большинства населения нельзя назвать щедрым, однако сокращение срока разрешения на право голоса горячо приветствовали в Англии как знак того, что компромисс может быть достигнут. Страна издала вздох облегчения. «Если, – сказал министр колоний, – сообщение подтвердится, то это важное изменение в предложениях президента Крюгера, вкупе с предыдущими поправками, даст нашему правительству основания надеяться, что новый закон может стать основой для урегулирования на позициях, заложенных сэром Альфредом Милнером при встрече в Блумфонтейне». Он добавил, что введены некоторые осложняющие условия, но заключил: «Правительство Ее Величества чувствует уверенность, что президент Трансвааля будет готов пересмотреть любую деталь проекта, которая может стать препятствием для полного решения рассматриваемой проблемы, и не позволит свести на нет или снизить значение принятого решения последующими изменениями закона и административными актами». Тогда же «Таймс» объявила, что кризис разрешен. «Если голландские политики Капской колонии убедили своих собратьев в Трансваале провести такой билль, то они заслуживают глубокой благодарности не только своих соотечественников и английских колонистов в Южной Африке, но и всей Британской империи и цивилизованного мира».

Однако этой ясной перспективе вскоре суждено было затуманиться. Встали вопросы о деталях, при ближайшем рассмотрении оказавшихся весьма значительными. Уитлендеры и британские южноафриканцы, которые в прошлом не раз убеждались, насколько иллюзорными могут быть обещания президента Трансвааля, настаивали на гарантиях. Предложенные семь лет, объявленные сэром Альфредом Милнером как несократимый минимум, увеличились на два года от первоначального периода. Этот пункт не помешал бы согласиться с законопроектом, даже за счет некоторого унижения нашего представителя. Однако существовали положения, которые вызывали подозрения, поскольку были разработаны столь ловким дипломатом. Одно из них гласило, что иностранец, претендующий на гражданство, должен представить свидетельство о постоянной регистрации в течение определенного времени. Но закон о регистрации в Трансваале вышел из употребления, и, следовательно, эта статья могла сделать весь билль бессмысленным. Поскольку ее заботливо сохраняли, значит, безусловно, намеревались использовать. Дверь открыли, но заблокировали ее камнем. И еще, непрерывное гражданство иммигрантов поставили в зависимость от решения первого фольксраада, так что, если члены от горнопромышленников предложат какую-либо реформу, не только их законопроект, но и их самих бурское большинство сможет выкинуть из палаты. Что могла делать оппозиция, когда правительство в любой момент имело возможность голосованием лишить их всех парламентского мандата? Было ясно, что меру, содержащую подобные статьи, необходимо тщательно проанализировать, прежде чем британское правительство сможет принять ее за окончательное урегулирование и обеспечение справедливости подданым короны. С другой стороны, оно, естественно, не желало отвергать статьи, обещающие улучшение их положения. Поэтому оно предложило, чтобы каждое правительство назначило представителей в согласительную комиссию, которая выяснит пригодность предлагаемого закона до того, как он примет окончательный вид. Предложение было представлено в совет 7 августа с добавлением, что, когда это будет сделано, сэр Альфред Милнер готов обсуждать все остальные моменты, включая суд, без вмешательства иностранных держав.

Идею согласительной комиссии критикуют как непростительное вмешательство во внутренние дела другой страны. Но тогда весь вопрос с самого начала касался внутреннего

дела другой страны, поскольку внутреннее равноправие белых жителей являлось условием, на котором было восстановлено самоуправление Трансвааля. Безнадежно предлагать сравнения, но представьте, как повела бы себя Франция, вмешайся Германия в вопрос предоставления во Франции избирательного права. Однако, если бы во Франции немцев находилось столько же, сколько французов, а права их были бы ущемлены, Германия вмешалась бы достаточно быстро и продолжала бы делать это до установления справедливого *modus vivendi*.²⁶ Дело в том, что ситуация Трансвааля единична, такого положения вещей нигде не существовало, и к нему нельзя применить претензий, кроме общей нормы, что меньшинство белых людей не может всегда облагать налогами и управлять большинством. Чувство склоняется в сторону меньшего народа, но разум и право – полностью на стороне Англии.

На предложения министра колоний долго не реагировали. Из Претории не поступало никакого ответа. Но по обе стороны появились свидетельства, что приготовления к войне, которые скрытно осуществлялись еще до рейда Джеймсона, теперь поспешно завершаются. На вооружение тратились суммы, громадные для столь небольшого государства. Ящики с винтовками и боеприпасами потекли в арсенал не только из залива Делагоа,²⁷ но даже (к негодованию английских колонистов) через Кейптаун и Порт-Элизабет. Большие ящики с ярлыками «Сельскохозяйственные орудия» и «Горное оборудование» прибывали из Германии и Франции, чтобы расположиться в фортах Йоханнесбурга или Претории. В бурских городах мелькали люди из разных стран, но с одинаковым воинственным выражением лица. Европейские *condottieri*²⁸ были как никогда готовы променять свою кровь на золото, и в конце концов они смело выполнили свою часть сделки. Более трех недель, пока мистер Крюгер хранил молчание, шли эти красноречивые приготовления. Однако гораздо больше ситуацию определял другой факт. Бюргер не может воевать без своей лошади, его лошадь не может двигаться без травы, трава будет только после дождя, а до периода, когда должен пойти дождь, оставалось несколько недель. Переговоры, следовательно, требовалось затягивать до тех пор, пока земля представляла собой голую, красновато-коричневую, пыльную равнину. Мистер Чемберлен и британское общество неделю за неделей ждали ответа на свой вопрос. Однако и их терпению есть предел, и он наступил 26 августа, когда министр колоний сказал с прямотой, нехарактерной для языка дипломатии, что вопрос не может оставаться в подвешенном состоянии вечно. «Время истекает, – сказал он. – Если оно закончится, мы не ограничимся тем, что предлагали раньше. Причем, взявшись за дело, не отступимся, пока не обеспечим условий, которые раз и навсегда положат конец разговорам о том, кто является в Южной Африке господствующей державой, и предоставят нашим согражданам те самые равные права, которые обещал им президент Крюгер, когда королева даровала Трансваалю независимость. Это самое малое, что по справедливости они должны иметь». Немногим раньше лорд Солсбери был столь же эмоционален. «Никто в нашей стране не желает нарушать соглашений, пока признается, что, гарантируя независимость Трансвааля с одной стороны, они гарантируют равные политические и гражданские права поселенцам всех национальностей – с другой. Однако эти соглашения не являются “законом мидян и персов”».²⁹

²⁶ От *лат.* *Modus vivendi*. 1. Прямое значение: «образ жизни», *modus* – «образ, способ», *vivendi* – «жизни, существования». 2. Переносное значение: «согласие на разногласие», то есть вид временного соглашения, при котором стороны, которые не способны договориться в ближайшее время, все же могут как-то мирно сосуществовать друг с другом до принятия окончательного соглашения. Основное отличие «модуса вивенди» от обычного соглашения в том, что ему не нужна ратификация в парламенте. Обе стороны изначально понимают временный характер такого соглашения и необходимость договориться по всем вопросам в будущем.

²⁷ Залив Мапуту в Индийском океане у берегов Мозамбика.

²⁸ *Кондотьеры* – люди, готовые за деньги сражаться за любое дело, солдаты-наемники.

²⁹ «Закон мидян и персов» – указ в Персии, с царской печатью «Отмене не подлежит».

Они не вечны, их можно аннулировать, а однажды отмененные, они уже никогда не будут восстановлены в прежнем виде». Долготерпению Великобритании начал подходить конец.

Между тем из Трансвааля прибыло новое официальное послание, предлагающее альтернативу согласительной комиссии. В нем говорилось, что бурское правительство примет предложения сэра Альфреда Милнера относительно избирательного права при условии, что Великобритания откажется от претензий на сюзеренитет, согласится на третейский суд и даст обещание никогда больше не вмешиваться во внутренние дела республики. На это Великобритания ответила, что готова согласиться на арбитраж, надеется больше никогда не иметь оснований вмешиваться для защиты своих подданных, поскольку с предоставлением избирательного права все предпосылки для такого вмешательства исчезнут, но она никогда не согласится отказаться от своего положения сюзерена. Официальное послание мистера Чемберлена заканчивалось напоминанием правительству Трансвааля о том, что кроме избирательного права между двумя правительствами остаются открытыми и другие спорные вопросы, которые следует разрешить одновременно с первым. Под ними он подразумевал положение коренных народов и отношение к англо-индусам.

2 сентября поступил ответ правительства Трансвааля. Он был кратким и жестким: буры отозвали свое предложение о предоставлении избирательного права и снова подтвердили непризнание сюзеренитета. Переговоры зашли в тупик. Было непонятно, каким образом их можно продолжить. Учитывая вооружение бюргеров, небольшой гарнизон Наталя занял позиции на границе. Трансвааль потребовал объяснений по этому факту. Сэр Альфред Милнер ответил, что они охраняют британские интересы и готовятся на случай непредвиденных обстоятельств. Рев водопада зазвучал близко и мощно.

8 сентября состоялось заседание Кабинета министров – одно из самых важных за последние годы. В Преторию направили официальное послание, которое даже оппоненты правительства признали сдержанным и предоставляющим основу для мирного урегулирования. Оно начинается с категорического отказа удовлетворить требование Трансвааля о государственном суверенитете в том смысле, в каком его представляет Оранжевое Свободное Государство. Все предложения, поставленные в зависимость от этого условия, поддержаны быть не могут.

Британское правительство, однако, было готово согласиться на срок для получения избирательного права в пять лет, как говорилось в ноте от 19 августа, предполагая в то же время, что в совете каждый член сможет выступать на своем языке.

«Принятие Южно-Африканской Республикой этих условий немедленно снимет напряженность между двумя правительствами и, безусловно, сделает ненужным какое-либо вмешательство в будущем для устранения ограничения прав, поскольку уитлендеры будут иметь возможность самостоятельно привлекать к ним внимание в исполнительном совете и фольксрааде.

Правительство Ее Величества все больше заботит опасность дальнейшего промедления в снятии напряжения, которое уже нанесло большой ущерб интересам Южной Африки, и оно убедительно настаивает на незамедлительном и ясном ответе на настоящее предложение. Если оно будет принято, правительство готово немедленно начать мероприятия... чтобы оговорить все детали предполагаемого третейского суда. Если же ответ Южно-Африканской Республики будет отрицательным или неконструктивным (чего, мы искренне надеемся, не случится), я уполномочен заявить, что правительство Ее Величества оставляет за собой право пересмотреть ситуацию *de novo*³⁰ и сформулировать собственные предложения по окончательному урегулированию».

³⁰ «Заново», «с самого начала» (лат.).

Таково было официальное послание, и Великобритания с напряженным вниманием ожидала ответа. Но снова последовала заминка, а в это время пошел дождь, подросла трава, и равнина стала подходящей для конного стрелка. Бюргеры были не склонны идти на уступки. Они знали, на что способны, и решили (совершенно справедливо), что на тот момент являются самой мощной военной державой в Южной Африке. «Мы справлялись с Англией и раньше, но это ничто по сравнению с тем, что мы покажем ей теперь», – восклицал известный гражданин, а он, по его собственному утверждению, говорил за всю страну. Таким образом, империя ждала и дискутировала, а звуки сигнальной трубы уже прорывались сквозь прения политиков, призывая народ снова пройти испытание войной и бедой, которыми провидение по-прежнему готовит нас к более благородной и высокой цели.

4

Канун войны

Нота, направленная Кабинетом министров 8 сентября, несомненно, являлась предвестником либо мира, либо войны. Туча должна была пролиться или пронестись мимо. Ожидая ответа, страна провела некоторое время в изучении и обсуждении военных приготовлений, которые могут понадобиться. Военное министерство несколько месяцев вело подготовку на случай непредвиденных обстоятельств и произвело определенные передислокации, которые оно считало достаточными, но, как покажет наш будущий опыт, оказавшиеся слишком незначительными для серьезного дела.

Занятно, просматривая подшивки газет уровня «Таймс», наблюдать, как сначала один или два небольших материала военного содержания появляются среди бесконечных столбцов сообщений, посвященных дипломатии и политике, как постепенно они все увеличиваются в объеме, пока наконец не происходит полный переворот – дипломатия сужается до крошечных заметок и война заполняет все пространство. Первое мерцание оружия в тусклой монотонности британских газет датируется седьмым июля. В этот день сообщалось об отправке двух рот инженерных войск и территориального корпуса с запасом провианта и боеприпасов. Две роты инженерных войск! Кто мог предвидеть, что они станут авангардом самой большой армии, когда-либо в мировой истории пересекавшей океан и какой еще не доводилось командовать британскому генералу.

15 августа, в тот момент, когда переговоры уже вошли в самую серьезную фазу после провала встречи в Блумфонтейне и отъезда сэра Альфреда Милнера, британские силы в Южной Африке абсолютно и нелепо не соответствовали потребностям защиты нашей собственной границы. Несомненно, этот факт должен открыть глаза тем, кто, несмотря на все доказательства, утверждает, что эта война спровоцирована британцами. Политик, желающий войны, обычно готовится к ней, и это именно то, что мистер Крюгер делал, а британские власти – нет. В это время господствующая сюзеренная держава имела на гигантской границе два кавалерийских полка, три батареи полевой артиллерии и шесть с половиной батальонов пехоты – примерно шесть тысяч солдат. А безобидные государства могли выставить сорок-пятьдесят тысяч конных стрелков, мобильность которых удваивала их силу, а также самую лучшую артиллерию, включая орудия такого крупного калибра, каких еще не видели на полях сражений. Совершенно очевидно, что буры тогда были в состоянии с легкостью пробиться и в Дурбан, и в Кейптаун. Британские войска, обреченные на оборонительные действия, могли сначала оказаться заблокированными, а затем были бы сломлены, и тогда основные силы буров встретились бы только с неорганизованной самообороной, нейтрализованной индифферентностью или враждебностью голландских колонистов. Поразительно, что наши власти, похоже, никогда не рассматривали возможность того, что буры сделают первый шаг, или не понимали, что в этом случае нашему запоздалому подкреплению придется высаживаться под огнем республиканских пушек.

В июле Наталь встревожился, и премьер-министр колонии направил решительный протест губернатору сэру В. Х. Хатчинсону, а также Министерству по делам колоний. Было хорошо известно, что Трансвааль вооружен до зубов, Оранжевое Свободное Государство готово к нему присоединиться, и прилагаются усилия (как неафишируемые, так и публикуемые в прессе) поколебать лояльность голландских граждан в обеих британских колониях. Находящиеся в опасности люди замечали многочисленные дурные признаки. Поля подожгли необычно рано, чтобы после первых дождей трава быстрее начала расти, собрали лошадей, раздали винтовки и патроны. Фермеры Свободного Государства, которые зимой пасли скот

на земле Наталья, отогнали стада в безопасные места за линией Дракенсберга. Все указывало на приближающуюся войну, и Наталь отказывался удовлетвориться отправкой даже еще одного полка. 6 сентября в Министерстве по делам колоний получили второе обращение, в котором дело излагалось предельно четко и ясно.

«Премьер-министр желает, чтобы я по единодушному совету министров убедил вас в том, что в Наталь немедленно следует направить войска, достаточные для защиты от нападения Трансвааля и Оранжевого Свободного Государства. Главнокомандующий Наталья поставил меня в известность, что, даже когда прибудет Манчестерский полк, сил хватит только для того, чтобы занять Ньюкасл и прикрыть южную границу колонии, тогда как Лаингс-Нек, Ингого-Ривер и Зулуленд останутся неохраняемыми. Моим министрам известно, что, как в Трансваале, так и в Оранжевом Свободном Государстве, предприняты все меры, чтобы обеспечить немедленное нападение на Наталь. Мои министры полагают, что буры пришли к мысли о неизбежности войны, и в этом случае для них лучшим вариантом является наступление до того, как к нам прибудет подкрепление. Получена информация, что вторжения будут производиться в направлении Мидл-Дрифта и Грейтауна, а также Бондс-Дрифта и Стангара с целью ударить по железной дороге Питермарицбург – Дурбан и перерезать линии коммуникации войск и снабжения. Практически все фермеры Оранжевого Свободного Государства, обычно остающиеся в натальском округе Клип-Ривер по меньшей мере до октября, ушли с большими для себя потерями: их овцы ягнятся по дороге и ягнята умирают или получают травмы. По крайней мере два фермера из округа Интоньянани перевезли все свое имущество в Трансвааль, стараясь захватить в заложники детей работавших на ферме негров. Из надежных источников получены донесения о попытках повлиять на лояльное коренное население и настроить одно племя против другого, чтобы вызвать беспорядки и отвлечь наши оборонительные силы. В Фолксрюсте, Фрейхейде и Стандертоне созданы крупные запасы продовольствия и товаров военного значения. Личности, которых считают шпионами, изучали мосты на Натальской железной дороге, и известно, что шпионы есть во всех важных центрах колонии. По мнению министров, такие катастрофы, как захват Лаингс-Нека, разрушение северного участка железной дороги, успешный рейд или вторжение (что, как они полагают, задумывается), произведут самый деморализующий эффект на коренное население и лояльных европейцев колонии. К тому же они сильно воодушевят буров и тех их сторонников в обеих колониях, которые, хотя вооружены и готовы к выступлению, возможно, будут вести себя тихо, если не получат толчка извне. Министры согласны с намерением правительства Ее Величества использовать мирные средства для облегчения положения уитлендеров и официального утверждения верховной власти Великобритании, прежде чем прибегнуть к войне, однако настаивают на мерах предосторожности».

В ответ на это и другие обращения войска в Натале постепенно усилили, частично за счет формирований из Европы, частично переброской пяти тысяч британских солдат из Индии. 2-й Беркширский, 1-й Королевский манчестерский фузилерский, 1-й Манчестерский и 2-й Дублинский фузилерский полки прибыли вместе с артиллерийским подкреплением. Из Индии перебросили 5-й драгунский гвардейский, 9-й уланский, 19-й гусарский, а также 1-й Девонширский, 1-й Глостерский, 2-й Гордонский хайлендский полки и 2-й полк Королевских стрелков. Эти полки совместно с 21-й, 42-й и 53-й батареями полевой артиллерии составляли Индийский контингент. Их прибытие в конце сентября увеличило численность войск в Южной Африке до 22 000 человек. Этим подразделений не хватало, чтобы отбросить многочисленного, мобильного и отважного противника, однако они оказались способны предотвратить ту катастрофу, которая, как мы теперь знаем, над нами нависала.

Что же касается расположения войск, то мнения властей Наталья и полевых командиров разошлись. Принц Крафт говорил, что «стратегии и тактике порой приходится уступать требованиям политики», однако политическая необходимость должна быть очень серьез-

ной и всем до конца понятной, если за нее нужно платить кровью солдат. Несовершенство нашего рассудка или характерное для британцев предубеждение не позволяет обученному солдату видеть в фермере, сидящем на коне, серьезного противника, несмотря на имеющийся печальный опыт. Даже когда наши газеты писали о том, что, по крайней мере на этот раз, мы не станем недооценивать своего врага, мы все равно самым серьезным образом ошиблись в отношении буров. Северная треть Наталя – позиция с военной точки зрения такая уязвимая, какую мечтал бы получить любой игрок в *kriegspiel*.³¹ Она сходится в острый угол, завершающийся на вершине сложным перевалом, зловещим Лаингс-Неком, над которым господствует еще более мрачная Маджуба. Обе стороны угла открыты для вторжения, одна из Трансвааля, другая из Оранжевого Свободного Государства. Армия, стоящая в вершине угла, оказывается в настоящей ловушке, потому что подвижный противник может нахлынуть в страну немного южнее, перерезать путь снабжения и создать цепь полевых укреплений, которые превратят отступление в чрезвычайно сложное дело. И далее, в таких местах, как Ледисмит или Данди, опасность, хотя и не так остро, тоже присутствовала, если оборонительные порядки не будут достаточно сильны, чтобы отстоять себя в бою, и недостаточно мобильны, чтобы не позволить конному врагу обойти себя с флангов. Нам (сегодня наделенным той солидной военной мудростью, которую дает только знание того, что уже случилось) очевидно, что для армии, которая не могла выставить на линию фронта больше 12 000 человек, по-настоящему выгодным для обороны рубежом была линия Тугелы. В действительности же был избран Ледисмит, место, практически непригодное для обороны, так как над ним, по меньшей мере в двух направлениях, возвышаются холмы.

Такой поворот событий, как осада города, по-видимому, не рассматривался, поскольку артиллерийских орудий не запрашивали и, соответственно, не присылали. Однако на небольшой железнодорожной станции Ледисмита сгрузили запасы, которые, говорят, оценивались в сумму более миллиона фунтов стерлингов, таким образом, позицию нельзя было эвакуировать без значительного ущерба. Маленький городок являлся пунктом, в котором основная железнодорожная линия раздваивалась, в одну сторону она шла на Харрисмит в Оранжевом Свободном Государстве, в другую – на тоннель Лаингс-Нека и Трансвааль через угольные месторождения Данди и Ньюкасл. Правительство Наталя придавало особое (как теперь ясно, преувеличенное) значение обладанию угольным бассейном, и именно по их решительному настоянию (но с согласия генерала Пенна Саймонса) силы обороны разделили, и отряд численностью три-четыре тысячи отправили в Данди, примерно за сорок миль от основных сил, которые остались в Ледисмите под командованием генерала сэра Джоржа Уайта. Генерал Саймонс недооценил силы противника, однако трудно осуждать ошибку в расчетах, которую так храбро искупили и за которую так трагически заплатили. В тот же момент, до которого дошло наше политическое повествование, во время неопределенности, наступившей после отправки ноты Кабинета министров от 8 сентября, военная ситуация перестала быть бесперспективной, однако все еще оставалась ненадежной. На месте находилось двадцать две тысячи регулярных войск, которые, вероятно, надеялись на усиление примерно десятью тысячами колонистов, однако эта армия должна была прикрыть огромную границу. Отношение жителей Капской колонии отнюдь не являлось благодушным и могло стать враждебным, а от черного населения с большой степенью вероятности можно было ожидать выступления против нас. На защиту Наталя имелась возможность выделить только половину регулярных войск, а подкрепление нельзя было доставить раньше, чем через месяц после начала боевых действий. Если мистер Чемберлен действительно блефовал, следует признать, что он делал это с очень плохими картами.

³¹ «Игра в войну» (нем.) – разновидность шахмат. В Кригшпиле каждый игрок видит только свои фигуры. Поэтому в игре нужен судья. Он владеет всей информацией о ходе игры, сообщает о легальности ходов, взятых фигурах и т. д.

Для сравнения можно дать некоторое представление о силах, находившихся в распоряжении мистера Крюгера и мистера Стейна. К этому моменту стало ясно, что Оранжевое Свободное Государство, с которым у нас не было и тени разногласий, собирается выступить против нас (одни скажут – беспричинно, а другие – по-рыцарски). В прессе состав вооруженных сил двух республик варьировался от 25 000 до 35 000 человек. Мистер Дж. Б. Робинсон, личный друг президента Крюгера и человек, большую часть своей жизни проживший среди буров, посчитал последнюю цифру завышенной. Для оценки не имелось надежной базовой точки отсчета. Очень сложно учесть сильно разбросанное и обособленное население, у которого правилом являются большие семьи. Одни вычисляли, исходя из предполагаемого естественного прироста за восемнадцать лет, но данные, зафиксированные тогда, сами по себе были предположением. Другие брали за основу количество избирателей на последних президентских выборах, но никто не мог сказать, сколько людей не приняло участия в голосовании, к тому же в этих республиках берут в руки оружие на пять лет раньше, чем участвуют в выборах. Теперь мы знаем, что все оценки были много ниже фактической численности бурской армии. Однако сведения британской разведывательной службы, судя по всему, были не так уж далеки от истины. Согласно их данным, боевая численность только Трансвааля составляла 32 000 человек, Оранжевого Свободного Государства – 22 000. Вместе с наемниками и повстанцами из колоний она составит 60 000, а существенное восстание голландцев Капской колонии увеличит общую численность до 100 000. Относительно артиллерии было известно, что в их распоряжении около ста орудий, многие из которых (и этот факт требует серьезных объяснений) были более современными и мощными, чем те, что смогли выставить мы. О качестве этого большого войска нет необходимости говорить. Солдаты были мужественными, выносливыми и сражались с необыкновенным религиозным исступлением. Все в них принадлежало к семнадцатому столетию, кроме винтовок. Верхом на своих низкорослых лошадях, они обладали мобильностью, которая практически удваивала их возможности и никогда не позволяла зайти к ним во фланг. Как стрелкам им просто не было равных. Добавьте к этому, что у них было преимущество действовать в привычных условиях при более коротких и безопасных коммуникациях, и вы поймете, насколько трудноразрешимая задача стояла перед солдатами империи. Переходя от перечисления сил буров к рассмотрению ожидавших их в Натале и разделенных на две части 12 000 человек, следует признать, что вместо оплакивания наших несчастий, нам скорее следует поздравить себя с тем, что мы избежали потери этой огромной провинции, которая, будучи расположенной между Британией, Индией и Австралией, является замковым камнем имперской арки.

Рискуя сделать утомительное, хотя и совершенно необходимое отступление от темы, нужно сказать несколько слов о тех мотивах, по которым буры много лет втайне готовились к войне. То, что рейд Джеймсона являлся причиной тому, очевидно, хотя он, вероятно, заметно ускорил дело, поставив бурское правительство в сильную позицию. То, что прежде делалось скрытно и медленно, стало можно делать быстро и открыто, когда для подобных действий появилось столь благовидное оправдание. На самом деле подготовка производилась задолго до рейда. Примерно за два года до того несчастного нападения началось строительство крепостей в Претории и Йоханнесбурге и активные закупки оружия. В тот самый год, 1895-й, на вооружение была истрачена весьма значительная сумма.

Итак, если причиной вооружения был не рейд и буры не имели оснований бояться британского правительства, с которым Трансвааль мог поддерживать такие же дружественные отношения, какие в течение сорока лет поддерживало Оранжевое Свободное Государство, то зачем они вооружались? Это сложный вопрос, отвечая на который мы оказываемся в области скорее догадок и подозрений, чем установленных фактов. Однако честнейший и самый объективный из историков должен признать существование огромного количества доказательств того, что некоторые голландские лидеры, как в северных республиках, так и в Кап-

ской колонии, вынашивали план создания единого голландского государства от Кейптауна до Замбези, в котором флаг, язык и законодательство будут голландскими. Именно в таком стремлении многие проницательные и хорошо информированные эксперты усматривают истинный смысл упорного вооружения, неизменной враждебности, установления связей между двумя республиками (одну из которых мы собственными руками восстановили и сделали суверенным, независимым государством) и, наконец, тех козней, которыми пытались подорвать симпатию и верность наших собственных голландских колонистов, никогда не испытывавших никаких политических притеснений. Все это было направлено на достижение одной цели – окончательное изгнание британской державы из Южной Африки и создание одной великой голландской республики. Огромные деньги, израсходованные Трансваалем на разведывательную службу (большая сумма, полагаю, чем истратила на эти цели вся Британская империя), дают некоторое представление об активности секретной деятельности. Нет сомнений, что в британских колониях была развернута целая армия эмиссаров, агентов и шпионов с самыми разными миссиями. Газеты тоже субсидировались, и значительные суммы тратились на прессу во Франции и Германии.

Естественно, наличие большой тайной организации, имеющей целью заменить британское правление в Южной Африке на голландское, нелегко неопровержимо доказать. Такие вопросы не обсуждаются в официальных документах, и людей проверяют, прежде чем заговорщики им доверятся. Однако существует масса свидетельств о личных желаниях подобного рода известных влиятельных людей. Трудно поверить, что то, чего многие желали лично, не было предметом общих усилий, особенно когда мы видим, что события развивались именно в том направлении, на которое они указывали. Мистер Дж. П. Фицпатрик в книге «Трансвааль изнутри» (произведении, за которое все последующие авторы, пишущие на эту тему, должны испытывать к нему чувство признательности) рассказывает, как в 1896 году к нему подошел мистер Д. П. Граафф, в прошлом член Совета по вопросам законодательства Капской колонии и весьма заметный деятель Союза африканеров, и заявил, что Великобритании следует изгнать из Южной Африки. Тот же политик предлагал то же самое и мистеру Бейту. Сравните с этим следующее утверждение брата премьер-министра Капской колонии мистера Теодора Шрейнера: «Я встретил мистера Рейца, в то время судью Оранжевого Свободного Государства, в Блумфонтейне семнадцать-восемнадцать лет назад, вскоре после ретроцессии Трансвааля, когда он занимался созданием Союза африканеров. Тогда требовалось быть терпеливым со всеми, поскольку Англия и ее правительство не имели намерения лишать Трансвааль независимости (поскольку совсем недавно ее “великодушно” даровали), не имели намерения воевать с республиками (поскольку совсем недавно установили мир), не имели намерения захватывать золотые копи Ранда (поскольку они еще не были открыты). Вот тогда я встретил мистера Рейца, и он старательно убеждал меня стать членом его Союза африканеров. Однако после изучения устава и программы Союза я отказался вступать в организацию. Между нами состоялся следующий разговор по существу, навсегда запечатлевшийся в моей памяти:

Рейц. Почему вы отказываетесь? Разве привлечение интереса людей к политическим делам не является достойной целью?

Я. Является. Однако мне кажется, что между строк этого устава явно просматривается направленность на совсем другую цель.

Рейц. Какую?

Я. Я совершенно ясно вижу, что конечная цель – свержение британской власти и изгнание британского флага из Южной Африки.

Рейц. (С легкой понимающей улыбкой человека, чью тайную мысль и цель раскрыли, но это его совсем не расстроило.) А что, если и так?

Я. Вы ведь не думаете, что этот флаг исчезнет из Южной Африки без упорной борьбы и сражения?

Рейц. (С той же легкой, застенчивой, самодовольной и тем не менее полуизвиняющейся улыбкой.) Не думаю. Но даже если так, что с того?

Я. Только то, что, когда эта борьба начнется, мы с вами окажемся по разные стороны баррикад. И еще, во время последней войны Господь был с Трансваалем, потому что правота была на его стороне. В этом же случае Он будет с Англией, потому что вряд ли одобрит заговор, чтобы свергнуть ее власть и изменить положение в Южной Африке, которые Он освятил.

Рейц. Посмотрим.

Так закончился наш разговор. В течение прошедших семнадцати лет я видел непрерывную пропаганду свержения британской власти в Южной Африке всеми возможными способами (в прессе, с кафедры, с трибуны, в школах, колледжах, законодательных органах), пока она не привела к войне, которой мистер Рейц и его соратники являются источником и причиной. Поверьте мне, день, когда Ф. В. Рейц сел писать ультиматум Великобритании, был в его жизни моментом гордости и счастья, которого он долгие годы ждал со страстью и предвкушением».

Сравните эти высказывания голландских политиков из Капской колонии и Оранжевого Свободного Государства со следующим фрагментом речи, произнесенной Крюгером в Блумфонтейне еще в 1887 году:

«Полагаю, сейчас слишком рано говорить об объединении Южной Африки под одним флагом. Каким должен быть этот флаг? Королева Англии возражала бы против спуска ее флага, а мы, бюргеры Трансвааля, возражаем против спуска нашего. Что же делать? Мы еще малы и не имеем прочного положения, но мы растем и завоевываем свое место среди великих держав мира».

«Мечта нашей жизни, – говорил другой, – объединение государств Южной Африки, и это должно произойти изнутри, а не снаружи. Когда дело будет закончено, Южная Африка станет великой».

Во всех голландских головах постоянно вынашивалась одна и та же мысль. За ней следовали многочисленные признаки того, что намерение готовится воплотить в жизнь. Повторяю, честнейший и самый объективный из историков не может отменить существование тайной организации как миф.

На это можно возразить, что буры имели право на любые организации. Почему они не должны иметь собственных взглядов на будущее Южной Африки? Почему бы им не стремиться иметь общий флаг и один общий язык? Почему им не следовало, если они могли, склонить на свою сторону наших колонистов и сбросить нас в море? Я не вижу таких причин. Пусть попробуют, если хотят. А мы попробуем не позволить им этого. Но давайте положим конец разговорам о британской агрессии, о замыслах капиталистов относительно месторождений золота, об ошибках простых людей, которыми прикрывается суть дела. Пусть те, кто говорит об умыслах Британии против бурских республик, на минуту обратят внимание на свидетельства замыслов этих республик против британских колоний. Пусть они поразмышляют о том, что при одной системе все белые люди имеют равные права, а при другой – меньшинство выходцев из одного народа подвергает гонениям большинство людей другого происхождения. Только тогда пусть они решат, при какой системе обеспечивается истинная свобода, кто стоит за свободу для всех, а кто за реакционность и национальную вражду. Пусть они сначала подумают и ответят на все эти вопросы, прежде чем решать, кому отдать предпочтение.

Теперь оставим широкие вопросы политики и отвлечемся на время от военных суждений, которым вскоре было предназначено приобрести жизненно важное значение. Вернемся

к развитию событий в дипломатической борьбе между правительством Трансваала и Министерством по делам колоний. Как уже говорилось, 8 сентября в Преторию было направлено последнее официальное обращение с минимальными условиями, которые британское правительство могло принять как достаточное облегчение положения своих подданных в Трансваале. Был затребован четкий ответ, и народ ожидал его с мрачным терпением.

Страна не питала иллюзий относительно трудностей войны с Трансваалем. Было совершенно ясно, что нас ждет мало чести и много проблем. Еще терзала души Первая бурская война, и мы помнили об отваге неукротимых бюргеров. Однако наши люди, при всей мрачности их настроения, тем не менее чувствовали решимость, потому что национальный инстинкт, который выше мудрости политиков, позволил им понять, что это не локальный конфликт, а проблема, от решения которой зависит само существование империи. Предстояла проверка ее сплоченности. В мирное время люди произносили за империю тосты. Было ли это бессмысленной тратой вина, или они чувствовали готовность пролить за нее свою кровь во время войны? Неужели мы действительно создали ряд отдельных стран без общих чувств и интересов или империя – органическое целое, способное испытывать единый порыв и объединяться в решительный момент как несколько государств содружества? Такой стоял вопрос, и от ответа на него в значительной степени зависело будущее всего мира.

В колониях стали проявляться признаки понимания, что происходящее противостояние не является делом исключительно метрополии, что она отстаивает права империи в целом и справедливо может рассчитывать на их поддержку при любом повороте событий. Уже 11 июля Квинсленд, огненный и субтропический, предложил контингент конной пехоты с пулеметами. За Квинслендом последовали Новая Зеландия, Западная Австралия, Тасмания, Виктория, Новый Южный Уэльс и Южная Австралия. Канада, с твердым, но более неторопливым характером севера, последней сказала свое слово, однако оно было еще определеннее, потому его хорошо обдумали. Граждан Канады это дело касалось меньше других, поскольку австралийцев в Южной Африке было много, а канадцев – совсем мало. Тем не менее Канада с готовностью приняла на себя часть общего бремени, и готовность ее только возрастала с увеличением тяжести этого бремени. Помощь предложили составляющие Британскую империю люди с самым разным цветом кожи – индийские раджи, западноафриканские вожди, малайская полиция. Однако эта война должна была быть войной белых людей, и если британцы не в состоянии спасти себя сами, то такому народу действительно не следует иметь империи. По той же причине не стали привлекать и великолепную индийскую армию в 150 000 солдат, многие из которых – испытанные ветераны. Англия не требовала похвал и почета за такое самоограничение. Однако безответственный писатель прекрасно может себе позволить задать такой вопрос: многие ли из тех зарубежных критиков, чье уважение к нравственности нашего государства столь же ограничено, как и их знание наших принципов и истории, поддержали бы такое самоотречение, окажись их собственные страны в таком же положении?

18 сентября в Лондоне был опубликован официальный ответ бурского правительства на послание Кабинета министров. Буры остались верны себе. В сущности, они отвергли все британские требования. Они отказались рекомендовать или предлагать совету пятилетний срок проживания, считавшийся минимумом, и другие шаги, которые британское правительство могло принять в качестве достаточной меры справедливости в отношении уитлендеров. Предложение проводить дебаты совета на двух языках, как это делается в Капской колонии и Канаде, было категорически отклонено. В том своем последнем послании британское правительство отметило, что в случае отрицательного или неконструктивного ответа оно оставляет за собой право «пересмотреть ситуацию *de novo* и сформулировать собственные предложения по окончательному урегулированию». Полученный ответ был как отрицательным, так и неконструктивным. 22 сентября Кабинет собрался, чтобы определить, каким должно

быть следующее обращение. Оно стало кратким и жестким, однако было сформулировано таким образом, чтобы не закрывать дверь перед мирным соглашением. В нем говорилось, что британское правительство глубоко сожалеет по поводу отклонения предложений, содержащихся в последнем послании, и что теперь, в соответствии со своим обещанием, оно разработает собственные средства для урегулирования. Обращение не являлось ультиматумом, но предвещало ультиматум в будущем.

Тем временем 21 сентября собрался совет Оранжевого Свободного Государства. Уже не вызывало сомнений, что эта республика, с которой у нас не было никаких трений, с которой, напротив, мы имели весьма дружественные отношения, намеревается выставить свои силы против Великобритании. Несколько раньше Оранжевое Свободное Государство и Трансвааль заключили военный союз, который, насколько можно судить (пока засекреченная история этих событий не станет достоянием общественности), был исключительно недуманным и невыгодным соглашением для меньшей республики. Ей нечего было бояться Великобритании, поскольку именно Великобритания по своей воле сделала ее независимой республикой, и они мирно сосуществовали в течение сорока лет. Законы Оранжевого Свободного Государства были столь же либеральными, как и наши собственные. А по этому самоубийственному договору республика согласилась разделить судьбу государства, которое сознательно провоцировало войну своим постоянно враждебным отношением и чье реакционное недемократичное законодательство, как можно себе представить, должно было отвращать прогрессивного соседа. Может, существовали амбиции, подобные процитированным из разговора с доктором Рейцем, или они обольщались по поводу соотношения сил противников и возможного будущего Южной Африки. Однако, каковы бы ни были причины, договор заключили, и подошло время проверить, как он будет соблюдаться.

Тон президента Стейна на заседании совета и полученная им от большинства бюргеров поддержка однозначно говорили о том, что две республики будут действовать как единое целое. В своем вступительном слове Стейн решительно высказался против британской позиции и заявил, что его государство связано с Трансваалем всем, что близко и дорого. Среди необходимых мер предосторожности, которыми британское правительство больше не могло пренебрегать, была отправка небольшого отряда для защиты длинной и уязвимой железной дороги из Кимберли в Родезию, проходившей в непосредственной близости от границы с Трансваалем. Сэр Альфред Милнер связался с президентом Стейном по поводу переброски войск, указав, что эта мера ни в коем случае не направлена против Оранжевого Свободного Государства. Сэр Альфред Милнер добавил, что имперское правительство все еще надеется на мирное урегулирование проблемы с Трансваалем, однако, если эта надежда не оправдается, оно рассчитывает на то, что Оранжевое Свободное Государство сохранит нейтралитет и предотвратит вооруженное вмешательство со стороны своих граждан. Правительство гарантирует, что в этом случае неприкосновенность границ Оранжевого Свободного Государства будет соблюдаться самым строжайшим образом. В заключение он отметил, что не существует каких-либо причин нарушать дружественные отношения между Свободным Государством и Великобританией, поскольку наши намерения в отношении них самые мирные. Президент Оранжевого Свободного Государства несколько грубо ответил, что не одобряет наших действий по отношению к Трансваалю и сожалеет о переброске войск, которую бюргеры сочтут угрозой для себя. Последовавшая резолюция совета Свободного Государства заканчивалась словами: «Что бы ни случилось, Свободное Государство честно и полностью выполнит свои обязательства перед Трансваалем в соответствии с существующим между двумя республиками политическим союзом». Резолюция показала, что было невозможно не допустить втягивания в водоворот этой страны, созданной нашими руками и не имеющей никакого основания ссориться с нами. Отовсюду, со всего протяжения обеих границ, поступали известия о военных приготовлениях. Уже в конце сентября войска и воору-

женные бюргеры начали сосредотачиваться на границе, и самые упорные скептики стали наконец понимать, что тень большой войны их действительно накрывает. В Фолкрясте, на границе Наталя, накапливали артиллерию, военное имущество и снаряжение, показывая, где можно ожидать начала бури. В последний день сентября доложили, что из Претории и Йоханнесбурга в этот пункт вышло двадцать шесть военных обозов. Одновременно приходили сообщения о сосредоточении сил в Малмани, на границе Бечуаналенда, что угрожало железнодорожной линии и британскому городу Мафекингу – название, которому в скором времени суждено было стать известным всему миру.

3 октября произошло то, что являлось самым настоящим военным актом. Тем не менее британское правительство (терпение которого граничило со слабостью) отказывалось считать его таковым, продолжая разрабатывать окончательную дипломатическую ноту. В Вереенигинге остановили почтовый поезд из Трансвааля в Кейптаун. Бурское правительство захватило недельный груз золота для Англии на общую сумму около полумиллиона фунтов стерлингов. На дебатах в Кейптауне в тот же день министр внутренних дел, по происхождению африканер, признал, что с государственной железной дороги за границей исчезло ни много ни мало 404 грузовика, которые не были затем возвращены. Этот случай, вместе с известием о транспортировке оружия и боеприпасов в Преторию и Блумфонтейн через Капскую колонию, вызвал глубокое возмущение британских колонистов и всей британской общественности. Возмущение усилилось при сообщениях о трудностях, которые испытывают приграничные города, такие как Кимберли и Фрейбург, с получением пушек для собственной обороны. Оба раада распустили, а последними словами старого президента стало обращение к Богу как последнему Судье и заявление, что война неизбежна. Англия тоже была готова (менее бесцеремонно, но не менее искренне) передать это дело на рассмотрение того же самого грозного Судьи.

Днем ранее – 2 октября – президент Стейн проинформировал сэра Альфреда Милнера о том, что считает необходимым призвать бюргеров Свободного Государства – то есть мобилизовать свои силы. Сэр А. Милнер написал, что сожалеет о его решении и не теряет надежды на мир, поскольку уверен, что правительство Ее Величества с готовностью рассмотрит любое разумное предложение. Стейн ответил, что не видит смысла в переговорах, если не прекратится пополнение британского контингента в Южной Африке. Поскольку наши силы все еще заметно уступали противнику в количестве, прекратить пополнение было невозможно, и переписка, таким образом, ни к чему не вела. 7 октября в Великобритании призвали резервистов для 1-го армейского корпуса. Этот факт и другие признаки говорили о том, что в Южную Африку было решено направить значительные силы. Чтобы иметь возможность официально получить согласие народа на серьезные меры, которые уже явно были нужны, был созван парламент.

Несколько неторопливую работу британского Министерства по делам колоний подстегнул поступивший 9 октября неожиданный и наглый ультиматум бурского правительства. Приходится признать, что в борьбе умов, как и в военном противоборстве, последними обычно смеялись наши простые и простодушные южноафриканские соседи. Этот случай не стал исключением. Пока наше правительство аккуратно и терпеливо вело дело к ультиматуму, наш оппонент уже сыграл той самой картой, которую мы только готовились выложить на стол. Полученный документ был абсолютно четким и ясным, а его форма так возмущала, что не возникало сомнений в том, что его составляли с целью спровоцировать немедленную войну. В документе требовали незамедлительно отвести войска от границ республики, удалить из Южной Африки все пополнение, прибывшее туда в течение последнего года, а находящееся на данный момент в море вернуть обратно без высадки. Не получив удовлетворительного ответа в течение сорока восьми часов, «...правительство Трансвааля с глубоким сожалением будет вынуждено рассматривать действия правительства Ее Величества

как официальное объявление войны, последствия которой будут лежать на английской стороне». По всей империи это послание встретили с насмешкой и гневом. На следующий день через сэра Альфреда Милнера передали ответ.

«10 октября. Правительство Ее Величества с глубоким сожалением встретило категорические требования правительства Южно-Африканской Республики, выраженные в Вашей телеграмме от 9 октября. В ответ извольте проинформировать правительство Южно-Африканской Республики, что его условия таковы, что правительство Ее Величества считает невозможным их обсуждать».

Итак, мы подошли к концу этой долгой дороги, оставив позади сражение перьев и пререкания языков для арбитражного суда «ли-метфорда» и «маузера». Жаль, что до этого дошло. Буры близки нам, как никакой другой народ. Они принадлежат к тому же фризскому роду,³² который населил наши собственные берега. По образу мышления, вероисповеданию, уважению к закону они такие же, как мы. Они смелы, гостеприимны и имеют страсть к охоте, которая столь дорога англо-кельтам. На свете нет народа, имеющего больше качеств, вызывающих наше восхищение, и не последнее из них – любовь к свободе, которую (и это предмет нашей гордости) мы поощряем в других, как и питаем сами. Но тем не менее мы оказались в ситуации, когда во всей огромной Южной Африке не нашлось места для нас обоих. В таких делах не бывает правых. И в нашем кратком повествовании говорилось, что в прошлом мы допускали промахи. На нас лежит ответственность за рейд Джеймсона, осуществленный англичанами под руководством офицеров, состоящих на королевской службе, на нас и вина за неполноценное расследование этого не имеющего оправдания дела. Вот спички, которые помогли разжечь большой огонь, и именно мы держали их в руках. Однако вязанки хвороста, оказавшиеся столь огнеопасными, сложили не мы. Они представляли собой притеснения, чинимые половине сообщества, неизменную решимость меньшинства облагать налогами и держать в черном теле большинство, стремление народа, жившего лишь два поколения на южноафриканской земле, настаивать на том, что она принадлежит только им. За всем этим, вероятно, стояло желание голландцев доминировать во всей Южной Африке. Таким образом, Британия сражалась за серьезное дело. Когда народ, не жалуясь, воюет месяц за месяцем, он может утверждать, что доказал свою уверенность в справедливости и необходимости этой борьбы. Какая система правления – голландская или британская – должна существовать в этой огромной стране? Первая означает свободу для единственного народа, вторая – равные права всех белых людей под общим законом. Что каждая из систем означала для цветных народов, пусть скажет история. Вот главный вопрос, который предстояло решать с того момента, как часы пробили пять часов в среду 11 октября 1899 года. Этот момент означал начало войны, которой суждено было определить судьбу Южной Африки, внести большие изменения в Британскую империю, серьезно повлиять на будущее всего мира и, кстати, изменить многие наши представления относительно военного искусства. Историю этой войны, при ограниченных данных, но с огромным желанием сделать все тщательно и объективно, я теперь и постараюсь изложить.

³² Англосаксы.

5 Талана-Хилл

Холодным туманным утром 12 октября бурские лагеря в Сандспруите и Фолкрясте были свернуты. Бюргеры выступили на войну. Примерно двенадцать тысяч человек, все верхом, с двумя батареями из восьми орудий «Крупп» каждая. Они пошли в наступление с севера, рассчитывая позже соединиться с силами Свободного Государства, а также контингентом немцев и трансваальцев, которые должны были перейти границу Оранжевого Свободного Государства. Пушки начали движение за час до рассвета. Стрелки следовали сразу за последним орудием, так что первые лучи солнца упали на черную волнистую линию, исчезающую между холмами. Случайный свидетель говорит о бурах: «Их лица потрясали. По большей части они выражали решимость и упорство бульдога. Ни тени страха или неуверенности. В чем бы ни обвиняли бура, никто не скажет, что он трус или человек, недостойный клинка британца». Эти слова были написаны в начале кампании, а вся империя и теперь подпишется под ними. Если бы только эти люди желали быть нашими согражданами! Все золотые копи Южной Африки не стоят их самих.

Основные силы Трансвааля включали в себя отряды из Претории (численностью 1800 человек), Хейделберга, Мидделбурга, Крюгерсдорпа, Стандертон, Ваккерстроома и Эрмело, а также республиканскую артиллерию. Великолепное, прекрасно организованное, войско было экипировано лучшими орудиями в военной истории. Кроме шестнадцати крупнокалиберных пушек, буры везли с собой два тяжелых шестидюймовых орудия, произведенных в Крезе, которым было суждено играть очень важную роль в начальной части кампании. Бурская армия, помимо своих граждан, включала ряд иностранных формирований из Европы. Значительная часть немецкого корпуса находилась с силами Свободного Государства, но несколько сотен немцев шли с севера. Присутствовали также голландское и ирландское (наверно, точнее ирландско-американское) соединения человек по двести пятьдесят. Ирландцы скакали под зеленым флагом и с арфой.

По общему мнению, бойцы делились на два разных типа. Одни – городские буры. Нарядные и, возможно, несколько ослабленные преуспеваем и цивилизацией бизнесмены и специалисты, но более живые и сообразительные, чем их сельские товарищи. Они чаще говорили на английском, чем на голландском языке. Многие, несомненно, были британского происхождения. Другие – самые опасные (как по количеству, так и по главным качествам) буры из сел. Загорелые, обросшие бородатые фермеры, люди Библии и винтовки, впитавшие традиции партизанской войны. Они, может быть, лучшие на земле прирожденные воины – меткие стрелки, охотники, привыкшие к ограничениям в еде и еще больше в удобствах. Их манеры и речь были грубы. Однако, несмотря на все клеветнические и очень редко правдивые неприятные подробности, этих людей вполне можно поставить рядом с самыми дисциплинированными солдатами мира по гуманности и стремлению соблюдать обычаи войны.

Несколько слов о человеке, который вел это замечательное воинство. Петрус Жубер – по рождению капский колонист, то есть, как и Крюгер, наш соотечественник из тех, кого несовершенные законы нового государства заставили сняться с места. В его жилах текла кровь французских гугенотов, облагораживающая любой народ, с которым соприкасается. Эта кровь дала ему рыцарство и великодушие, за что Жубера уважали и любили даже противники. Он проявил себя одаренным командиром во время многочисленных локальных конфликтов и британской кампании 1881 года. В отстаивании независимости Трансвааля Жубер был исключительно последователен – не принимал должностей от британцев, как это делал Крюгер, а всегда оставался непримиримым. Высокий и крепкий, с холодными серыми гла-

зами и жестким ртом, наполовину скрытым густой бородой, он давал прекрасный пример солдатам, которыми командовал. Ему шел шестьдесят пятый год. Огонь юности, как утверждали некоторые бюргеры, угас в нем. Однако Жубер был опытен, хитроумен и сведущ в военном деле, не стремительный и блестящий, а неторопливый, уравновешенный, основательный и непоколебимый.

Кроме северной армии, на Наталь выступили еще два формирования бюргеров. Одно, включающее призывников из Утрехта и районов Свазиленда, сосредоточилось у Врайхейда на фланге британской позиции в Данди. Другое, значительно более крупное (по всей вероятности, не менее шести-семи тысяч человек), состояло из контингента Свободного Государства и трансваальского корпуса вместе с немцами Шиля. Второй отряд двигался через ущелья Тинтва-Пасс и Ван-Реенс-Пасс, пересекающие зловещую гряду Дракенсберг и выходящие на плодородные равнины Западного Натала. Общая численность, скорее всего, составляла от двадцати до тридцати тысяч человек. По многочисленным отзывам, все буры были настроены исключительно воинственно. Они не сомневались, что вступили на дорогу легкой победы, на которой ничто не может преградить им путь к морю. Если британские командиры и недооценивали противника, то существуют достаточные свидетельства, что эта ошибка была взаимной.

Теперь несколько слов о диспозиции британских сил. Говоря о ней, следует иметь в виду, что сэр Джорж Уайт, хотя и являлся командующим, прибыл в страну незадолго до объявления войны. Таким образом, приготовления легли на плечи генерала Пенна Саймонса, которому оказывали помощь (или мешали) местные политические власти. Основной рубеж британцы расположили в Ледисмите, а передовой пост мощно укрепили в Гленко, который находится в пяти милях от станции Данди и в шестидесяти пяти от Ледисмита. Причина такого опасного рассредоточения сил состояла в желании обеспечить безопасность обоих концов биггарсбергского отрезка железной дороги и прикрыть важные угольные рудники этого района. Обе выбранные позиции, казалось, ясно демонстрировали, что британский командующий не имел представления о количестве и качестве бурских пушек. Каждая позиция была выгодна для обороны от ружейного огня и серьезно уязвима в случае артиллерийских обстрелов. Особенно бросалось в глаза, что орудия, размещенные на вершинах холмов в Гленко, сделают (как это и случилось) позицию непригодной для обороны. Этот удаленный форт держали 1-й Лестерский, 2-й Дублинский фузилерский и 18-й гусарский полки, 1-й стрелковый батальон с тремя ротами конной пехоты и три батареи полевой артиллерии – 18-я, 67-я и 69-я. 1-й Королевский ирландский фузилерский полк двигался им в подкрепление и прибыл до начала первой атаки. В целом гарнизон Гленко имел в своем составе примерно четыре тысячи человек.

Главные силы армии находились в Ледисмите. В них входили 1-й Девонский, 1-й Ливерпульский, 2-й Гордонский хайлендский и 1-й Глостерский полки, 2-й полк Королевских стрелков и 2-я стрелковая бригада, впоследствии усиленная Манчестерским полком. Кавалерию составляли 5-й драгунский гвардейский и 5-й уланский полки, подразделение 19-го гусарского полка, натальские карабинеры, натальская конная полиция и пограничный полк конных стрелков. Позже к ним присоединился Имперский полк легкой кавалерии – прекрасное соединение, сформированное в основном из эмигрантов Ранда. Артиллерия состояла из 21-й, 42-й и 53-й батарей полевой артиллерии, 10-й батареи горной артиллерии, натальской полевой артиллерии (орудия которой не соответствовали задачам) и 23-й роты инженерных войск. Все войска (общей численностью примерно восемь-девять тысяч человек) находились под непосредственным командованием Джоржа Уайта и только что приехавшего из Судана Арчибальда Хантера с генералами Френчем и Яном Гамильтоном в качестве помощников.

Первый удар буров, таким образом, должен прийти на войска в 4000 человек. Если удастся их подавить, перед бурами окажутся еще 8000, которых потребуется разбить или блокировать. А если и это произойдет, то кто же останется между бурами и морем? Несколько отрядов местных волонтеров, Дурбанский полк легкой пехоты в Коленсо и Натальский полк Королевских стрелков с несколькими полками военно-морских волонтеров в Эсткорте. При силах и мобильности буров просто необъяснимо, как мы вообще спасли колонию. Буры и англичане одной крови, и это подтвердили наши неудачи. Излишняя самонадеянность с нашей стороны предоставила бурам шанс, а излишняя самонадеянность буров не позволила им немедленно воспользоваться удачей. Что прошло, то никогда не повторится.

Война началась 11 октября. 12 октября бурские войска перешли границу и на севере, и на западе. 13 октября они оккупировали Чарлстаун в верхнем углу Наталя. 15 октября буры подошли к Ньюкаслу, довольно крупному городу примерно в пятнадцати милях от границы. С крыш городских домов наблюдатели увидели, что выползающие из ущелий покрытые парусиной воловьши повозки растянулись на шесть миль. Стало понятно, что это не вылазка, а вторжение. В тот же день в британскую штаб-квартиру поступили донесения о наступлении с западного направления и о передвижении с реки Буффало на восток. 13 октября Джорж Уайт предпринял разведку боем, но в столкновение с противником не вступил. 15 октября на одной из дорог для перегона скота через реку Буффало в плен взяли шесть натальских полицейских. 18-го в Актон-Хоумсе и Бестерс-Стейшне наши конные дозоры обнаружили бурских разведчиков. Они были фoorтреккерами из армии Оранжевого Свободного Государства. В тот же день о бурском отряде доложили из Хаддерс-Спруита, это в семи милях к северу от лагеря Гленко. Туча надвигалась, гроза была близка.

Через два дня, ранним утром 20 октября, войска наконец сошлись. Задолго до рассвета, в половине четвертого утра, на перекрестке дорог из Лендсмана и Вантс-Дрифта отряд из Доорнберга обстрелял и заставил отступить сторожевую заставу нашей конной пехоты. Мы выслали вперед две роты дублинских фузилеров. В пять часов прекрасного, но туманного утра уже все силы Саймонса находились под ружьем, зная, что на них наступают буры. Одетые в полевую форму солдаты стояли длинными тонкими шеренгами, пристально разглядывая изгибы седловин холмов к северу и востоку от них, напрягая глаза, чтобы увидеть противника. Почему эти седловины не были заняты нашими людьми – полная тайна. В ложбине на одном фланге находились 18-й гусарский полк и конная пехота. На другом стояли восемнадцать неподвижных орудий, взятых на передок³³ и готовых к передвижению, а также лошади, которые проявляли беспокойство и били копытом в сыром утреннем воздухе.

Возможно ли такое, чтобы, откуда ни возьмись, появились они? Офицер с оптической трубой показал рукой. Еще и еще один офицер поворачивали надежные полевые бинокли в том же направлении. Вот уже и солдаты могли что-то различать, и по шеренгам побежал легкий шепот интереса.

Перед ними поднимались склоны холма Талана-Хилл оливкового цвета. Вершина имела округлую форму. Туман рассеивался, и изгиб четко выступил на прозрачной лазури утреннего неба. Там, примерно в 2,5 милях, появилось несколько черных точек. Ровную кромку горизонта нарушили движущиеся фигурки. Они собрались вместе, потом снова разошлись, а затем...

Дыма не было, но раздался протяжный гул, перерастающий в резкий вой. Снаряд прожужжал над солдатами, как огромная пчела, и плюхнулся в мягкую землю позади шеренги. Потом другой, еще один и еще. Однако обращать внимание на снаряды времени не было, был только склон горы, и там враг. Так что снова туда по старой доброй героической тактике британского солдата! Бывают ситуации, когда, наперекор науке и книжному знанию, лучший

³³ *Передок* – двухколесная повозка для обеспечения транспортировки буксируемых артиллерийских орудий.

план – это самый дерзкий план, и надежнее немедленно вцепиться врагу в горло, рискуя оказаться разбитым до того, как тебе удастся до него добраться. Кавалерия рванулась в обход противника по левому флангу. Орудия двинули во фронт, сняли с передка и открыли огонь. Пехота выступила в направлении Санд-Спруита через небольшой городок Данди, где женщины и дети приветствовали солдат, стоя у дверей и окон. Решили, что гору легче взять с той стороны. Лестерский полк и одну батарею полевой артиллерии – 67-ю – оставили на месте оборонять лагерь и охранять ньюкаслскую дорогу на запад. В семь часов все было готово к атаке.

К этому времени уже выяснились два важных в военном отношении факта. Во-первых, бурские снаряды ударного действия бесполезны на мягкой земле, потому что практически не взрываются. Во-вторых, бурские пушки могут стрелять дальше наших привычных пятнадцатифунтовых полевых орудий, хотя они являлись, наверное, единственным видом британского вооружения, которому мы были готовы доверять. Две батареи (18-ю и 69-ю) выдвинули ближе, сначала на 3000, а затем и на 2300 ярдов. С такого расстояния батареи быстро подавили артиллерию на холме. Открыли огонь бурские орудия на другой высоте, восточнее Талана-Хилла, но с ними тоже справилась 13-я батарея. В 7 часов 30 минут пехоте отдали приказ наступать. Солдаты пошли в атаку свободным строем, разомкнувшись на десять шагов. Дублинские фузилеры составляли первую цепочку, королевские стрелки – вторую, ирландские фузилеры – третью.

Первую тысячу ярдов британцы двигались по открытой местности. Еще было далеко до вражеских позиций, и желто-коричневая форма сливалась с высохшей травой. Потери начались, когда добрались до леса, находившегося на середине длинного склона горы. Лиственницы были высажены на несколько сотен ярдов в ширину и примерно на столько же – в глубину. С левой стороны леска (то есть слева от наступающих войск) перпендикулярно горе шло длинное высохшее русло, которое являлось скорее проводником для пуль, чем прикрытием. Огонь здесь был таким плотным, что и в лесу, и в ложбине солдатам пришлось залечь. Офицер ирландских фузилеров рассказывал, что когда он пытался срезать ремень с упавшего рядового, то бритву, одолженную ему для этой цели раненым сержантом, тут же выбило из рук. Отказавшийся спешиться доблестный Саймонс, получив смертельное ранение – пулю в живот, упал с лошади. С поразительным мужеством генерал навлекал на себя огонь врага не только тем, что остался на лошади, но и тем, что всю операцию его сопровождал ординарец с красным флажком части. «Они взяли высоту? Они уже там?» – постоянно спрашивал Саймонс, когда его, истекающего кровью, несли в тыл. У кромки леса полковник Шерстон закрыл генералу глаза.

С этого момента в этом сражении солдат стало не меньше, чем в Инкерманском.³⁴ Под покровом леса самые боевые воины трех формирований шли вперед, пока у первых деревьев не оказались солдаты самых разных частей. Одинаковая одежда у солдат всех полков сделала невозможным различать их и в разгаре битвы сохранять даже подобие строя. Огонь был таким плотным, что на какое-то время наступление захлебнулось. Однако 69-я батарея, стреляя шрапнелью на 1400 ярдов, подавила ружейный огонь, и примерно в половине двенадцатого пехота вновь смогла пойти в атаку.

За лесом находилось открытое пространство для выпаса скота. Участок в несколько сотен ярдов шириной был огорожен стеной из нетесаных камней. Под прямым углом к ней в направлении леса шла другая стена. Буры простреливали открытое место, но стена впереди, казалось, была безопасна. Противник осадил холм над ней. Чтобы не попасть под перекрест-

³⁴ *Инкерманское сражение* – сражение, произошедшее 24 октября (5 ноября) 1854 г. во время Крымской войны около Инкермана, восточнее Севастополя. Русские войска численностью 19 000 человек атаковали позиции англичан (около 8000 человек) с целью срыва генерального штурма Севастополя.

ный огонь, солдаты по одному бежали под стеной, прикрывающей их справа. У противоположной стены была вторая долгая остановка. Солдаты подтягивались снизу, стреляли через стену и в щели между камнями. Дублинские фузилеры, находясь в более сложном положении, не могли подниматься так же быстро, как другие, поэтому скопившиеся под стеной тяжело дышащие напряженные солдаты в большинстве своем были королевские стрелки и ирландские фузилеры. В воздухе носилось столько пуль, что казалось, будто по другую сторону укрытия выжить невозможно. Двести ярдов отделяло стену от вершины холма. Но, как бы там ни было, чтобы выиграть сражение, эту высоту нужно было взять.

Из беспорядочной цепи прижимающихся к земле людей с криком выскочил один офицер. Десяток солдат перепрыгнули стену и последовали за ним. Это был капитан Ирландского фузилерского полка Коннор. Личное обаяние офицера увлекло за ним, кроме подчиненных, и несколько королевских стрелков. Коннор и половина его маленького отряда смельчаков полегла (сам он, увы, умер той же ночью). Однако ему на смену пришли другие такие же отважные командиры. «Вперед, солдаты, вперед!» – крикнул Нуджент из королевских стрелков. Уже три пули впились в его тело, но он продолжал тащить себя вверх по усеянному камнями склону горы. Кто-то бросился за ним, потом еще кто-то, и вот уже со всех сторон побежали, припадая к земле и пронзительно крича, одетые в полевую форму фигуры, а с тыла рванулось подкрепление. Один раз их накрыла шрапнель собственной артиллерии. Это удивительно, если вспомнить, что дальность стрельбы составляла около 2000 ярдов. Именно здесь, между стеной и вершиной, встретили смерть полковник королевских стрелков Ганнинг и многие другие мужественные солдаты. Одни погибли от собственных снарядов, другие – от вражеских. Однако буров перед ними становилось все меньше, и вот волнующиеся наблюдатели с равнины увидели, как на вершине машут шлемами. Наконец победа!

Тем не менее приходится признать, что эта победа была пирровой. Мы получили высоту, но что приобрели с ней? Орудия, которые подавила наша артиллерия, с холма отвели. Считают, что захвативший высоту Лукас Мейер имел под началом около 4000 человек. В это число входят и люди Эразма, проводившие незначительные ложные атаки против британского фланга. Если исключить уклонявшихся от борьбы, то на высоте было не больше тысячи реальных бойцов. Из них примерно пятьдесят погибли, сто получили ранения. Британцы непосредственно на Талана-Хилле потеряли 41 человека убитыми и 180 ранеными. При этом среди убитых было много таких, без кого армии обходиться нелегко. В этот день погибли доблестный, но неосторожный Саймонс, Ганнинг из королевских стрелков, Шерстон, Коннор, Гамбро и многие другие великолепные солдаты.

Эпизод, имевший место сразу после боя, в значительной степени лишил британцев плодов победы. К моменту эвакуации с горы наша артиллерия подтянулась и подготовилась к бою на Смитс-Неке между двумя холмами. Оттуда просматривался противник, отходящий разрозненными группами по 50–100 человек. Лучшего случая использовать шрапнель невозможно и придумать. Однако в эту минуту на обратной стороне холма из старой церкви, которую буры весь день использовали в качестве госпиталя, выбежал человек с белым флагом. Возможно, он действовал добросовестно и просто хотел попросить снисхождения для следовавшего за ним санитарного отряда. Но чересчур доверчивый артиллерийский командир решил, что объявлено перемирие, и не действовал в течение тех драгоценных минут, которые могли превратить поражение в разгром. Неиспользованный шанс никогда не повторяется снова. Двойная ошибка (стрельба по своим во время наступления и промедление в стрельбе по врагу при его отступлении) не позволяет нашим артиллеристам вспоминать об этом сражении с удовлетворением.

Тем временем в нескольких милях от Талана-Хилла другая цепь событий привела к настоящему бедствию для наших небольших кавалерийских сил, которое заметно уменьшило значение победы, столь дорого купленной пехотой. Сама по себе боевая операция,

несомненно, была победоносной, однако сложно утверждать, что общий результат сражений дня был определенно в нашу пользу. Веллингтон утверждал, что кавалерия всегда доставляет ему неприятности, и в британской истории нетрудно отыскать подтверждающие его высказывания примеры. И здесь наша кавалерия стала источником проблем. Гражданскому человеку достаточно описать этот факт, а определять виновных лучше предоставить военному аналитику.

Рота конной пехоты (из состава полка Королевских стрелков) получила приказ сопровождать орудия. Остальные конные пехотинцы с частью 18-го гусарского полка полковника Моллера пошли в обход правого фланга в правый тыл врага. Если бы Лукас Мейер был единственным противником, такой бросок не вызвал бы никакой критики. Однако мы знали, что у Гленко находится несколько бойцов, и позволять кавалерии так далеко отрываться от прикрытия – значило идти на серьезный и несомненный риск. Очень скоро превосходящие силы буров завлекли кавалеристов на пересеченную местность и ринулись в атаку. Был момент, когда наши кавалеристы могли перехватить инициативу, атаковав бурских всадников за холмом, но они эту возможность упустили. Сделали попытку отойти к основным силам, создав несколько оборонительных рубежей для прикрытия отступления, однако плотный огонь врага не позволил их удержать. Были заблокированы все пути, кроме одного, и он привел кавалеристов в самое сердце другого диверсионного отряда противника. Не найдя выхода, войска заняли оборонительную позицию. Одна часть из них находилась на ферме, другая – на возвышающемся над фермой холме.

Отряд состоял из двух эскадронов гусар, одной роты конной пехоты Дублинского фузилерского полка и одной части конной пехоты полка Королевских стрелков – в целом около двух сотен человек. Несколько часов их интенсивно обстреливали, многих убили и ранили. Буры подтянули пушки и открыли огонь по ферме. В 4 часа 30 минут отряд, находясь в абсолютно безнадежном положении, сложил оружие. У них кончились боеприпасы, многие лошади в панике разбежались, кавалеристов окружали превосходящие силы врага, поэтому решение выживших сдаться ничуть не позорно. Однако действия, которые привели к столь критическому положению, могут быть подвергнуты критике. Эти люди стали авангардом значительной массы униженных и уязвленных в самое сердце солдат, которым суждено было сойтись в столице нашего смелого и хитроумного врага. Остатки 18-го гусарского полка под командованием майора Нокса отделили от основных сил и выслали через тыл буров. Они попали в сходную ситуацию, но сумели выйти из трудного положения, потеряв шесть человек убитыми и десять ранеными. Усилия кавалеристов отнюдь не пропали даром, поскольку в течение дня они отвлекали на себя значительные силы буров и смогли привести с собой нескольких пленных.

Сражение при Талана-Хилле тактически закончилось победой, а стратегически – поражением. Это была грубая фронтальная атака без какой-либо попытки даже ложного флангового удара, однако героизм бойцов (от генерала до рядового) позволил довести дело до конца. Войска находились в столь невыгодной позиции, что единственная польза, которую они могли извлечь из своей победы, состояла в том, чтобы прикрыть собственное отступление. Туда сосредотачивались бурские солдаты со всех точек, а наши уже поняли, что буры располагают более мощными орудиями. Преимущество буров в артиллерии стало еще очевиднее на следующий день – 21 октября. Войска, накануне вечером оставившие захваченную ими бесполезную высоту, двигались к новой позиции на дальней стороне железной дороги. В четыре часа дня на отдаленном холме за пределами досягаемости британской артиллерией выдвинулось тяжелое орудие и открыло огонь по нашему лагерю. Это было первое появление большого «крезо». Погибли офицер и несколько рядовых из Лестерского полка, а также люди из немногих оставшихся у нас кавалеристов. Позиция совершенно очевидно стала неприемлемой. По этой причине в два часа утра 22 октября все силы были передисло-

цированы в пункт к югу от городка Данди. В тот же день провели разведку в направлении станции Гленко. Обнаружилось, что все дороги прочно заняты, и небольшая армия походным порядком выступила обратно на исходную позицию. Командование перешло к полковнику Юлу, который справедливо рассудил, что его люди опасно и бессмысленно уязвимы. Он посчитал разумным отступить, если это еще возможно, соединиться с основными силами в Ледисмите, даже притом что придется оставить двести больных и раненых. Они лежали вместе с генералом Саймонсом в госпитале в Данди. Такой шаг являлся болезненной необходимостью, и никто из изучавших ситуацию не может усомниться в мудрости решения Юла. Отступление было нелегкой задачей: марш примерно в шестьдесят-семьдесят миль через суровую местность с давящим со всех сторон врагом. Успешное завершение отступления без потерь и сохранения боевого духа войск, несомненно, столь же достойное военное достижение, как и любая из наших начальных побед. Юлу удалось совершить свой рискованный маневр. Помощь активно оказывал Джорж Уайт, который вел боевые действия в Эландслагте и Ритфонтейне, чтобы не позволить перекрыть отряду путь. Маршем искусно руководил полковник Дартнелл из натальской полиции. 23 октября они были в Бейте, 24-го – в Вашбанк-Спруите, 25-го – в Сандей-Ривере. На следующее утро промокшие под дождем, покрытые грязью, усталые как собаки, но очень радостные солдаты вошли в Ледисмит под приветственные крики товарищей. Сражение, шесть дней без нормального сна, четыре дня без нормальной еды, а затем переход в тридцать две мили без отдыха по сложной местности под проливным дождем – вот рекорд колонны из Данди. Солдаты сражались и победили, потратили все силы и в результате добрались до места, которого им не следовало покидать. Однако их стойкость не была напрасной. Геройские поступки никогда не проходят бесследно. Как легкая дивизия, преодолев дополнительные шестьдесят-семьдесят миль, чтобы присутствовать при Талавере, они оставили по себе добрую память и дали образец для подражания. Это много важнее, чем успех. Именно предания о таких испытаниях и стойкости дают силу другим людям в будущем совершать подобные подвиги.

6

Эландслаагте и Ритфонтейн

Пока войска у Гленко яростно сражались с армией Лукаса Мейера, а затем в сложнейших условиях уходили от многочисленных опасностей, их товарищи в Ледисмите всеми силами помогали, отвлекая на себя внимание врага и поддерживая открытым путь отступления.

20 октября (в тот же день, когда происходило сражение у Талана-Хилла) буры перерезали дорогу примерно на середине пути между Данди и Ледисмитом. Небольшой отряд кавалеристов шел впереди довольно крупного отряда из граждан Свободного Государства, трансваальцев и немцев под командованием генерала Коха, вторгшихся в Наталь через Ботас-Пасс. С ними было два захваченных у участников рейда Джеймсона «максимов-норденфельдов»,³⁵ которым судьба судила снова вернуться в руки британцев. Орудиями командовал немецкий артиллерист полковник Шиль.

Вечером того дня генерал Френч произвел рекогносцировку с мощным разведывательным отрядом, в который входили натальские карабинеры, 5-й уланский полк и 21-я батарея. На следующее утро (21 октября) Френч вернулся. Однако либо противник получил подкрепление, либо генерал накануне неверно оценил его силы, но отряды, которые генерал повел с собой, были малы для сколько-нибудь серьезной атаки. Френч располагал одной батареей натальской артиллерии с маленькими семифунтовыми «пугачами», пятью эскадронами Имперской кавалерии, а в поезде, который медленно сопровождал наступление, находилось полбатальона Манчестерского полка. Небольшое войско ранним утром выступило из Ледисмита, окрыленное известиями с Талана-Хилла и желающее подражать братьям из Данди.

По крайней мере отдельные бойцы вдохновлялись чувствами, которые редко находят себе место в сердце идущего в наступление британского солдата. Чувство долга, вера в справедливость дела, любовь к своей воинской части и Родине – вот обычные стимулы солдата. А у бойцов Имперского полка легкой кавалерии, поскольку они набирались из британских эмигрантов Ранда, к этим эмоциям добавлялись мучительное чувство несправедливости и жгучая ненависть к людям, чье правление тяжким бременем лежало на их плечах. Среди рядовых этого замечательного соединения было много состоятельных людей и специалистов, которых вынудили оставить собственное мирное дело в Йоханнесбурге. Теперь они стремились отвоевать его обратно. Их храбрость скомпрометировала события вокруг рейда Джеймсона – это в высшей степени незаслуженное позорное пятно они (и другие такие же части) навсегда смыли своей кровью и кровью врага. Командовал ими горячий маленький улан Чисхольм и майоры Карри Дэвис и Вулс-Сампсон – два богатыря, которые предпочли преторийскую тюрьму одолжениям Крюгера. Кавалеристов взбесило прибывшее в Ледисмит накануне вечером соглашение об обмене военнопленными. В послании буры Йоханнесбурга и голландцы спрашивали, в какую форму одели полк легкой кавалерии, поскольку им не терпится повстречаться с ним на поле боя. Эти люди жили рядом и прекрасно друг друга знали. Бурам не стоило беспокоиться о форме, потому что уже на следующий день полк легкой кавалерии оказался достаточно близко, чтобы увидеть знакомые лица.

Было около восьми часов прекрасного летнего утра, когда небольшое войско встретилось с немногочисленными разрозненными аванпостами буров. Стреляя, те отходили

³⁵ «Максим-норденфельд» – автоматическая пушка, разработанная Хайремом Максимом в конце 1880-х гг. как увеличенная версия одноименного пулемета.

перед наступающим Имперским полком легкой кавалерии. Вскоре на красновато-коричневом склоне холма Эландслаагте стали различимы зеленые и белые палатки захватчиков. Внизу, на железнодорожной станции красного кирпича, можно было видеть, как буры выбегали из зданий, в которых провели ночь. Маленькие натальские орудия, стрелявшие уставшим дымным порохом, выпустили по станции несколько снарядов. Один из залпов, говорят, попал в бурский полевой госпиталь, его артиллеристы не могли видеть. Инцидент, безусловно, вызывает сожаление, но, поскольку в госпитале не могло находиться больных, серьезного несчастья не произошло.

Однако закопченным семифунтовым пушкам вскоре предстояло встретиться со своим старшим родственником. Много выше на отдаленном склоне, на долгих тысячу ярдов дальше наших возможностей, вдруг ярко вспыхнуло. Никакого дыма, только пламя, а потом затяжной свистящий звук и тяжелый удар зарывшегося в землю снаряда под орудием-предком. Такое определение расстояния до цели порадовало бы самых придирчивых инспекторов Оухемптона. Снова удар, еще и еще, прямо в сердце батареи. Шесть дул маленьких пушек были подняты под максимально возможным углом, которые все вместе рывкали в бессильной ярости. Рухнул новый снаряд, и командир в безысходности опустил полевой бинокль, увидев, что британские снаряды падают на склоне очень далеко от цели. Поражение Джеймсона явно не было следствием недостатков его артиллерии. Френч, поразмыслив, скоро пришел к заключению, что буров для него многовато, а если эти «пятнадцатифунтовики» желают попрактиковаться в прицельной стрельбе, то пусть поищут себе другую мишень, кроме натальской полевой артиллерии. Несколько кратких приказов, и все его войска движутся в тыл. Там, вне пределов досягаемости опасных пушек, они остановились, обрезали телеграфный провод, присоединили телефонный, и Френч зашептал о своих проблемах в ухо Ледисмита, полное сочувствия. Он не зря сотрясал воздух. Ему пришлось сказать, что там, где он ожидал найти несколько сотен стрелков, оказалось около двух тысяч, и там, где, по его мнению, не должно было быть никаких орудий, обнаружилось два, и очень хороших. Ответом ему было, что к нему на помощь направлено столько солдат, сколько было возможно.

Скоро стало прибывать так необходимое подкрепление: сначала девонцы – уравновешенные, деловые, надежные; затем гордонцы – стремительные, горячие, блистательные. Два эскадрона 5-го уланского полка, 42-й полк Королевской полевой артиллерии, 21-й полк Королевской полевой артиллерии, еще один эскадрон уланов, эскадрон 5-го драгунского гвардейского полка. Френч почувствовал, что теперь достаточно силен для стоящей перед ним задачи. Он имел решительное превосходство в личном составе и орудиях. Однако противник находился на своей излюбленной оборонительной позиции – на высоте. Бой будет честным и жестоким.

Атака началась только во второй половине дня. В горной гряде сложно было определить точные границы вражеских рубежей. Единственное, что не подлежало сомнению, – это то, что буры в горах, а мы намереваемся очистить горы, если это под силу человеку. «Враги там, – сказал Ян Гамильтон своей пехоте, – надеюсь, вы выбьете их оттуда до заката. По правде говоря, я уверен в этом». Солдаты одобрительно засмеялись. Длинными разомкнутыми шеренгами они пошли в наступление, а грохот двух батарей за их спиной говорил бурам, что теперь настала их очередь почувствовать, что значит превосходство противника.

Предполагалось брать позицию с фронта и с фланга, однако возникли затруднения с определением того, где фронт, а где фланг. Выяснить это можно было только опытным путем. Генерал Уайт, хотя и прибыл со своим штабом из Ледисмита, не стал забирать командование из рук Френча. Этот истинный рыцарь в течение десяти дней отказался связать со своим именем победу, когда имел на это полное право, и принял на себя ответственность за провал,

при котором не присутствовал. Теперь он скакал под пулями и осматривал умелую диспозицию своего заместителя.

Атака началась должным образом около половины четвертого. Перед наступающими британцами возвышался каменистый холм, над которым господствовал следующий. Более низкий холм не обороняли, и пехота, рассыпавшись из ротных колонн в разомкнутый строй, заняла его. За холмом лежала широкая, поросшая травой долина, которая вела к основной позиции – длинному холму, фланкированному маленькой остроконечной возвышенностью. Из-за зеленого склона, ведущего к гребню смерти, надвигалась огромная зловещая туча, бросавшая на бойцов черную тень. Во всем чувствовалась та самая неподвижность, которая бывает перед природными катаклизмами. Солдаты наступали молча. Глухие звуки шагов и бряцание оружия на поясных ремнях наполняли воздух неясным постоянным шумом. Висящая над головами громадная черная туча придавала наступлению дополнительную серьезность.

Британские пушки открыли огонь с 4400 ярдов. На темном фоне стали видны быстрые бездымные ответные вспышки буров. Схватка была неравной, но буры держались мужественно. Удар и еще один, чтобы нащупать цель, затем столб дыма от разрыва снаряда прямо в том месте, где находились орудия, за ним еще и еще. Подавленные огнем, обе бурские пушки угнетенно замолчали, время от времени нарушая тишину короткими взрывами бешеной активности. Британские батареи потеряли к ним интерес и начали поливать гряды шрапнелью, подготавливая путь для наступающей пехоты.

По плану девонширцы должны были держать врага с фронта, в то время как гордонцы, манчестерцы и Имперский полк легкой кавалерии будут наступать с левого фланга. Слова «фронт» и «фланг», однако, теряют всякий смысл при столь мобильном гибком войске. Атака, которую планировали предпринимать с левого фланга, по сути, стала фронтальной, а девонширцы оказались на правом фланге буров. В последний момент наступления огромная черная туча прорвалась, и потоки дождя ударили в лица солдат. Спотыкаясь и поскальзываясь на мокрой траве, они пошли на штурм.

Теперь в шуме дождя послышался более глухой, более зловещий вой пуль «маузеров». Гряда со всех сторон застучала ружейным огнем. Солдаты начали падать, но их товарищи яростно продолжали наступать. Пройти предстояло немало, потому что верхняя точка позиции противника находилась примерно в 800 ярдах над уровнем железной дороги. Склон горы, который выглядел единым скатом, на самом деле представлял собой последовательность неровностей, поэтому наступающая пехота то ныряла в укрытие, то выходила под град пуль. Линия наступления покрылась фигурами в полевой форме. Некоторые лежали уже мертвые, другие корчились в агонии. Среди разбросанных тел сидел раненный в ногу майор гордонцев, философски покуривая трубку. Полковник Имперского полка отважный маленький Чисхольм, бросившись вперед, получил две смертельные раны. Наступление было долгим, а подъем таким тяжелым, что солдаты, запыхавшись, падали на землю, чтобы перевести дыхание перед новым броском. Как и на Талана-Хилле, боевые порядки полков рассредоточились. Бойцы Манчестерского, Гордонского и Имперского полка легкой кавалерии поднимались единой длинной неровной волной. В этом смертельном забеге шотландец, англичанин и британский африканер не отставали друг от друга. И вот наконец они уже могли видеть своего врага. Тут и там среди валунов перед ними мелькали то фетровая шляпа, то глаз на покрасневшем бородачом лице, щекой припавшем к прикладу винтовки. Наступила пауза. Затем с новой силой солдаты все вместе поднялись и бросились вперед. Из-за камней появились темные фигуры. Некоторые в знак капитуляции держали винтовки над головой. Другие убегали, втянув голову в плечи, прыгая и прячась между камнями. Запыхавшиеся скалолазы находились на краю плато. Там стояли те два орудия, которые раньше так ярко вспыхивали. Теперь пушки молчали, вокруг лежали мертвые артиллеристы, а у лафета стоял

раненый офицер. Маленький отряд буров все еще оказывал сопротивление. Внешний вид противника вызвал ужас у некоторых наших солдат. «Они были одеты в черные куртки и выглядели как группа потрепанных коммерсантов, – говорил очевидец. – Сражаться с ними казалось убийством». Кто-то сдался, но другие бились там же, где и стояли, до последнего вздоха. Командир буров Кох, пожилой джентльмен с белой бородой, лежал в камнях с тремя ранениями. Его лечили со всем уважением и вниманием, но несколько дней спустя он все-таки умер в ледисмитском госпитале.

Тем временем девонширский полк дождался, пока развернется наступление, а затем пошел в гору с фланга. Артиллерия подтянулась к позиции противника на 2000 ярдов. Девонцы встретили менее ожесточенное сопротивление, чем другие подразделения, и поднялись на вершину вовремя, чтобы преградить путь части беглецов. Теперь вся наша пехота находилась на гряде.

Однако непреклонные бойцы-буры все-таки не были побеждены. Они отчаянно прилипали к дальним краям плато и стреляли из-за камней. Между офицером из Манчестерского полка и сержантом-барабанщиком из Гордонского состоялся забег до ближайшего орудия. Офицер выиграл и в триумфе запрыгнул на пушку. Солдаты всех полков, одобрительно крича, толпились вокруг, когда в их изумленных ушах прозвучало: «Прекратить огонь!», а потом: «Отходить!». Это было невероятно, но тем не менее команда раздалась снова, несомненная в своей настойчивости. Дисциплинированные солдаты медленно отступали. И тут некоторые из них поняли суть происходящего – хитроумный враг выучил наши сигналы на горне. «К черту отступление!» – завопил маленький горнист и изо всех оставшихся от подъема сил протрубил «Вперед!». Солдаты, которые отошли на сотню ярдов и оставили орудия, снова хлынули на плато, и белый флаг в лежащем ниже бурском лагере показал, что игра окончена. Эскадроны 5-го уланского и 5-го драгунского гвардейского полков полковника Гора прочесали подножие горы. В угасающем свете дня они преследовали отступающих буров: нескольких убили, человек двадцать-тридцать взяли в плен. Это был один из редких случаев этой войны, когда конные британцы догнали конных буров.

«Вот вам Маджуба!» – кричал кое-кто из пехотинцев, врываясь на позиции врага. Эта схватка на самом деле в определенном смысле явилась антиподом знаменитого сражения. Да, британцев у Эландслаагте действительно было больше, чем буров у Маджубы, но и обороняющихся тоже было больше, к тому же британцы в том сражении не имели орудий. Также верно, что Маджуба куда круче Эландслаагте. Однако каждый настоящий солдат знает, что оборонять пологий склон легче, чем обрывистый, потому что в этом случае атакующие укрываются за камнями, тогда как защитникам приходится поднимать голову над укрытием, чтобы смотреть вниз. В общем, можно сказать, что эта небольшая блистательная операция восстановила истинное положение вещей и показала, что при всей несомненной отваге буров в их военном искусстве нет приемов, которые были бы недоступны британскому солдату. В сражениях при Талана-Хилле и Эландслаагте также была проявлена доблесть, не уступавшая проявленной у Маджубы.

На этот раз плоды победы были более значительными, чем у Данди. Два орудия «максим-норденфельд», чья мощь со всей очевидностью проявилась во время боя, стали хорошим дополнением к нашей артиллерии. Буры потеряли двести пятьдесят человек убитыми и ранеными. Около двух сотен буров попали в плен. Основные потери понесли йоханнесбургцы, немцы и голландцы. К нам в руки попали генерал Кох, доктор Костер, полковник Шиль, Преториус и другие известные трансваальцы. Наши потери составили 41 человек убитыми и 220 ранеными. Практически столько же, сколько при Талана-Хилле. Основная тяжесть потерь легла на гордонских шотландцев и полк легкой кавалерии.

Победители провели ночь в ложбине, где стояли бурские палатки, среди поставленных в круг повозок побежденных, под темным небом и постоянным морозящим дождем. О сне

не могло быть и речи, потому что всю ночь уставшие отряды прочесывали склон и собирали раненых. Горели лагерные костры, вокруг них вместе теснились и солдаты, и пленные. Приятно вспоминать, что самое теплое место и лучший кусок простой пищи британцы всегда оставляли подавленным голландцам, а слова незамысловатой похвалы и сочувствия смягчали пленным боль поражения. Наверное, в более счастливые дни память о подобных вещах окажется более значимой для объединения двух наших народов, чем вся мудрость политиков.

Ясно, что, очистив от буров линию железной дороги, генерал Уайт не мог разместить там войска. Он знал, что с севера движутся значительные силы, а его первой задачей является защита Ледисмита. Поэтому ранним утром следующего дня (22 октября) его усталые, но ликующие отряды возвратились в город. Без сомнения, уже там ему стало известно, что генерал Юл не имеет намерения использовать для отступления ненадежную железную дорогу, а планирует идти обходным путем по шоссе. Уайту нужно было держать город и в то же время дать бой силам с севера, чтобы противник не получил возможность помешать отступлению Юла. Следуя этому замыслу, Уайт 24 октября предпринял сражение у Ритфонтейна, само по себе незначительное, однако важное тем, что оно открыло дорогу для уходящих из Данди утомленных отрядов.

Армия Свободного Государства, авангардом которой являлся разбитый у Эландслаагте отряд, медленно и неуклонно спускалась с перевалов и расходилась в южном и восточном направлениях, чтобы перерезать коммуникации между Данди и Ледисмитом. Уайт планировал не позволить им пересечь Ньюкаслскую дорогу и с этой целью во вторник 24 октября выступил из Ледисмита. Войска Уайта составляли два полка кавалерии (5-й уланский и 19-й гусарский), 42-я и 53-я полевые батареи, 10-я батарея горной артиллерии, четыре пехотных полка (Девонский, Ливерпульский, Глостерский и 2-й полк Королевских стрелков), Имперский полк легкой кавалерии и натальские волонтеры. В целом около четырех тысяч человек.

Обнаружилось, что неприятель владеет линией холмов примерно в семи милях от Ледисмита, наиболее значительный из которых Гинта Иниони. В планы генерала Уайта не входили попытки выбивать врага с этой позиции – неразумно постоянно сражаться на местности, выбранной противником. Требовалось удержать его там, где он есть, и отвлекать на себя внимание в течение последнего дня марша отступающей колонны. В этом случае, поскольку не предполагалось никакой прямой атаки, орудия приобретали более важную роль, чем пехота. Пехотинцев предстояло использовать, как можно себе представить, лишь в качестве сопровождения для артиллерии. Последовал бессистемный, без четкой цели бой, он продолжался с девяти часов утра до половины второго. Наша полевая артиллерия подавила меткий огонь бурских орудий, а наступление их стрелков сдерживала шрапнель. Здесь пушки неприятеля обнаруживать было легче, чем у Эландслаагте, поскольку они использовали дымный порох. Дальность составляла от трех до четырех тысяч ярдов. Наши потери в этой операции были бы незначительными, если бы Глостерский полк несколько опрометчиво не вышел на открытое место. Глостерцы попали под перекрестный ружейный огонь, от которого погибли полковник Уилфорд и пятьдесят офицеров и солдат. За четыре дня во главе своих полков полегли полковник гордонцев Дик-Ганнингем, полковник легкой кавалерии Чисхольм, полковник королевских стрелков Ганнинг и вот теперь полковник глостерцев Уилфорд. В середине дня генерал Уайт, выполнив задачу и обеспечив безопасность колонны из Данди во время прохождения опасных Биггарсбергских перевалов, отвел свои войска в Ледисмит. У нас нет сведений о потерях буров, но, по всей вероятности, они были невелики. Мы со своей стороны потеряли 109 человек убитыми и ранеными, из которых только 13 случаев были неизбежными. Из общего количества 64 человека являлись глостерцами и 25 человек были из Наталя. На следующий день, как уже сказано, вся британская армия снова сосредоточилась в Ледисмите. Кампании предстояло вступить в новую фазу.

В конце первой активной недели военных действий интересно подвести некоторые итоги. Стратегическое преимущество находилось на стороне буров. Они сделали нашу позицию в Данди непригодной для обороны и вытеснили британцев обратно в Ледисмит. Буры овладели северной четвертью территории и железной дороги колонии. Они убили и ранили шесть-семь сотен наших солдат, взяли в плен около двухсот кавалеристов, к тому же вынудили нас оставить в Данди значительный арсенал и раненых, включая генерала Пенна Саймонса, который умер в плену. С другой стороны, мы превзошли их в тактике. Британцы дважды выбили буров с позиций и захватили два орудия. Мы взяли в плен двести человек, убили и ранили, по всей вероятности, не меньше, чем потеряли сами. В целом можно сказать, что в течение этой недели в Натале силы противников были равны – чего мы долго не сможем утверждать в последующие изнурительные недели.

7

Сражение при Ледисмите

Воссоединив войска, Джорж Уайт получил под свое начало небольшую, но грозную армию численностью примерно двенадцать тысяч человек. Кавалерию Уайта составляли 5-й уланский, 5-й драгунский, часть 18-го и весь 19-й гусарский полки, натальские карабинеры, пограничный полк, некоторое количество конной пехоты и Имперский полк легкой кавалерии. В пехоту входили Королевский ирландский фузилерский и Дублинский фузилерский полки, полк Королевских стрелков (только что спустившийся с Талана-Хилла), Гордонский и Манчестерский полки, Девонский (истекший кровью у Эландслаагте), Лестерский и Ливерпульский полки, 2-й батальон полка Королевских стрелков, 2-я стрелковая бригада и Глостерский полк (которому так жестко досталось у Ритфонтейна). У Уайта было шесть батарей великолепной полевой артиллерии – 13-я, 21-я, 42-я, 53-я, 67-я, 69-я и 10-я батарея горной артиллерии со «screw guns».³⁶ Никакой генерал не мог бы желать более компактной и опытной небольшой армии.

С самого начала британский генерал отдавал себе отчет в том, что должен придерживаться оборонительной тактики, поскольку противник имеет огромное численное преимущество, а любая значительная неудача британцев обречет на разгром весь Наталь. Он был вынужден предпринять боевые действия у Эландслаагте и Ритфонтейна, чтобы дать возможность своему подвергавшемуся риску формированию оторваться от противника. Однако теперь причин для наступления не существовало. Уайт знал, что где-то в Атлантическом океане уже вышедший из Ла-Манша к Зеленому мысу караван судов с каждым часом приближает к нему войска из Англии. Через пару недель (а может, и быстрее) первые части уже будут в Дурбане. Таким образом, его задачей было сохранить свою армию и позволить вращающимся двигателям и винтам работать во славу империи. Если бы он подождал, то в конце концов был бы вознагражден.

Однако столь трусливая стратегия неприемлема для боевого генерала. С такой великолепной армией он просто не мог не воевать. Чего требует стратегия, может не позволить честь. Уже 27 октября пошли слухи и разговоры, что буры рядом. Из Данди с основными силами двигался Жубер. На севере и западе сосредоточились части Свободного Государства. Их общая численность была неизвестна, однако уже не вызывало сомнений, что они как минимум более многочисленны и к тому же более опасны, чем ожидалось. Мы также почувствовали на себе мощь их артиллерии, и приятное заблуждение, что для бурских войск она будет просто бесполезной обузой, развеялось навсегда. Покидать город, чтобы дать сражение, было чревато, поскольку мобильный враг мог обойти наши силы и захватить Ледисмит. Тем не менее Уайт решился на это рискованное предприятие.

29 октября враг явно сосредотачивался вокруг города. С высокого холма, находящегося от городских домов на расстоянии выстрела, наблюдатель мог видеть не менее шести бурских лагерей в восточном и северном направлениях. Френч со своей кавалерией прозондировал почву, проскакав границы наступающего воинства. Его донесение дало понять Уайту, что если он хочет ударить до того, как разрозненные отряды объединятся, то должен выступить немедленно. Раненых отправили в Питермарицбург, и потребуются объяснения, почему их не сопровождали. Вечером того же дня Жубер находился уже всего в шести милях. Отряд людей Жубера перерезал водоснабжение города. Однако через Ледисмит течет

³⁶ «Свинчиваемая пушка». У нее был разборный ствол, соединяющийся резьбой. Такое прозвище оружию дал Р. Киплинг в одноименном стихотворении.

довольно большая река Клип, поэтому угрозы недостатка воды не существовало. К великому изумлению провинциальных буров, британцы надули и запустили аэростат. Полученные данные подтвердили, что неприятель крупными силами стоит и перед ними, и вокруг них.

Ночью 29 октября генерал Уайт выслал два лучших полка (Ирландский фузилерский и Глостерский) с 10-й батареей горной артиллерии под покровом темноты занять и удерживать длинную гряду под названием Николсонс-Нек, лежащую примерно в шести милях севернее Ледисмита. Решив на следующий день дать сражение, он имел целью прикрыть свое левое крыло от частей Свободного Государства, которые еще подтягивались с севера и запада, а также держать открытым проход, чтобы кавалерия могла преследовать отступающих буров в случае британской победы. Эта небольшая отдельная колонна насчитывала около тысячи человек – об их судьбе будет рассказано позже.

В пять часов утра 30 октября буры, которые уже овладели мастерством поднимать тяжелые артиллерийские орудия на самые сложные высоты, открыли огонь с одного из холмов севернее города. До того как был выпущен первый снаряд, британские войска уже выступили из Ледисмита, чтобы проверить мощь захватчиков.

Армия Уайта делилась на три колонны. На крайнем левом фланге, совершенно оторванный от других, находился небольшой отряд Николсонс-Нека под командованием полковника фузилерского полка Карлтона (один из трех доблестных братьев, каждый из которых командовал британским полком). С ним был майор Эйди. На правом британском фланге полковник Гримвуд командовал бригадой, состоящей из 1-го и 2-го батальонов полка Королевских стрелков, Лестерского и Ливерпульского полков и Королевского дублинского полка. В центре под началом полковника Яна Гамильтона были Девонский, Гордонский, Манчестерский полки и 2-й батальон стрелковой бригады, который выступил на поле боя прямо с поезда, доставившего его из Дурбана. Шесть артиллерийских батарей были сосредоточены в центре под командованием полковника Даунинга. Френч с кавалерией и конной пехотой находился на краю правого фланга, однако в этот день ему не представилось особой возможности использовать конные войска.

Позиция буров, насколько можно было видеть, являлась прочной. Ее центр находился на одном из отрогов Сигнал-Хилла, примерно в трех милях от города. Там буры имели два сорокафунтовых и три более легких орудия, однако с течением дня мощь их артиллерии увеличивалась как в количестве, так и в калибре оружия. Диспозиция буров практически не просматривалась. В западном направлении наблюдатель при помощи бинокля мог бы различить отдельные фигурки скачущих по холмам конных стрелков, возможно, небольшие группы стоящих возле орудий артиллеристов, а также командиров, взирающих сверху на город, который им было суждено долго лицезреть. На серовато-коричневых равнинах перед городом длинные тонкие линии, время от времени сверкающие сталью, показывали, куда выдвигается пехота Гамильтона и Гримвуда. В прозрачном холодном воздухе африканского утра можно было разглядеть каждую деталь, вплоть до дымка далекого паровоза, преодолевающего тяжелые подъемы на дороге из Фрере через мост в Коленсо на Ледисмит.

Последовавший сложный, хаотичный, скверный бой так же трудно описывать, как было трудно, вне сомнения, им руководить. Бурский фронт составлял примерно семь-восемь миль. По фронту цепочкой шли холмы. Они создавали огромный полукруг, в котором наши части наступали по хорде. С этой позиции буры имели возможность поливать британцев перекрестным огнем, который с течением дня неуклонно становился все интенсивнее. С утра наши сорок два орудия сохраняли превосходство. Пушки работали бешено, хотя и недостаточно точно, что, вероятно, объясняется ошибками рефракции, которые, говорят, обычны в прозрачном воздухе равнины. Представляется, что нашему огню не хватало концентрации. В отдельные моменты боя все британские батареи стреляли по разным пунктам бурского

полукруга. Иногда почти на час орудия буров замолкали, но только для того, чтобы потом заработать с новой силой и такой точностью, что наше уважение к их подготовке заметно возросло. Огромные снаряды (самые большие, какие когда-либо обрушивались на поле боя) выпускались с расстояния, недоступного для наших пятнадцатифунтовых орудий, и заволакивали британские батареи дымом и огнем. Одна находившаяся на холме Пепворт огромная пушка «крэзо», стрелявшая 96-фунтовыми снарядами на четыре мили, и несколько 40-фунтовых гаубиц перевесили наши полевые орудия. В тот день мы не только получили суровый урок, того, что тяжелые пушки, труд и воля могут переломить ход событий на поле боя, но и узнали, что наш противник (да будет это зафиксировано к стыду британского Управления вооружений) лучше знаком с современными разработками оружия. Буры показали нам и самые большие, и самые маленькие снаряды из тех, что использовались до сих пор. Хорошо бы на месте наших артиллеристов оказались ответственные чиновники. Пусть бы им в лицо засвистели дьявольские однофунтовые снаряды, которые пулемет «виккерс-максим», как огромная дробилка, изрыгает непрерывной очередью!

Вплоть до семи часов наша пехота не продемонстрировала решительности в наступлении. Имея перед собой такой громадный рубеж и так много высот, занятых противником, было трудно решить, куда двигаться и не стоит ли превратить атаку в простую разведку боем. Однако вскоре после семи бур сами разрешили этот вопрос, энергично ударив по Гримвуду и правому флангу. Они быстро окружали его, стреляя из полевых орудий, «максимов» и винтовок. Из центральной колонны полк за полком отправляли на усиление правого фланга. Гордонцев, девонцев, манчестерцев и три батареи послали на освобождение Гримвуда, а 5-й уланский полк, действуя в качестве пехоты, помогал ему держаться.

В девять часов наступило затишье. Однако не вызывало сомнений, что свежие отряды и дополнительные орудия непрерывно подтягиваются к линии огня. Бой начался снова с удвоенной силой. Три передовых батальона Гримвуда отступили, оставив гряды, которую удерживали в течение пяти часов. Причиной отступления явилась не их неспособность далее держать позицию, а донесение, полученное сэром Джоржем Уайтом от полковника Нокса, командующего в Ледисмите. В донесении говорилось, что враг, по всей видимости, готовится штурмовать город с другой стороны. Батальоны Гримвуда пересекли открытое пространство в некотором беспорядке и понесли тяжелые потери. Погибших было бы много больше, если бы 13-я батарея полевой артиллерии (а за ней на небольшом расстоянии следовала 53-я) не бросилась вперед, стреляя шрапнелью, чтобы прикрыть отступление пехоты. Среди разрывов 96-фунтовых снарядов и треска маленьких дьявольских однофунтовиков, под перекрестным ружейным огнем отважные батареи Эбди и Докинса развернули орудия, отстреливались направо и налево, вспыхивая ослепительным огнем посреди груд тел убитых солдат и лошадей. Огонь был настолько интенсивным, что орудия закрывала пыль, которую поднимали пулеметные очереди. Затем, когда работа была завершена и пехота перебралась за гряды, прикрывающие орудия развернулись и отправились за ней. Пало столько лошадей, что две пушки пришлось оставить. Позже их удалось забрать благодаря отваге капитана Твайтса. Действия этих батарей – единственное светлое пятно этого дня. С поразительным хладнокровием и мужеством артиллеристы помогали друг другу, отходя попеременно после того, как пропустили отступающую пехоту. 21-я батарея (Блевитта) тоже отличилась стойкостью, прикрывая отступление кавалерии, а 42-я (Гоулбернса) понесла самые тяжелые потери. В общем, слава, выпавшая в тот день на нашу долю, в основном принадлежала артиллеристам.

Уайт, надо полагать, теперь чувствовал неуверенность в своей позиции. Было совершенно ясно, что единственный путь для него – отступить и сконцентрироваться на обороне города. Его левый фланг находился на высоте, а звуки отдаленного огня, доносившегося через пять миль разбитой земли, были единственным поступившим от него донесением.

Правый фланг отвели, но наибольшая опасность заключалась в том, что перестал существовать центр, потому что там осталась только 2-я стрелковая бригада. Что произойдет, если враг энергично атакует и ударит прямо на город? Это было более чем вероятно, поскольку бурская артиллерия уже продемонстрировала, что является тяжелее нашей. Грозный 96-фунтовик, абсолютно невредимый и находящийся вне нашей досягаемости, метал огромные снаряды в скопления отступающих войск. Солдаты мало спали и практически не ели, и этот безответный огонь был суровым испытанием для отходящей армии. В подобных обстоятельствах отход мог очень скоро превратиться в беспорядочное бегство. Офицеры с некоторым опасением наблюдали, как солдаты ускоряют шаг и оглядываются, услышав вой снарядов. До дома все еще оставалось несколько миль по открытой местности. Что можно было предпринять, чтобы облегчить их положение?

И в этот самый момент пришел своевременный и неожиданный ответ. То облачко паровозного дыма, которое наблюдатель видел утром, становилось все яснее с приближением тяжелого поезда, пылящего и поскрипывающего на скатах. Потом, фактически еще до того, как состав вышел на подъездной путь к Ледисмиту, из него выпрыгнула толпа жизнерадостных бородатых парней. Переговариваясь на незнакомом морском жаргоне, они вытаскивали и собирали длинные тонкие орудия, которые при помощи веревки и троса закрепили на платформах. Лафеты были необычные, специально изобретенные капитаном Перси Скоттом. Люди работали изо всех сил, чтобы ввести в действие 12-фунтовые скорострельные орудия. Вот наконец дело было сделано. Длинные стволы поднялись под углом, при котором они могли надеяться достать исполина на холме у горизонта. Два из них вытянули любопытные шеи и обменялись репликами с большим «крезо». И тут усталые подавленные британские войска услышали грохот, более оглушительный и резкий, чем издавали их полевые орудия. На далеком холме, куда ударили снаряды, появились клубы дыма и огня. Еще залп, еще и еще – и больше их не беспокоили. Ситуацию спасли капитан Хедворт Лэмбтон и его люди. Нашелся победитель и на эту грозную пушку. Она не издала ни звука, пока покрытая пылью полевая армия не вернулась в Ледисмит, оставив на поле боя три сотни своих бойцов. Это была слишком высокая цена. Однако нас ждали другие беды, в свете которых утреннее отступление показалось несущественным.

Мы тем временем обратимся к несчастной судьбе маленькой колонны, которую, как уже говорилось, Джорж Уайт выслал, чтобы предотвратить соединение двух бурских армий и одновременно создать угрозу правому крылу их основных сил, наступающих со стороны Данди. В течение всей кампании Джорж Уайт проявлял качество, которое обычно привлекает нас в людях, однако может представлять опасность, когда оказывается свойственным боевому командиру. Уайт был неисправимым оптимистом. Весьма вероятно, что его сердце не выдержало бы в надвигавшиеся черные дни, если бы он не обладал таким качеством. Однако, когда человек обсуждает сохранение Ньюкаслской железнодорожной ветки, соглашается продолжать оккупацию Данди, оставляет в городе гражданских, пока не исчезнет возможность избавиться от бесполезных ртов, не начинает серьезной подготовки к обороне города, пока его не вынудят действия противника, мы неизменно наблюдаем последствия того, что этот человек постоянно надеется на лучшее и поэтому не готовится к неблагоприятному развитию событий. К несчастью, в каждом из этих случаев дела *действительно* пошли плохо. Только медлительность буров позволила нам (как в Данди, так и в Ледисмите) избежать настоящей катастрофы.

Джорж Уайт так благородно и безоговорочно принял на себя вину за Николсонс-Нек, что беспристрастный историк, скорее всего, расценит его самоосуждение как чрезмерное. Непосредственные причины поражения, конечно, являлись результатом только злого рока и зависели от обстоятельств, на которые он не мог повлиять. Однако очевидно, что стратегический план, по которому колонна оказалась на Николсонс-Неке, строился на предположе-

нии, что основные силы одержат победу в сражении у Ломбардс-Копа. При таком развитии событий Уайт мог бы развернуть правый фланг и зажать буров между основными силами и Николсонс-Неком. В любом случае он смог бы соединиться со своим изолированным крылом. Однако если бы он проиграл это сражение – что тогда? Что должно было произойти с формированием, находящимся в нескольких сотнях ярдов над уровнем моря? Как его предполагалось выводить? Отважные ирландцы, казалось, отметили саму идею поражения. Говорят, что командиры колонны получили заверения, что к одиннадцати часам следующего утра их снимут. Так и случилось бы, выиграй Уайт сражение. Но...

Силы, избранные для самостоятельных действий, состояли из четырех с половиной рот Глостерского полка, шести рот Королевского ирландского фузилерского полка и 10-й батареи горной артиллерии из шести семифунтовых «screw-guns». Это были бывалые солдаты из Индии, а фузилеры только десять дней назад у Талана-Хилла показали, на что способны. Отрядом командовали полковник фузилерского полка Карлтон (усилиями которого в основном достигнут успех отступления из Данди) и майор Эйди в качестве генерала. В ночь воскресенья 29 октября они вышли маршем из Ледисмита. Тысяча солдат, лучших во всей армии. Обмениваясь парой шуток с часовыми, они и не думали, что теперь долго не увидят своих вооруженных соотечественников.

Дорога была сложной, а ночь безлунной. С каждой стороны из темноты выступали неясные очертания холмов. Колонна невозмутимо продвигалась. Фузилеры впереди, орудия и глостерцы за ними. Несколько раз делали короткие остановки, чтобы удостовериться в правильности направления. Наконец в темные холодные часы, которые наступают в полночь и рано утром, колонна свернула с дороги налево. Перед ними едва различимо поднималась длинная черная гряда. Это был Николсонс-Нек, который они пришли занять. Карлтон и Эйди, наверное, вздохнули с облегчением, осознав, что достигли цели. Войска находились примерно в двухстах ярдах от позиции, и все прошло без сучка и задоринки. Но тем не менее именно здесь произошел эпизод, определивший судьбу самих бойцов и всей операции.

Из темноты вдруг появились пять всадников. Лошади неслись галопом, из-под копыт летели камни. В неясном свете они тут же скрылись. Откуда они скакали, куда направлялись, никто не знает. Неизвестно было, что послало их в лихой галоп через темноту: умысел, неведение или тревога. Кто-то выстрелил. Сержант фузилерского полка получил ранение в руку. Кто-то другой приказал примкнуть штыки. Мулы, тащившие боезапас, начали брыкаться и вставать на дыбы. О предательстве речи не шло, потому что их вели наши солдаты, но удержать двух испуганных мулов двумя руками – подвиг даже для Геракла. Мулы вырвались на свободу и через мгновение уже неслись по колонне. Паника передалась почти всем остальным животным. Напрасно солдаты пытались их успокоить. В сумасшедшей гонке бойцов сбивал с ног стремительный поток напуганных животных. В сумраке того раннего часа солдаты, должно быть, подумали, что их атаковала кавалерия. Колонна потеряла боевой порядок так быстро, как если бы ее переехал полк драгун. Когда табун пронесся и солдаты, бормоча проклятья, снова разобрались по местам, стало понятно, насколько серьезное несчастье их постигло. Там, где в отдалении все еще раздавался сумасшедший стук копыт, находились их патроны, снаряды и пушка. Горное орудие не везли на колесах, а тащили по частям на спинах мулов. Колесо унеслось на юг, лафет – на восток, дульная часть ствола – на запад. Патроны валялись на дороге, но значительная их часть двигалась обратно в Ледисмит. Оставалось только признать, что ситуация изменилась, и решить, что делать дальше.

Часто задается естественный вопрос, почему полковник Карлтон, потеряв орудия и боезапас, немедленно не повернул свои силы обратно, пока еще было темно? Одно-два соображения очевидны. Прежде всего для хорошего солдата более естественно пытаться спасти ситуацию, а не отказываться от операции. Его благоразумие, в случае такого отказа, могло стать предметом всеобщего одобрения, но могло вызвать и неофициальную критику. Сол-

дата учат использовать все шансы и делать все, что в его силах, используя все, что находится в его распоряжении. К тому же полковник Карлтон и майор Эйди знали генеральный план сражения, которое планировалось провести очень быстро. Они прекрасно понимали, что своим отступлением откроют левый фланг генерала Уайта для атаки наступающих с севера и запада сил (состоящих, как нам теперь известно, из войск Оранжевого Свободного Государства и полиции Йоханнесбурга). Карлтон рассчитывал, что его снимут к одиннадцати часам, и не сомневался, что до этого времени сможет удержаться при любых обстоятельствах. Вот наиболее очевидные из соображений, которые побудили полковника Карлтона продолжать, пока это в его силах, выполнение задачи, поставленной перед ним и его соединением. Он поднялся на гору и занял позицию.

Однако сердце Карлтона, скорее всего, заныло, когда он увидел, где находится. Позиция была очень большой – слишком большой для эффективной обороны силами, находящимися в распоряжении полковника: около мили в длину и четыреста ярдов в ширину. Форма позиции напоминала подошву ботинка, и он мог надеяться удержать только «пятку». Другие холмы со всех сторон давали прикрытие бурским стрелкам. Однако, ничего не убоившись, Карлтон немедленно отдал солдатам приказ строить укрепления из камней. Когда совсем рассвело и с окрестных холмов раздались первые выстрелы, солдаты уже закончили примитивные сооружения, в которых рассчитывали продержаться до прихода помощи.

Однако как могла прийти помощь, когда они не имели возможности сообщить Уайту о своем положении? Полковник брал с собой гелиограф, но прибор находился на спине одного из проклятых мулов. Кругом было много буров, что не позволяло отправить связного. Попытались превратить в гелиограф блестящую жестяную банку из-под печенья, но безуспешно. Выслали кафра, обещавшего привести с собой большое племя, но тот исчез. А к югу от британцев, там, где раздавались первые отдаленные удары орудий Уайта, в чистом холодном утреннем воздухе висел аэростат. Если бы они только смогли привлечь к себе внимание того аэростата! Но тщетно солдаты махали ему флагами. Невозмутимый шар ни на что не реагировал и медленно плыл над дальним полем битвы.

А со всех сторон уже начали наседать буры. Предводительствовал в этой атаке Кристиан Девет. Его имя вскоре будет известно всем. Атака усилилась после прибытия Ван Дама с его силами. В пять часов огонь начался, в шесть часов он стал интенсивнее, в семь – еще интенсивнее. Две роты Глостерского полка заняли сангар у основания «подошвы», чтобы не дать противнику слишком близко подойти к «пятке». Подкрепление буров, стреляя примерно с тысячи ярдов, вышло в тыл этой оборонительной позиции. Пули летели отовсюду и отскакивали от каменного бруствера. Роты передислоцировали, но при этом солдатам пришлось пересекать открытую местность, что привело к тяжелым потерям. Непрерывный звук ружейных выстрелов раздавался со всех сторон, и очень медленно, но неуклонно приближался. Снова и снова темная фигура стремительно перебегала от одного валуна к другому, в другой ситуации атакующих заметить было невозможно. Британцы стреляли взвешенно и не торопясь, поскольку каждая пуля была на счету, но буры так умело укрывались, что чаще всего прицеливаться было не во что. «Увидеть можно было только ствол винтовки», – говорил один из участников тех событий. В то долгое утро оставалось время подумать, и в головах некоторых солдат, наверное, возникал вопрос, какую подготовку к подобному бою они получили, маршируя на площадке для парадов или расстреливая годовой боезапас по открытым мишеням на одинаковом расстоянии. В будущем нужно изучать приемы ведения войны Николсонс-Нека, а не Лаффанс-Плейна.

Лежа в те томительные часы на простреливаемом холме, слушая непрерывный свист пуль в воздухе и щелчки по камням, британские солдаты могли видеть сражение, разгоравшееся к югу от них. Зрелище не радовало. Сердца Карлтона, Эйди и их доблестных товарищей, должно быть, тяжелели от вида происходящего. Снаряды буров взрывались посреди

британских батарей, британские снаряды не долетали до противника. Поднятые под сорок пять градусов «длинные томы» бухали огромные снаряды на британские орудия с расстояния, о котором мы не могли и мечтать. А потом, с отступлением Уайта в Ледисмит, ружейный огонь стал постепенно ослабевать. В одиннадцать часов колонна Карлтона поняла, что ее оставили на произвол судьбы. Еще в девять часов им послали гелиограмму отступить при первой возможности, однако покинуть гору означало пойти на верную гибель.

К этому времени солдаты находились под огнем уже шесть часов, их потери росли, а патроны иссякали, и всякая надежда исчезла. Однако они упрямо держались еще час, и другой, и еще один. Девять с половиной часов они цеплялись за ту каменную громаду. Фузилеры еще не восстановились после марша из Гленко и последующей непрерывной работы. Многие заснули за валунами. Некоторые упрямо сидели, положив рядом бесполезные винтовки и пустые патронные сумки. Кто-то собирал боеприпасы у убитых товарищей. За что они сражались? Все было бесполезно, и они это знали. Но всегда остается честь флага, слава полка и нежелание гордого мужественного человека признавать поражение. Но тем не менее поражение стало неизбежным. Среди них были люди, которые ради доброго имени британской армии и для того, чтобы подать пример воинского достоинства, готовились невозмутимо погибнуть там, где стоят, или повести отчаянных парней доблестной 28-й в последний смертельный бой с пустыми винтовками против невидимого противника. Возможно, эти смельчаки были правы. Леонид с тремя сотнями людей сделал больше для дела Спарты памятью о себе, чем героизмом при жизни. Люди уходят, как увядшие листья, а традиция народа живет, как дуб, который их сбрасывает. Потеря листьев – малость, если от этого крепнет ствол. Однако рассуждать о смерти легко только за письменным столом. Нужно учитывать и другое – ответственность офицеров за жизнь своих солдат, надежду на то, что они еще смогут послужить своей стране. Все было обдуманно, все взвешено, и в конце концов показался белый флаг. Вокруг поднявшего флаг офицера, кроме него, не осталось никого, кто не получил бы пули. В его сангаре все были ранены, а другие размещались так, что у него сложилось впечатление, будто они полностью выведены с поля боя. Подверг ли подъем белого флага неизбежному риску весь отряд – вопрос сложный, но буры тут же покинули свои укрытия. Солдатам в последующих сангарах, часть из которых еще не вступала в активные боевые действия, офицеры приказали огонь не открывать. Через мгновение победившие буры были там.

Последовавшая сцена, как мне рассказывали участники событий, была не из тех, что хотелось бы увидеть или подробно описывать. Осунувшиеся офицеры ломали свои клинки и проклинали день, в который появились на свет. Рядовые рыдали, закрыв руками грязные лица. Из всех испытаний, которым подвергалась их дисциплинированность, многим труднее всего оказалось подчиниться взмаху проклятого носового платка. «Отец, лучше бы мы погибли», – восклицали фузилеры, обращаясь к своему священнику. Отважные сердца, бедные, малооцененные, что может сравниться с их бескорыстной верностью и преданностью?!

Но боли нового унижения или оскорбления не добавилось к их бедам. Существует братство отважных людей, которое поднимается над враждой народов и в конце концов, надемся, даже сможет победить противостояние. Из-за камней появлялись странные, нелепые фигуры буров: бронзовые, бородатые. Они начинали подниматься на гору. Ни слова ликования или упрека не сорвалось с их губ. «Теперь вы не скажете, что молодой бур не умеет стрелять» – самая большая резкость, какую позволили себе наименее сдержанные. На горе в разных местах лежало от ста до двухсот убитых и раненых. Те, кому еще можно было помочь, получили все возможное. Раненого капитана Райса из фузилерского полка на собственной спине спустил вниз один бурский богатырь. Капитан рассказывал, что этот человек отказался от предложенного ему золотого. Некоторые буры на память об этом дне просили у наших солдат украшенные вышивкой поясные ремни. Для многих поколений они останутся

самыми драгоценными украшениями их сельских домов. Потом победители собрались вместе и запели псалмы. Не радостные, а печальные и трогательные. Пленные унылой колонной, изнуренные, потрепанные, взъерошенные, выступили в бурское бивачное расположение в Вашбанке, где должны были погрузиться на поезд в Преторию. А в Ледисмит с перевязанной рукой, со следами боя на одежде и лице дошел горнист фузилеров. Он доложил, что два боевых полка прикрыли фланг отступающей армии Уайта, заплатив за это собственным уничтожением.

8

Наступление лорда Метуэна

К концу второй недели активных боевых действий в Натале положение бурской армии серьезно встревожило общественность в Британии и послужило причиной поистине всеобщего хора злорадных восторгов в прессе всех европейских стран. Из ненависти ли к нам, из спортивного ли азарта, который поддерживает более слабого, или вследствие влияния вездесущего доктора Лейдса с его секретной службой, но континентальные газеты никогда не были столь единодушны, как в этой поспешной радости по поводу того, что казалось им сокрушительным ударом по Британской империи. Не знаю, из-за преувеличения успехов буров в войне или незнания нашего национального характера, но Франция, Россия, Австрия и Германия одинаково злобствовали. Даже визит немецкого императора (сама по себе учтивая и своевременная акция) не мог полностью загладить необъяснимую язвительность прессы его страны. Этот поток оскорблений пробудил Великобританию от обычного для нее равнодушия к мнению иностранцев и заставил собраться с силами. Нас радовала поддержка друзей в Соединенных Штатах и доброжелательное отношение менее значительных европейских государств, особенно Италии, Дании, Греции, Турции и Венгрии.

В действительности на конец этой второй недели в руках противника находилась четверть территории колонии Наталь и сто миль железной дороги. Было проведено пять отдельных операций, ни одну из которых, наверное, нельзя назвать сражением в полном смысле этого слова. Одна из пяти операций закончилась несомненной победой британцев, две завершились неопределенно, одна – неудачей и одна – полным разгромом. Мы потеряли около двенадцати тысяч человек пленными и одну батарею орудий малого калибра. Буры лишились двух прекрасных пушек и трехсот человек. Двенадцать тысяч британских солдат оказались заперты в Ледисмите. Между захватчиками и морем не осталось никаких серьезных сил. Только там, в море, на еще далеких судах, где изо всех сил работали лопатами чумазные кочегары, находились все надежды на сохранение Наталь и чести империи. Верноподданные Капской колонии в ожидании затаили дыхание. Они хорошо знали, что нечем предотвратить вторжение Свободного Государства. А если вторжение начнется, то трудно сказать, как далеко оно продвинется и каким образом отразится на голландском населении.

Ледисмит теперь, несомненно, был в пределах досягаемости буров, и противник спокойно приступил к осаде города. Мы же перенесем взгляд с Ледисмита на западную сторону театра военных действий. Там события начались осадой Кимберли и безрезультатными попытками колонны лорда Метуэна освободить этот городок.

После объявления войны буры предприняли в западном направлении два серьезных шага. Первым стало наступление большого формирования под командованием опасного Кронье с целью штурмовать Мафекинг. Это предприятие требует отдельной главы. Вторым – блокада Кимберли силами, состоящими преимущественно из граждан Свободного Государства во главе с Вессельсом и Ботой. Местечко оборонял полковник Кекевич, направляемый Сесилом Родсом, который отважно бросился в город на одном из грузовых поездов. Как основатель и руководитель алмазных копей великой компании «Де Бирс», в трудный час он желал быть рядом со своими людьми, и именно стараниями Родса город получил винтовки и пушку, чтобы выдержать осаду.

Войска, находившиеся в распоряжении полковника Кекевича, состояли из четырех рот Королевского Северо-Ланкаширского полка, нескольких частей инженерных войск, батареи горной артиллерии и двух пулеметов. Кроме регулярных войск под начало Кекевича встали весьма умелые и настроенные на борьбу местные войсковые формирования, сто двадцать

человек капской полиции, две тысячи волонтеров, часть Кимберлийского полка легкой кавалерии, батарея легких семифунтовых орудий и восемь «максимов». Артиллерию подняли на окружающие рудник высокие отвалы пустой породы, которые превратились в высшей степени эффективные крепости.

Небольшое пополнение полиции попало в город при трагических обстоятельствах. Столица британского Бечуаналенда находится в 60 милях к северу от Кимберли. В городе были сильны проголландские настроения, и при известии о приближении бурских сил с артиллерией стало очевидно, что удержать его будет невозможно. Начальник полиции Скотт предпринял попытку организовать оборону. Однако у него не было ни артиллерии, ни поддержки населения, и столицу пришлось оставить захватчикам. Доблестный Скотт со своими полицейскими поскакал на юг, но от унижения и страданий от невозможности удержать вверенный ему пост пустил себе пулю в лоб. Буры немедленно заняли город и официально присоединили британский Бечуаналенд к Южно-Африканской Республике. Враг неизменно осуществлял политику безотлагательной аннексии всех захваченных территорий, чтобы присоединившиеся к бурам британские подданные были избавлены от последствий измены. Тем временем несколько тысяч бойцов Свободного Государства и Трансвааля с артиллерией сосредоточились вокруг Кимберли. Всякое сообщение с городом было перекрыто. Снятие осады Кимберли являлось одной из первых задач прибывающей армии. Базой для операции, естественно, должна была стать река Оранжевая. Там и в Де-Аре начали создавать запасы для наступления. В Де-Аре, главном железнодорожном узле на севере колонии, скопилось огромное количество продовольствия, боеприпасов, фуража, а также тысячи мулов, которых «длинные руки» британского правительства согнали из разных частей мира. Охрана же важных дорогостоящих запасов, как представляется, была недостаточной. Между рекой Оранжевой и Де-Аром (а это шестьдесят миль) находились 9-й уланский, Королевский мюнстерский, 1-й Нортамберлендский фузилерские полки и 2-й собственный Королевский йоркширский полк легкой пехоты. Таким образом, в общей сложности три тысячи человек охраняли имущество стоимостью два миллиона фунтов стерлингов, а до границы Свободного Государства можно было доскакать за день. Воистину, если нам есть на что жаловаться в этой войне, то есть и за что благодарить.

До самого конца октября ситуация оставалась настолько рискованной, что просто необъяснимо, почему противник никак не воспользовался обстоятельствами. Наши основные силы сконцентрировались для обороны железнодорожного моста через Оранжевую (мост имел исключительно важное значение для наступления на Кимберли), а Де-Ар с ценными складами защищал один-единственный полк без орудий. Более заманчивой цели для решительного командира и рейда конных стрелков сложно придумать, однако буры упустили этот шанс, как и многие другие. В начале ноября наши небольшие отряды, оставив Колесберг и Наувпорт, прибыли в Де-Ар. К Йоркширскому полку легкой пехоты присоединился Беркширский полк, а также девять полевых орудий. Генерал Вуд активно взялся за укрепление окружающих холмов. Уже через неделю позицию превратили в достаточно надежную.

Первое столкновение между противоборствующими сторонами в этой части театра военных действий произошло 10 ноября. Полковник 9-го уланского Гоф производил разведку от реки Оранжевая на север двумя эскадронами собственного полка, конной пехотой Нортамберлендского фузилерского, Королевским манчестерским, Северо-Ланкаширским полками и батареей полевой артиллерии. Восточнее Бельмонта, примерно через пятнадцать миль, он наткнулся на вражеский отряд с орудием. Чтобы выяснить позицию буров, конная пехота пошла вокруг одного из флангов противника и во время движения приблизилась к холму, на котором находились снайперы. Из-за камней неожиданно раздались точные выстрелы. Из шести получивших пули четверо были офицерами, что демонстрирует хладнокровие метких стрелков и опасность ношения в бою формы высшего офицерского состава,

которые, возможно, когда-нибудь да исчезнут с поля боя. Погиб полковник Нортамберлендского полка Кейт-Фальконер, заслуживший награду в Судане. Вуд из Северо-Ланкаширского полка тоже был убит. Холл и Беван из Нортамберлендского полка получили ранения. Приближение отряда из лагеря на поезде заставило буров отойти и вывело нашу небольшую армию из положения, которое могло стать весьма серьезным. Враг, имея численное преимущество, уже обходил британцев с флангов. Войска возвратились в лагерь, не добившись ничего существенного, но это, должно быть, обычная судьба кавалерийской разведки.

12 ноября лорд Метуэн прибыл на Оранжевую и начал организацию колонны, которая выступит на помощь Кимберли. Генерал Метуэн уже накопил некоторый опыт сражений в Южной Африке, когда в 1885 году командовал крупным подразделением иррегулярной кавалерии в Бечуаналенде. Он имел репутацию доблестного неустрашимого воина. К тому времени ему еще не исполнилось пятидесяти пяти лет.

Силы, которые постепенно собирались на Оранжевой, были грозными скорее с точки зрения качества, чем количества. В них входили Гвардейская бригада (1-й Шотландский гвардейский полк, 3-й гренадерский полк, 1-й и 2-й Колдстримские полки), 2-й Йоркширский полк легкой пехоты, 2-й Нортгемптонский полк, 1-й Нортамберлендский полк и часть Северо-Ланкаширского полка, чьи товарищи держались в Кимберли, а также военно-морская бригада корабельных артиллеристов и морских пехотинцев. Из кавалерии генерал имел 9-й уланский полк с подразделением конной пехоты, из артиллерии – 75-ю и 18-ю батареи Королевской полевой артиллерии.

Для колонны была исключительно важна мобильность, поэтому офицеров и солдат оставили без палаток и каких-либо других удобств – не такое уж малое ограничение в климате, когда за тропическим днем следует арктическая ночь. На рассвете 22 ноября формирование (общей численностью около восьми тысяч человек) выступило в поход. До Кимберли было не более шестидесяти миль. Вероятно, ни один солдат не представлял себе, как затянется этот марш и какие суровые испытания ожидают их на этом пути. В среду 22 ноября Метуэн продвигался вперед, пока не подошел к позиции буров в Бельмонте. Вечером полковник Уиллоби Вернер произвел разведку, и все было подготовлено к штурму следующим утром.

Силы буров заметно уступали нашим в численности – всего две-три тысячи человек, однако очень выгодное расположение позиции превращало штурм в сложную задачу. Обойти Бельмонт не представлялось возможным – это значило бы оставить угрозу нашим коммуникациям. Двойной ряд высоких холмов пересекал дорогу на Кимберли. Именно там, на первой и второй гряде, среди камней нас ждал враг. За недели подготовки буры соорудили продуманные укрытия, в которых могли лежать в относительной безопасности, имея возможность простреливать все окружающее пространство. Американский корреспондент Ральф (его материалы относятся к числу самых ярких свидетельств об этой войне) описал их индивидуальные логова, устланные соломой, с запасами еды, а в каждом – непреклонный и грозный обитатель. «Гнезда хищных птиц» – вот слова, которыми он объяснил, с чем мы имеем дело. На рассвете 23 ноября в гнездах лежали бурские снайперы, выставив наружу только стволы винтовок, пожевывая вяленое мясо и маис. Когда рассвело, штурм начался.

Это было солдатское сражение в добром старом простом британском стиле – Альма,³⁷ но меньшего масштаба и против более страшного оружия. В зловещей тишине войска пошли на казавшуюся нетронутой, усеянную камнями, контролируруемую высокими скалами позицию. Бойцы были в мрачном настроении, потому что не получили завтрака, а военная исто-

³⁷ *Сражение на Альме* (8 [20] сентября 1854 г.) – первое крупное сражение Крымской войны между высадившимися в Крыму войсками коалиции Великобритании, Франции и Турции, с одной стороны, и России – с другой. Закончилось победой союзников.

рия от Азенкура³⁸ до Талаверы³⁹ показывает, что голод будит в британских солдатах агрессивность. Один нортамберлендский фузилер выразил словами ярость своих товарищей. Когда чересчур активный штабной офицер загарцевал перед строем, фузилер взревел на своем резком северном наречии: «Проподи ты пропадом! Пошел к черту, и давайте стрелять!» В золотых лучах восходящего солнца солдаты стиснули зубы и ринулись в горы. Смелые бойцы под предводительством смелых командиров карабкались, падали, ругались, подбадривали себя возгласами, и все с единственной мыслью – добраться до зловещей щетины винтовочных стволов, которая торчала из камней над ними.

Метуэн планировал атаку с фронта и фланга. Однако либо гренадеры плохо сориентировались, либо буры переместились, но фланговая атака стала невозможной и все наступление превратилось во фронтальное. Сражение свелось к нескольким независимым боям, в которых разные британские полки штурмовали отдельные холмы. В каждом случае успешно, но с потерями. Честью этой битвы, как свидетельствуют мрачные списки потерь, мы обязаны гренадерам, колдстримцам, северным ланкаширцам и шотландским гвардейцам. Мужественные гвардейцы покрыли склоны своими телами, но их товарищи взяли высоты. Буры держались упорно и стреляли прямо в лица штурмующих. Одному молодому офицеру раздробили челюсть из винтовки, практически коснувшись его. Другого, Бланделла из Гвардейского полка, застрелил раненый головорез, которому офицер протянул свою фляжку с водой. В одном месте над обороняющимися взвился белый флаг, после чего британцы вышли из укрытий – и натолкнулись на залп. Именно там И. Ф. Найт из «Морнинг Пост» стал жертвой двойного нарушения обычаев войны, поскольку был ранен разрывной пулей, вследствие чего потерял правую руку. Человека, который поднял белый флаг, схватили. Тот факт, что его на месте не подняли на штыки, убедительно свидетельствует о гуманности британских солдат. Однако несправедливо винить весь народ за злодеяния отдельных людей. Весьма вероятно, что тех, кто использовал подобные методы или сознательно обстреливал наши полевые госпитали, собственные товарищи презирали не меньше нас.

Победа досталась нам дорогой ценой – на склонах лежали пятьдесят убитых и двести раненых. Материальные результаты победы (как слишком часто случалось в наших столкновениях с бурами) нельзя назвать значительными. Потери буров, судя по всему, примерно соответствовали нашим. В плен мы взяли около пятидесяти человек. Солдаты разглядывали пленных с величайшим удивлением. Они представляли собой угрюмую, нескладную, плохо одетую компанию и, по всей видимости, являлись самыми бедными из бюргеров. Бедняки, как и в Средние века, особенно страдают на войне, поскольку толстый кошелек означает хорошего коня. Большинство врагов после боя благополучно ускакало, оставив в камнях бахрому снайперов, чтобы задерживать нашу кавалерию. Недостаточное количество кавалеристов и артиллерии на конной тяге – вот две причины, по мнению лорда Метуэна, не позволившие превратить это поражение в полный разгром. Во всяком случае, чувства отступавших буров проявил один из их числа – он повернулся в седле и «сделал нос» в насмешку над победителями. В этот момент всадник подставил себя под огонь половины батальона, но, скорее всего, ему было известно, что в соответствии с действующей у нас инструкцией по стрельбе огонь половины британского батальона по отдельному человеку – несерьезное дело.

³⁸ *Битва при Азенкуре* (фр. *Bataille d'Azincourt*, англ. *Battle of Agincourt*) – сражение 25 октября 1415 г. между французскими и английскими войсками близ местечка Азенкур в Северной Франции во время Столетней войны. Франция, имевшая большой численный перевес, тем не менее потерпела сокрушительное поражение.

³⁹ *Битва при Талавере* (исп. *Batalla de Talavera*, фр. *Bataille de Talavera*, англ. *Battle of Talavera*) – одно из сражений начала Пиренейских войн в Талавере де ла Рейна, близ Мадрида, между испано-португало-английской коалицией и войсками Французской империи (27–28 июля 1809 г.). Французы понесли большие потери, потеряв 7390 человек убитыми и ранеными.

Остаток дня 23 ноября прошел в лагере в Бельмонте. На следующее утро наступление продолжилось в направлении Энслина, примерно в десяти милях далее. Там находится равнина Энслина, ограниченная внушительной грядой холмов, не менее опасных, чем бельмонтские. Уланы и разведчики Раймингтона (немногочисленная, но очень умелая армейская кавалерия) вернулась с донесением, что холмы хорошо укреплены. Освободителям Кимберли предстояла новая тяжелая работа.

Продвижение производилось по линии железной дороги Кейптаун – Кимберли. Ущерб, нанесенный бурами железнодорожному полотну, ликвидировали настолько, чтобы позволить бронепоезду с корабельным орудием сопровождать войска. В шесть утра субботы 25 ноября пушка бронепоезда открыла огонь по холмам, за ней сразу последовали орудия полевой артиллерии. Утрата иллюзий по поводу эффективности шрапнели – вот один из уроков этой войны. Позиции, в которых теоретически уже все должны были быть убиты, снова и снова оказывались боеспособными. По мере приобретения опыта у солдат, непосредственно участвовавших в боевых действиях, вера в действенность шрапнели неуклонно убывала. Чтобы сражаться с людьми, которые находятся в укрытиях и между камнями, требовалось разработать другие методы ведения артиллерийского огня.

Подобные замечания по поводу шрапнели можно высказывать в связи с половиной сражений этой войны, однако они особенно уместны в разговоре о бое в Энслине. Здесь один большой холм являлся ключом ко всей позиции. Значительное время было отведено на подготовку к его штурму – артиллерийским огнем накрывали всю поверхность и надеялись, что достали каждый уголок горы, в котором мог таиться стрелок. Одна из двух батарей дала не менее пятисот залпов. Затем последовал приказ наступать пехоте. Гвардейцев оставили в резерве после тяжелого боя в Бельмонте. Нортамберлендцы, нортгемптонцы, нортланкаширцы и йоркширцы пошли в обход правого фланга и с помощью артиллерийского огня очистили находившиеся перед ними окопы. Однако главная заслуга в этом успехе принадлежала морякам и морским пехотинцам военно-морской бригады. Они прошли через испытание, редко выпадающее на долю солдат, и тем не менее вышли победителями. Им пришлось брать тот самый высокий холм, который так усердно обрабатывала наша артиллерия. Мощным рывком моряки ринулись на склон и попали под страшный огонь. Стреляли из-за каждого камня. Первые ряды просто снесло шквалом «маузеров». Очевидец записал, что бригаду было едва видно в поднятом пулями песке. На мгновение моряки залегли, а потом, перехватив дыхание, снова пошли вперед с грудными морскими криками. Их было всего четыре сотни – двести моряков и двести морских пехотинцев, а потери во время первого стремительного рывка оказались ужасными. Однако моряки продолжали карабкаться вверх. Их подбадривали отважные офицеры. Некоторые морские офицеры были совсем юношами – корабельные гардемарины. Капитан «Могучего» Этельстон погиб. Пламбе и Сениор из морской пехоты – тоже. Капитан «Дориса» Протеро упал со смертельной раной, продолжая кричать своим матросам: «Возьмите этот холм и не сходите с него!» Гибель юного корабельного гардемарина Гуддарта стоит значительно больше, чем чья-то долгая, ничем не примечательная жизнь. Раненый Джоунс из морской пехоты поднялся и ринулся вперед со своими людьми. Самые тяжелые потери понесли именно они – отважные морские пехотинцы, бойцы, готовые сражаться всегда и везде, на море и на суше. Когда наконец моряки закрепились на вершине смертоносного холма, на склонах остались лежать три офицера и восемьдесят восемь пехотинцев из 206 – за несколько минут погибла почти половина людей. Матросы, захватившие холм, потеряли восемнадцать человек. Половину всех британских потерь в этом бою понес маленький отряд, в высшей степени блистательно поддержавший доброе имя и славу своего рода войск. С такими людьми под английским военно-морским флагом мы можем не беспокоиться за родные острова.

Сражение у Энслина стоило нам около двухсот человек убитыми и ранеными, но, кроме того, что мы расчистили путь к Кимберли еще на один перегон, трудно сказать, какие выгоды принесла нам эта победа. Мы отвоевали холмы, но потеряли людей. Потери буров, по-видимому, составили менее половины наших. Усталость и немногочисленность нашей кавалерии не позволили преследовать противника и захватить бурские орудия. В течение трех дней солдаты дали два тяжелых боя в безводной местности и под тропическим солнцем. Они сильно устали, а чего добились? Причины такого положения вещей, естественно, активно обсуждались и в лагере, и дома. Разговоры постоянно возвращались к недовольствам лорда Метуэна по поводу недостатка кавалерии и артиллерии на конной тяге. В наше Военное министерство, которое в некоторых делах действовало поразительно эффективно, была брошена масса несправедливых обвинений. Однако в вопросе с задержкой отправки кавалерии и конной артиллерии (а ведомство, как и общественность, имело сведения об исключительной мобильности нашего врага), безусловно, существуют основания для расследования. Буры, принимавшие участие в этих двух сражениях, в основном принадлежали к якобсдальскому и фауресмитскому отрядам, некоторые бюргеры были из Босхофа. Знаменитый Кронье со своей старой трансваальской гвардией двигался из Мафекинга. Пленные в Бельмонте и Энслине сильно досадовали, что он опоздал и не принял на себя общее командование. Однако во время последнего боя поступали донесения, что бурское подкрепление на подходе. Бои за освобождение Кимберли вовсе не закончились. В самый разгар боя отправленные на наш правый фланг уланские дозоры доложили, что довольно крупный отряд бурских всадников уже приблизился и занял позицию на холме у нас в тылу. Их позиция представляла очевидную опасность, и Метуэн отправил туда полковника Уиллоби Вернера с Гвардейской бригадой. На обратном пути этому доблестному офицеру сильно не повезло – его лошадь споткнулась, и он получил серьезное ранение. Миссия Вернера, однако, достигла своей цели: гвардейцы, двигаясь через плато, встали таким образом, что пополнение не могло оказать помощь обороняющимся без открытого боя, а это противоречило бурским традициям. Им пришлось созерцать, как товарищи терпят поражение. На следующий день этот кавалерийский отряд отошел обратно на север и, без сомнения, находился среди тех, с кем мы вскоре столкнулись у реки Моддер.

Марш от реки Оранжевая начался в среду. В четверг произошло сражение у Бельмонта, в субботу – у Энслина. Не было средств днем защититься от жары, а ночью от холода. Не хватало воды, да и ее качество подчас оставляло желать лучшего. Войска нуждались в отдыхе, поэтому на вечер субботы и воскресенье они остались в Энслине. В понедельник утром 27 ноября изнурительный марш в Кимберли продолжился.

На рассвете 27 ноября маленькая британская армия снова двинулась вперед серовато-коричневой колонной по пыльным равнинам. Ночью они сделали привал на прудах Клипфонтейна, не столкнувшись с врагом впервые за целый день марша. Появились надежды, что, возможно, два последовавших одно за другим поражения лишили буров присутствия духа и дальнейшего контрнаступления не будет. Однако те, кто знал о непосредственной близости Кронье и его опасном нраве, более адекватно оценивали ситуацию. Здесь, вероятно, следует сказать несколько слов об этом знаменитом командире, который сыграл ту же роль в западной части театра военных действий, что Жубер – в восточной.

Командиру Кронье во время войны было шестьдесят пять лет. Крепкий смуглый человек, спокойный внешне и горячий в душе, у своего сурового народа он считался исключительно твердым. Его мужественное бородатое лицо имело спокойное мягкое выражение. Говорил Кронье мало, но всегда метко и обладал даром зажигать и укреплять дух солдат словом. На охоте и в столкновениях с туземцами он вызывал восхищение соотечественников, прежде всего отвагой и умением находить выход из сложных ситуаций. В войне 1880 года Кронье руководил бурами при осаде Почефстрома и совершил решительный штурм, не

руководствуясь нормами морали ведения войны. В итоге он вынудил городок сдаться, утаив факт подписания общего перемирия. Это деяние впоследствии порицало его собственное правительство. Последующие годы Кронье провел как единовластный правитель и хозяин своих ферм, у многих вызывая уважение и всем внушая страх. Некоторое время он являлся комиссаром и запомнился суровостью. Снова призванный на поле боя рейдом Джеймсона, он решительно загнал противника в безвыходное положение и, как утверждают, требовал, чтобы с пленными поступили самым жестким образом. Таков был человек – умелый, коварный, жестокосердный, притягательный, который с усиленной грозной армией встал на пути усталых солдат Метуэна. Они были достойными соперниками. С одной стороны – выносливые люди, обученные стрелки, хорошая артиллерия и оборонительная позиция; с другой – британская пехота с многовековой традицией, чувством долга, дисциплинированностью и высоким боевым духом.

В умах наших командиров сражение с бурами настолько тесно связалось с горами, что, даже зная о том, что по плато вьется река Моддер, они не подумали о возможности встретить сопротивление именно там. Так сильна была уверенность в себе или так слаба разведка, но равные по численности силы противника (со множеством орудий) сосредоточились на расстоянии семи миль, а наступление велось без какого-либо учета предстоящей битвы. Очевидное даже для штатских людей предположение, что река – место, на котором весьма вероятно встретить упорное сопротивление, казалось, совсем не возникло. Возможно, несправедливо винить генерала за этот факт. У каждого человека вызывает сочувствие благородный и смелый воин. Рассказывают, как во сне генерал кричал, что ему «следовало взять с собой те два орудия». Однако здравый смысл отказывается допускать, что ни кавалерия, ни разведывательная служба не виноваты в столь абсолютном неведении.⁴⁰ Утром во вторник 28 ноября британские войска получили приказ выступить немедленно, а завтракать, когда дойдут до реки Моддер, – мрачная шутка для тех, кто выжил и может ее оценить.

Накануне ночью к армии подошло желанное пополнение – Аргайллский и Сатерлендский хайлендские полки, компенсировавшие потери недели. Утро было безоблачное. В высоком голубом небе сияло яркое солнце. Солдаты, хотя и на пустой желудок, шагали весело, выпуская дымок своих курительных трубок. Их ободряло, что смертоносные холмы на время остались позади, а большое плато постепенно понижалось туда, где линии зелени обозначали течение реки. На противоположном берегу виднелись отдельные строения. Одно здание работники из Кимберли использовали в качестве места отдыха в выходные дни. Довольно большая гостиница стояла мирная и безобидная, глядя открытыми окнами в милый сад. Однако и у окон, и в саду притаилась смерть. Маленький смуглый человек, который в дверях разглядывал в бинокль приближающуюся колонну, был орудием смерти – наводящим ужас Кронье. Ему помогал человек, которому предстояло надолго зарекомендовать себя еще более суровым. Семитское лицо, нос с горбинкой, густая борода, орлиный взор, потемневшая от жизни на равнине кожа – это был Деларей, один из тройки боевых командиров, чьи имена навсегда будут связаны с доблестным сопротивлением буров. Тогда Деларей являлся советником, главнокомандующим был Кронье.

Кронье расположил свои силы и мастерски, и необычно. Вопреки привычной военной практике при обороне рек Кронье замаскировал своих солдат на обоих берегах. Утверждают, что он расположил тех, в чью стойкость верил меньше, на британской стороне реки, чтобы они могли отступать лишь под обстрел своих непоколебимых товарищей. Окопы вырыли с учетом уклонов земли, так что в некоторых местах можно было обеспечить тройную

⁴⁰ Последующая информация свидетельствует, что кавалерия все-таки докладывала лорду Метуэну о присутствии противника.

линию огня. Артиллерия, состоящая из нескольких тяжелых орудий и пулеметов (в том числе одной адской счетверенной малокалиберной зенитной установки), была искусно размещена на дальнем берегу. Она обеспечивалась не только котлованами, но и резервными укрытиями, чтобы орудия можно было быстро переместить, когда их расположение будет установлено. Ряды окопов, довольно широкая река, новые ряды окопов, укрепленные дома и хорошая артиллерия, прекрасно управляемая и прекрасно расположенная. Маленькую отважную британскую армию ждала серьезная работа. Глубина оборонительной позиции составляла от четырех до пяти миль.

Здесь в голову каждого штатского читателя должен прийти естественный вопрос: зачем вообще нужно было атаковать эту позицию? Почему мы не форсировали реку выше, там, где не было таких сложных преград? Ответ (насколько вообще можно ответить на этот вопрос), должно быть, состоит в том, что мы так мало знали о дислокации врага, что оказались безвозвратно втянутыми в бой, прежде чем это поняли. Тогда отводить армию стало опаснее, чем идти в атаку. Отступать по открытой местности тысячу ярдов – значит идти на верную гибель. Самым разумным и лучшим решением было довести дело до конца.

Смуглый Кронье все еще выжидал, размышляя в саду гостиницы. По полю продвигались ряды пехоты. Бедные парни, прошагав семь миль на горном воздухе, мечтали об обещанном завтраке. Была четверть седьмого, когда наши уланские дозоры обстреляли. Между солдатами и завтраком встали буры! Артиллерия получила приказ готовиться к бою. Гвардейцев выслали вперед на правый фланг, 9-ю бригаду под командованием Поула-Кару – на левый, вместе с только что прибывшими аргайллскими и сатерлендскими хайлендерами. Они гордо пошли вперед в смертоносную зону. Тогда, и только тогда, на них обрушился огонь винтовок, пушек и пулеметов. Тут все, от генерала до рядового, осознали, что, сами того не зная, вступили в самую жестокую битву из всех, до сих пор происходивших на этой войне.

До того как ситуация стала понятна, гвардейцы оказались в семи сотнях ярдов от бурских окопов, другие войска – примерно в девяти сотнях, причем на очень пологом склоне, что делало в высшей степени затруднительным найти хоть какое-то укрытие. Перед глазами солдат лежала мирная картина: река, домишки, гостиница, никаких солдат, никакого дыма – кругом безлюдно и спокойно, если не считать кратких вспышек огня. Однако грохот стоял жуткий. Солдаты, которые уже привыкли к грому больших орудий, монотонному рокоту «максимов» и треску «маузеров», снова напряглись от злобного «визга» автоматического скорострельного оружия. «Максим» шотландских гвардейцев попал в ураган снарядов этой штуки. Каждый снаряд был не больше крупного грецкого ореха, но они летели очередями по десять-двадцать. Солдаты и орудие были уничтожены мгновенно. Что же касается пуль, то воздух буквально пульсировал от их жужжания. По песку шла рябь, как на озере во время дождя. Наступать было невозможно – об отступлении не хотелось даже думать. Солдаты упали плашмя, вжались в землю. И без конца, залп за залпом, волны оружейного огня набегали и бились перед ними. Пехота тоже стреляла и стреляла – но во что было стрелять? Изредка показавшийся глаз или кисть руки бура на кромке окопа или за камнем – не мишень для расстояния в семьсот ярдов. Интересно было бы узнать, сколько британских пуль нашли в тот день свою цель.

Кавалерия была бесполезна, пехота бессильна. Оставались только орудия. Когда какой-либо отряд оказывается в беспомощном положении, он всегда обращает умоляющий взгляд на артиллерию и, по правде сказать, редко когда не получает поддержки храбрых пушек. Теперь 75-я и 18-я батареи полевой артиллерии стремительно загрохотали вперед и в тысяче ярдах приготовились к бою. Корабельными орудиями занимались четыре тысячи человек. Но и всех их вместе было недостаточно, чтобы подавить огонь противостоящих пушек большого калибра. Метуэн, должно быть, молил об орудиях, как Веллингтон о ночи, и никогда

прежде молитва не получала ответа столь впечатляюще. Из британского тыла показалась новая батарея – нежданная, незнакомая. Усталые лошади тяжело дышали, солдаты, покрытые коркой из пота и грязи, вгоняли их в последнюю судорожную рысь. Путь батарее отмечали трупы лошадей, погибших от полного изнеможения. Кони сержантов тоже тянули орудия. Сами сержанты из последних сил шагали рядом с пушками. Это была 62-я батарея полевой артиллерии, которая за восемь часов прошла тридцать две мили. Теперь, услышав впереди шум битвы, последним отчаянным усилием она ворвалась на линию огня. Майор Гранет и его солдаты заслуживают самого глубокого уважения. Даже доблестные немецкие батареи, которые спасли пехоту при Шпихерне,⁴¹ не могут гордиться подобным подвигом.

Теперь пушкам противостояли пушки, и пусть победят лучшие из артиллеристов! Мы имели восемнадцать полевых и корабельных орудий против замаскированной артиллерии врага. В воздухе туда и обратно с воем проносились снаряды. Усталые солдаты 62-й батареи тут же забыли обо всех предыдущих муках и трудах, склонившись над черными 15-фунтовиками. Половина орудий находилась в пределах дальности огня винтовки. Орудийные лошади стали главной мишенью интенсивного обстрела. В будущем ситуация повторится в Тугеле, причем на более близком расстоянии и с более серьезными последствиями. Тот факт, что одинаковая тактика применялась в двух далеко отстоящих друг от друга пунктах, демонстрирует, с какой тщательностью бурские командиры готовились к войне. «Прежде чем я отвел лошадей, – говорит один из британских офицеров, – они застрелили одного кучера, двух лошадей и моего собственного коня. Пока мы разворачивали орудие, один из артиллеристов получил пулю в голову и упал мне в ноги. Другой был убит, когда подавал снаряд». Грохот стоял оглушительный, но постепенно британцы начали брать верх. То здесь, то там небольшие возвышения на противоположном берегу, до этого непрерывно изрыгавшие огонь, вдруг замирали в холодном безмолвии. Одно большое орудие было разбито, другое отвели на пятьсот ярдов. Однако пехота все еще вела огонь из окопов, а подвинуть пушки ближе, не потеряв людей и лошадей, было невозможно. Давно миновал полдень, но несчастный завтрак казался как никогда далеким.

К концу дня сложилось патовое положение. Орудия не могли продвигаться вперед. Более того, потери артиллерии были настолько значительны, что требовалось отвести орудия еще на 2800 ярдов назад. К моменту отхода 75-я батарея потеряла трех офицеров, девятнадцать рядовых и двадцать две лошади. Пехота не могла наступать и не хотела отступать. Справа гвардейцы не могли открыться на фланге и обойти врага – им мешала река Рит, которая впадает в Моддер практически под прямым углом. Весь день бойцы пролежали под палящим солнцем, а над их головами беспрестанно свистели пули. «Пули шли сплошными линиями, как телеграфные провода», – живо описывал картину один журналист. Солдаты разговаривали, курили, многие спали. Винтовки они подкладывали под себя, чтобы те не перегрелись и могли стрелять. Снова и снова слышался глухой звук пули, нашедшей свою цель. Человек начинал тяжело дышать или судорожно двигать ногами. Но на тот момент потери были немногочисленны, поскольку рельеф местности давал некоторое укрытие и свистящие пули по большей части проносились выше голов.

Слева в это время происходили события, которым было суждено привести сражение к нашей победе. На британском берегу существовало достаточное пространство для продвижения. 9-я бригада шла, «прощупывая» путь до линии врага, пока не оказалась в месте, где огонь был менее интенсивным, а подход к реке более удобным для атаки. Здесь йоркширцы, отряд которых под командованием лейтенанта Фокса взял штурмом ферму, получили контроль над речкой, и ее форсировал объединенный отряд хайлендеров и фузиле-

⁴¹ *Битва при Шпихерне* (6 августа 1870 г.) – вторая битва Франко-прусской войны. Прусские крупновесовые пушки быстро подавили недальнобойную французскую артиллерию. Пруссия выиграла сражение.

ров под личным руководством своего бригадного генерала. Пехотинцев, которых, по всей видимости, было не больше пятисот человек, обстреливали и бурские стрелки, и артиллерия обеих сторон. Наши собственные артиллеристы не знали, что Моддер уже успешно форсирован. Однако небольшая деревушка под названием Росмид превратилась в наш *point d'appui*.⁴² Пехота цепко держалась, пока с противоположного берега к ней тянулось пополнение. «Ну, парни, как насчет рыбалки?» – прыгая в воду, крикнул майор нортланкаширцев Колридж. С каким удовольствием в этот знойный душный день солдаты ныряли в реку и, разбрызгивая воду, плыли к другому берегу в прилипшей к телу форме! Некоторые попадали в водовороты и спасались, ухватившись за раскрученные портянки своих товарищей. В результате между тремя и четырьмя часами дня большой британский отряд закрепился на правом фланге буров. Солдаты держались изо всех сил, хорошо понимая, что успех дня зависит от сохранения этого плацдарма.

«О, да тут река!» – воскликнул Кодрингтон, когда, двигаясь со своим отрядом направо, обнаружил, что придется преодолевать Рит. «Мне сообщали, что Моддер везде можно перейти вброд», – пишет лорд Метуэн в своем официальном донесении. Невозможно читать отчет о боевых действиях, не поразившись отрывочности, неполноте нашей информированности. Это дорого нам обошлось. Солдаты пробили себе дорогу, как они делали и раньше, однако им было бы много легче, если бы мы точнее знали, чего пытаемся достичь. С другой стороны, справедливости ради отметим, что Метуэн личной отвагой и непоколебимой решительностью подавал войскам в высшей степени вдохновляющий пример. Никакой генерал не смог бы сделать больше для поддержания боевого духа своих солдат.

И теперь, когда долгий изнурительный знойный и голодный день завершился, буры наконец начали оставлять окопы. Их настигала шрапнель, а британский отряд на фланге вызывал у них чувство безотчетной тревоги и страх за свои драгоценные пушки. Таким образом, когда опустилась ночь, буры тихо переправились через реку, отвели орудия и покинули окопы. На следующее утро усталые британские войска и их беспокойный генерал, вернувшись к своим суровым делам, обнаружили безлюдную деревню и ряд пустых домов. Только разбросанные пустые ящики из-под боеприпасов показывали, где стоял их сильный противник.

Лорд Метуэн, поздравляя войска с достигнутым успехом, говорил о «самой трудной победе в нашей военной истории». Сходная формулировка была использована и в его официальном донесении. Несомненно, нельзя слишком придирчиво относиться к словам раненого человека, все еще находящегося под впечатлением битвы. Все же военный историк должен улыбнуться при подобном сравнении этого сражения с такими, например, как Альбуэра⁴³ или Инкерман. Бой, в котором было убито и ранено пятьсот человек, нельзя ставить в один ряд с жестокими отчаянными битвами, когда большинство победителей покидали поле боя на носилках, а не на своих ногах. Тем не менее есть несколько обстоятельств, выделяющих бой на Моддере из сотен других, покрывших славой знамена наших полков. Это было третье сражение в течение одной недели, люди находились под огнем по десять-двенадцать часов, не имея возможности утолить жажду под тропическим солнцем и слабая от голода. Впервые в жизни они столкнулись с огнем современных винтовок и новых пулеметов. Результат, похоже, подтвердил правоту тех, кто полагал, что с этого времени уже невозможно осуществлять фронтальные атаки, подобные английской у Альмы или французской у Ватерлоо. Даже самый отважный человек не может идти на безжалостный поток пуль и снарядов современного скорострельного оружия. Если бы наш фланг не закрепился за рекой,

⁴² Опорный пункт, точка опоры (*фр.*).

⁴³ *Битва при Альбуэра* (16 мая 1811 г.) – одно из сражений во время Войны на Пиренейском полуострове. В ней участвовали союзные англо-испано-португальские силы и Франция. Сражение вошло в историю как самая тяжелая битва за всю историю Британской армии.

мы не получили бы шанса взять эту позицию. Еще раз было доказано, что даже самая лучшая артиллерия бессильна против непоколебимых и хорошо размещенных стрелков. Из менее значительных моментов отметим, что никогда не забудется рекорд форсированного марша 62-й батареи. Артиллеристы запомнят, как буры использовали орудийные котлованы, которые позволяли им менять расположение пушек после их обнаружения.

В этот день с британской стороны отличились Аргайлский и Сатерлендский хайлендские полки, Йоркширский полк легкооснащенной пехоты, 2-й Колдстримский полк и артиллерия. Из общего списка потерь примерно в 450 человек не менее 112 приходится на доблестных аргайлцев и 69 на колдстримцев. Потери буров оценить исключительно трудно, поскольку они в течение всей войны прилагали всяческие усилия для их сокрытия. Ожесточенные и продолжительные бои, которые, согласно официальным сообщениям Претории, завершались с одним раненым бюргером, может быть, в каком-то смысле хорошая политика, однако это меньше говорит о мужестве, чем длинные списки, которые сжимают наши сердца в галереях славы Военного министерства. Совершенно очевидно, что потери буров на реке Моддер не могут быть много меньше наших. Все потери практически полностью являются результатом артиллерийского огня, поскольку в течение боя бурские стрелки находились в укрытиях. И вот он закончился, этот долгий яростный поединок. Кронье под покровом темноты угрюмо отошел, решительно настроенный на упорную борьбу в будущем, а британские солдаты упали на завоеванную ими землю и заснули в полном изнеможении.

9

Сражение при Магерсфонтейне

Итак, войска лорда Метуэна дали три сражения за одну неделю, потеряв убитыми и ранеными около тысячи человек – больше десятой части своего численного состава. Если бы были свидетельства, что враг серьезно деморализован, генерал, без сомнения, немедленно пошел бы на Кимберли, который находился примерно в двадцати милях. Однако Метуэн получил информацию, что буры отступили на хорошо укрепленную позицию в Спитфонтейне, их пополнил отряд из Мафекинга и бурские стрелки полны желания сражаться. В этих обстоятельствах лорду Метуэну ничего не оставалось, как только предоставить своим людям заслуженный отдых и ждать пополнения. Пока силы окружения полностью не разбиты, подходить к Кимберли не имело смысла. Помня историю первого деблокирования Лакнау, генерал проявлял бдительность, чтобы не допустить повторения подобной ситуации.

Метуэну также требовалось укрепить собственное положение, поскольку с каждой пройденной милей он подвергал свою линию связи нарастающей опасности нападения из Фауресмита и южных районов Оранжевого Свободного Государства. Любая серьезная угроза железной дороге позади британских войск поставила бы их в критическое положение. Были предприняты меры предосторожности, чтобы защитить наиболее уязвимые участки железнодорожной линии. Это оказалось весьма своевременным. 8 декабря командующий Принслоо из Оранжевого Свободного Государства с тысячью кавалеристов и двумя легкими семифунтовыми пушками неожиданно объявился в Энслине и молниеносно атаковал две роты Нортгемптонского полка, которые обороняли станцию. Одновременно буры разрушили пару водопропускных труб под насыпью дороги и взорвали триста ярдов железнодорожного полотна. Несколько часов нортгемптонцы под командованием капитана Годли отражали мощную атаку. Когда в лагере на Моддере получили их телеграмму, на помощь выступил 12-й уланский полк с вездесущей 62-й батареей. Буры отступили с обычной для них мобильностью, и через десять часов дорогу полностью восстановили.

К берегам Моддера уже подходило пополнение, которое делало британские силы более грозными, чем в момент начала марша. Очень существенное усиление представляли собой 12-й уланский полк и «G»-батарея конной артиллерии. Они повысили мобильность армии и позволили генералу довести нанесенный удар до полной победы. Великолепные полки Хайлендской бригады (2-й «Блэк Уотч»,⁴⁴ 1-й Гордонский, 2-й Сифортский и 1-й Хайлендский полк легкой пехоты) прибыли под командованием смелого, но неудачливого Ваухопа. На укрепление артиллерии также подошли четыре пятидюймовые гаубицы. Одновременно из Де-Ара в Бельмонт подтягивались Канадский, Австралийский и несколько пехотных полков. Общественности в Великобритании казалось, что этого достаточно для сокрушительного удара. Однако простые люди и даже, возможно, военные обозреватели еще не осознавали, какое огромное преимущество при оборонительных действиях предоставляет современное оружие. Кронье и Деларей прилагали огромные усилия, укрепляя траншеями обширную позицию на пути нашего продвижения. Они полагали (и, как оказалось, справедливо), что мы вступим в бой на выбранной ими местности и на их условиях, как было в трех предыдущих случаях.

Утром в субботу 9 декабря британский генерал сделал попытку выяснить, что находится впереди за грядой зловещих холмов. С этой целью он ранним утром выслал на раз-

⁴⁴ «Блэк Уотч» (от *англ.* The Black Watch – Черный дозор, Черные часовые) – Королевский шотландский полк. Название получил из-за темного цвета тартана (орнамент, используемый для расцветок «шотландок» и большинства килтов) и первоначальной роли полка – ночного дозора в горах.

ведку отряд в составе «G»-батареи конной артиллерии, 9-го уланского полка и огромного 120-миллиметрового корабельного орудия. Его величественно везли тридцать два быка и сопровождали восемьдесят канониров. Во что было стрелять на залитых солнцем, усеянных валунами холмах? Они стояли безмолвные и безлюдные в сиянии африканского дня. Напрасно тяжелая пушка перебрасывала свои снаряды в пятьдесят фунтов через горную грядку, напрасно более легкие снаряды проникали своей шрапнелью в каждую расселину и каждую впадину. Никакого ответа не пришло с далеко протянувшихся холмов. Ни единой вспышкой, ни единым мерцанием не выдали себя прильнувшие к камням отчаянные бойцы. Британский отряд возвратился в лагерь, зная не больше, чем в момент своего выступления.

Каждую ночь все солдаты видели картину, которая, наверное, основательно прибавляла освободителям сил для продолжения своего дела. В северной части горизонта, за опасными холмами, в темноте трепетала длинная мерцающая полоска света. Она поднималась, опускалась и снова поднималась, как лезвие меча ангелов. Это Кимберли взывал о помощи. Кимберли ждал известий. С волнением и беспокойством поднимался и опускался большой прожектор компании «Де Бирс». А через двадцать миль темноты, из-за холмов, в которых затаился Кронье, отвечали огни с юга. Обещали и утешали: «Не падай духом, Кимберли. Мы здесь! За нами вся Империя. Мы не забыли тебя. Может, через несколько дней, может, через несколько недель, но мы обязательно придем».

Примерно в три часа дня в воскресенье 10 декабря отряд, получивший задачу расчистить для армии путь через оборонительные рубежи Магерсфонтейна, начал оказавшееся безнадежным предприятие. 3-я, или Хайлендская, бригада включала в себя «Блэк Уотч», Сифортский, Аргайллский и Сатерлендский полки и Хайлендский полк легкой пехоты. Гордонский полк только в этот день прибыл в лагерь и поэтому выступил лишь на следующее утро. Кроме пехоты, вперед пошли 9-й уланский полк, конная пехота и вся артиллерия. Шел проливной дождь. Солдаты, натянув на двоих одно одеяло, стояли биваком на холодной мокрой земле примерно в трех милях от вражеской позиции. В час ночи, промокшие и голодные, в темноте и под дождем они пошли в наступление на страшные рубежи. Повели их в трудный путь майор Королевской артиллерии Бенсон и два риминстонских разведчика.

В небе низко висели тучи. Дождь делал темноту еще непрогляднее. Хайлендскую бригаду построили в колонну: «Блэк Уотч» впереди, потом Сифортский полк и два других сзади. Чтобы солдаты не отстали в темноте, четыре полка шли в полковых колоннах как можно теснее. Солдаты левого фланга держали веревку, чтобы сохранить строй. Спотыкаясь и падая, несчастная колонна брела, точно не зная, куда они движутся и что им предстоит делать. Не только рядовые, но и основные офицеры пребывали в таком же полном неведении. Бригадный генерал Ваухоп, естественно, знал, что им скоро суждено умереть. Все остальные, конечно, понимали, что наступают, чтобы обойти окопы противника или чтобы атаковать их, но, по-видимому, сильно сомневались в том, что находятся уже близко от бурских стрелков. Зачем нужно было наступать таким плотным строем, мы теперь не знаем. Нам неизвестно и то, о чем думал шагавший рядом с солдатами смелый и опытный командир. Некоторые утверждают, что накануне ночью видели на необычно отрешенном лице Ваухопа печать смерти, которую еще называют словом «обреченность». Рука приближающейся смерти, наверное, уже сжала его душу. Здесь, совсем рядом с ним, шла длинная траншея, оцетинившаяся винтовочными стволами, к которым прильнули напряженные, пристально смотрящие, яростные лица. Они знали, что мы идем. Они были готовы. Они нас ждали. Но тем не менее, с глухим топотом многочисленных ног, плотная колонна примерно из четырех тысяч человек двигалась вперед сквозь дождь и мрак, а на пути их ждали смерть и увечья.

Не важно, что послужило сигналом. Бурский ли разведчик мигнул фонариком, солдат ли задел ногой специально для этого натянутую проволоку или кто-то выстрелил в

строю. Может быть, что-то подобное, а может, и нет. Собственно говоря, один из бурских участников сражения уверял меня, что именно жестянки, прикрепленные к той проволоке, подали сигнал тревоги. Как бы там ни было, но через мгновение из темноты раздался грохот огня, произведенного прямой наводкой, и ночь разорвали вспышки ружейных выстрелов. За минуту до этого в головах британских командиров, по-видимому, появились сомнения относительно их местонахождения. Был отдан приказ перестроиться в цепь, однако у солдат не осталось времени его выполнить. Град свинца обрушился на головную часть и правый фланг колонны, распавшейся от ужасного залпа на части. Ваухоп получил пулю, поднялся и снова упал, уже навсегда. Слухи приписывают его умирающим губам бранные слова, однако его благородная и мужественная натура не допускает подобного предположения. «Не повезло!» – все, что он произнес, по словам брата хайлендера. Солдаты находились в плотном строю. Рев ярости и муки, исходивший от неистовой толпы, далеко разнесся по окрестности. Они падали сотнями – убитые, раненые, сбитые с ног волнами нарушенных шеренг. Ситуация сложилась ужасающая. На таком расстоянии и в таком строю даже одна пуля вполне могла задеть несколько человек. Некоторые рванулись вперед. Потом их тела обнаружили на самой кромке траншеи. Несколько оставшихся в живых из рот «А», «В» и «С» полка «Блэк Уотч», как оказалось, не отошли, а вцепились в землю прямо перед бурскими окопами, пока остатки других пяти рот пытались обойти врагов с фланга. Из всего первоначального состава вечером ушли невредимыми только шесть человек, пролежав весь день в двухстах ярдах от врага. Остальная часть бригады, с трудом выбравшись из груды убитых и умирающих, отступила из проклятого места. Некоторые, самые несчастливые, в темноте напоролась на проволочные заграждения. Утром их нашли висящими, по словам одного очевидца, «как вороны» и изрешеченными пулями.

Кто осудит хайлендеров за ночное отступление? Рассматривая ситуацию не глазами застигнутых врасплох и попавших в безвыходное положение солдат, а со всем спокойствием и здравым смыслом, скорее всего, придешь к выводу, что они поступили наилучшим образом. Когда солдаты ввергнуты в хаос, отделены от своих офицеров и никто не знает поставленной задачи, первая необходимость – найти укрытие от ужасающего огня, который уже положил шестьсот их товарищей. Существовала опасность, что потрясенные люди поддадутся панике, рассеются в темноте по окрестностям и перестанут существовать как военное формирование. Однако хайлендеры остались верны своему характеру и традициям. Во мраке постоянно раздавались крики: хриплые голоса созывали сифортцев, аргайллцев, роту «С», роту «Н», и отовсюду из тьмы неслись ответы их сослуживцев. К рассвету Хайлендские полки за полчаса построились и, ослабленные, но неустрашенные, подготовились возобновить борьбу. Справа предприняли некоторые попытки атаковать, наступая и отходя. Один небольшой отряд даже добрался до бурских окопов и возвратился с пленными. Но по большей части солдаты лежали на огневом рубеже и, когда могли, стреляли по неприятелю. Однако укрытия, в которых находились буры, были настолько хорошими, что один выпустивший 120 пуль офицер написал, что ни разу не увидел ничего, во что бы целился. Лейтенант Линдсей выдвинул на передовую «максим» сифортцев, и, хотя в пулеметном расчете осталось только два человека, он весь день оставался надежной поддержкой. «Максим» уланского полка тоже упорно работал, несмотря на то что в конце концов за ним остались только ответственный лейтенант и единственный пулеметчик.

К счастью, недалеко находились орудия, которые как всегда быстро пришли на помощь в затруднительном положении. Солнце едва успело подняться, а гаубицы уже зашвыривали лиддит⁴⁵ на 4000 ярдов. Три батареи полевой артиллерии (18-я, 62-я, 75-я) стреляли шрапнелью с расстояния в милю. Дивизион конной артиллерии на правом фланге обстреливал про-

⁴⁵ *Лиддит* (от *англ.* Lyddite) – взрывчатое вещество для снаряжения артиллерийских разрывных снарядов.

дольным огнем бурские траншеи. Пушки подавили ружейные залпы и дали усталым хайлендерам некоторую передышку. Здесь снова сложилась ситуация, аналогичная имевшей место в сражении на реке Моддер. Пехота под огнем с расстояния шестьсот-восемьсот шагов не могла наступать и не хотела отступать. Сражение продолжала одна артиллерия. Сзади к оглушительному грохоту присоединило свою низкую ноту громадное корабельное орудие. Однако буры уже поняли (и это одно из ценнейших бурских военных качеств – быстро извлекать уроки из собственного опыта), что артиллерийский огонь менее опасен в окопе, чем среди камней. Они вырыли очень сложные по конфигурации окопы в нескольких сотнях ярдов от подножия холмов, таким образом не оставив никаких ориентиров для нашей артиллерии. Тем не менее все потери буров в этот день явились следствием артиллерийского огня. Разумность Кронье в размещении окопов в нескольких сотнях ярдов перед холмами увеличивается тем, что для артиллериста любой возвышающийся объект имеет особую притягательность. Принц Крафт рассказывает историю о том, как в Садове⁴⁶ он поставил орудия в сотне ярдов от церкви, и ответный огонь австрийцев практически неизменно падал на ее крышу. Поэтому нашим артиллеристам даже с отметки двести ярдов оказалось сложно избежать перелета, и они частенько били в очевидную цель позади невидимых траншей неприятеля.

День тянулся. Подошло пополнение из подразделений, оставленных охранять лагерь. Подтянулись гордонцы с 1-м и 2-м батальонами Колдстримского гвардейского полка. Всю артиллерию выдвинули поближе к позиции буров. Поскольку наблюдались некоторые признаки подготовки к атаке по нашему правому флангу, Гренадерский гвардейский полк с пятью ротами Йоркширского полка легкой пехоты двинули направо. Три оставшиеся роты йоркширцев Бартера охраняли брод, по которому неприятель мог форсировать Моддер. Все утро, до подхода гвардейцев и йоркширцев, опасный участок для хайлендеров отважно держали конная пехота и 12-й уланский полк, сражавшиеся в пешем строю. Именно в этом долгом и успешном бою по прикрытию фланга 3-й бригады встретили смерть майор Мильтон, майор Рэй и многие другие смелые воины. Прибытие колдстримцев и гренадеров ослабило напряжение. Уланы возвратились к своим лошадям, не в первый раз продемонстрировав, что кавалерист с современным карабином при необходимости может быстро превратиться в полезного пехотинца. Лорд Эрли заслуживает самых высоких похвал за военную смекалку и отвагу, с какой он лично вел солдат в бой в самые жаркие места сражения.

Пока колдстримцы, гренадеры и Йоркширский полк легкой пехоты отражали атаки буров на правом фланге, неукротимые гордонцы (люди Даргея) в яростном стремлении отомстить за своих товарищей из Хайлендской бригады наступали прямо на окопы. Им удалось без значительных потерь подойти к противнику на четыреста ярдов. Однако единственный полк не в состоянии взять позицию, а после понесенного нами поражения о чем-то вроде мощного штурма при свете дня не могло быть и речи. Все планы подобного рода, которые мог иметь Метуэн, были навсегда разрушены поспешным беспорядочным отступлением разбитой бригады. Солдатам сильно досталось в этой баталии, для большинства из них это было боевое крещение. А весь день они находились под палящим солнцем без пищи и воды. Бойцы быстро отошли на милю, и орудия на какое-то время частично остались без прикрытия. К счастью, недостаток инициативы со стороны буров (что так часто играло нам на руку) спас британцев от полной катастрофы и унижения. Благодаря отважным твердым гвардейцам наше поражение не превратилось в полный разгром.

Гордонцев и шотландских гвардейцев по-прежнему поддерживала артиллерия, но они уже подошли очень близко к окопам неприятеля, а других войск не было. В этих обстоятель-

⁴⁶ *Битва при Садове* (Сражение при Кениггреце, 3 июля 1866 г.) – самое крупное сражение Австро-прусской войны 1866 г.

ствах требовалось, чтобы хайлендеры снова перешли в наступление. Майор Эварт с несколькими другими оставшимися в живых офицерами бросились по разрозненным шеренгам, собирая и ободряя солдат. Бойцы были потрясены тем, что им пришлось пережить. Человеческая натура стремилась избежать возвращения в зону смерти, где так густо летели пули. Но трубы гудели, горны пели, и бедные усталые парни, у которых от лежания на солнце ноги обгорели до волдырей, хромая, побрели обратно выполнять свой долг. Солдаты снова встали за орудия, и момент опасности миновал.

Однако с наступлением вечера стало ясно, что успешную атаку провести невозможно и поэтому бессмысленно держать людей перед позицией неприятеля. К мрачному Кронье, затаившемуся в окопах за колючей проволокой, было не подойти, и уж тем более не имелось шанса его разбить. Есть люди, полагающие, что, если бы мы закрепились, как на реке Моддер, враг ночью снова бы отошел и утром дорога на Кимберли оказалась бы открытой. Мне не известно ни одного довода за это мнение, но известно несколько аргументов против него. На Моддере Кронье оставил свои рубежи, зная, что позади у него есть более надежные укрепления. У Магерсфонтейна за позицией буров лежало плоское плато, и оставить рубеж значило бы сдать всю игру. Более того, зачем ему было отходить? Он знал, что сурово потрепал нас. Британцы практически не нанесли урона его укреплениям. Разве можно было ожидать, что Кронье кротко откажется от своих преимуществ и без боя уступит плоды победы? Вполне достаточно горевать о поражении, не усугубляя скорби мыслями, что чуть большая стойкость могла бы превратить его в победу. Бурскую позицию можно было взять, только обойдя ее с фланга, а у нас для этого не хватало ни численного состава, ни мобильности. В этом состоит основная причина наших проблем, и никакие предположения типа, что могло бы случиться при других обстоятельствах, не в состоянии этого изменить.

Примерно в половине шестого бурские орудия, которые по какой-то невыясненной причине весь день молчали, открыли огонь по нашей кавалерии. Выход на сцену противника стал сигналом к общему отступлению центра, и последняя попытка скорректировать исход дня была оставлена. Хайлендеры остались совсем без сил, колдстримцы устали сверх всякой меры, конная пехота понесла тяжелейшие потери. Для новой атаки оставались гренадеры, шотландские гвардейцы и два-три пехотных полка. Существуют ситуации (как, например, в Садове), когда генерал должен использовать последний шанс. Однако существуют и другие, когда, имея в тылу пополнение, командир, сохранив силы, с новой попытки может добиться более значительного успеха. Генерал Грант придерживался принципа, что, когда твои силы на исходе, наступать все же следует, потому что в этот момент противник, скорее всего, тоже полностью обессилен, а из двух сторон атакующий всегда имеет моральное преимущество. Метуэн решил (и, без сомнения, разумно), что оснований для шага отчаяния нет. Его люди были отведены (в некоторых случаях они отошли сами) за пределы досягаемости бурских пушек. Следующим утром все с горечью в сердце двигались обратно в лагерь на реке Моддер.

Поражение при Магерсфонтейне стоило британцам около тысячи человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести, из которых более семисот принадлежали Хайлендской бригаде. В этой бригаде погибли пятьдесят семь офицеров, включая бригадного генерала и полковника Гордонского полка Даунмэна. Полковник Колдстримского полка Кодрингтон получил ранение рано утром, продолжал сражаться весь день и вечером возвратился в лагерь на лафете «максима». Лорд Винчестер из того же батальона был убит, неразумно, но героически подвергая себя опасности в течение всего сражения. Только «Блэк Уотч» потерял убитыми и ранеными девятнадцать офицеров и более трехсот солдат. Во всей кровавой и славной истории великолепного полка эту трагедию можно сравнить лишь с бойней у Тикон-

дерога⁴⁷ в 1757 году. Тогда под мушкетами Монкальма погибло не менее пятисот бойцов. Никогда еще Шотландия не переживала такого горя, как в день сражения у Магерсфонтейна. Эта земля всегда щедро отдавала своих лучших людей за империю, но тут всего одна битва принесла слезы в огромное количество благородных и простых семейств от реки Твид до побережья Кейтнесса. Существует легенда, что, когда в Шотландию приходит горе, в древнем замке Эдинбурга загораются призрачные огни и темной ночью мерцают в каждом окне. Если кто-то когда-либо и мог видеть столь зловещее зрелище, то это должно было случиться в роковую ночь 11 декабря 1899 года. Потери буров определить невозможно. В их официальных отчетах говорится о семидесяти убитых и пятидесяти раненых, однако пленные и дезертиры называют значительно более высокие цифры. К примеру, сифортцы разбили Скандинавский корпус, стоявший на передовой позиции в Спитфонтейне, при этом убили, ранили и взяли в плен восемьдесят человек.

Рассказывают, что, обсуждая на следующий день итоги сражения, Метуэн обидел Хайлендскую бригаду. Этому сообщению позволили распространиться. Однако смысл высказываний Метуэна был полностью искажен. Он, напротив, хвалил бойцов за отвагу (на что имел все основания) и выражал соболезнования по поводу потерь прославленных полков бригады. Стойкость, с которой офицеры и рядовые держались в сложнейших условиях, достойна самых лучших традиций британской армии. После гибели Ваухопа ранним утром и до того, как в конце дня командование бригадой принял Хьюз-Галлетт, никто, судя по всему, не сделал и шага назад. «Мой лейтенант был ранен, а капитан убит, – говорит рядовой. – Генерал погиб, но мы оставались там, где стояли, потому что приказа отступить не было». Так действовала вся бригада, пока фланговый маневр буров не заставил их возвращаться.

Самый важный урок этого сражения состоит в том, что на современной войне в одних обстоятельствах потери огромны, а в других – незначительны. Здесь из общих потерь примерно в тысячу человек около семисот человек пострадали в течение пяти минут, а весь день артиллерийского, пулеметного и ружейного огня добавил только три сотни. Точно так же произошло при Ледисмите, где британские силы (колонна Уайта) находились под интенсивным огнем с 5:30 до 11:30, а потери снова составили около трехсот человек. При умелом руководстве потери в сражениях в будущем будут значительно меньше, чем были. В результате сами сражения будут продолжаться дольше, и побеждать будет скорее самый стойкий, а не самый инициативный. Исключительную важность приобретет снабжение бойцов продовольствием и водой, чтобы поддерживать их во время длительных испытаний на выносливость, которые будут продолжаться, скорее всего, недели, а не дни. С другой стороны, если генерал будет подвергать свои силы большому риску, в результате получится, что быстрое отступление станет единственным способом избежать полного уничтожения.

Что же касается боевого порядка в полковой колонне, который оказался для нас столь роковым, то следует помнить, что любой другой порядок наступления вряд ли возможен во время ночной атаки. Только особые обстоятельства марша по открытой пустыне позволяли войскам в Тель-эль-Кебуре последние одну-две мили двигаться в более разомкнутом строю. Линию батальонных колонн по двое очень сложно поддерживать в темноте, а любое нарушение порядка могло закончиться плачевно. Определяя расположение траншей неприятеля, ошиблись всего на несколько сотен ярдов. Если бы полки развернулись на пять минут раньше, возможно (хотя, естественно, не обязательно), позицию удалось бы взять.

В сражении были явлены и примеры воинской доблести, которые облегчают страдания и укрепляют наши надежды на будущее. Гвардейцы отходили с поля боя как на параде, хотя над их шеренгами проносились снаряды буров. Великолепное самообладание проявила

⁴⁷ Захват форта *Тикондерога* – событие начала Войны за независимость. 10 мая 1775 г. американские колонисты напали и захватили небольшой британский гарнизон форта.

также «G»-батарея конной артиллерии на следующее после сражения утро. Считалось, что объявлено прекращение огня. Однако корабельное орудие на левом фланге, не имея информации, выпустило залп. Буры немедленно начали обстреливать конную артиллерию. Британцы, признавая нашу ошибку, никак не отвечали и стояли в боевом порядке, не обращая внимания на огонь. Каждая лошадь и каждый артиллерист остался на месте. Когда неприятель наконец понял, в чем дело, огонь постепенно ослабел и прекратился. Следует отметить и то, что в этом сражении три участвовавших полевых батареи, а также «G»-батарея Королевской конной артиллерии выпустили по 1000 снарядов каждая и в течение 30 часов без перерыва находились в 1500 ярдах от бурской позиции.

Все же из всех заслуживающих славы частей самую большую доблесть проявили отважные хирурги и санитары, которые сталкиваются со всеми опасностями войны, но не испытывают ее боевого азарта. В продолжение всего дня под постоянным огнем эти люди трудились среди раненых не покладая рук. Бивор, Энзор, Дуглас, Пробин – все с одинаковой преданностью делали свою работу. Это практически невероятно, однако является истинной правдой, что к десяти часам утра на следующий день после сражения, еще до того, как войска возвратились в лагерь, не менее пятисот раненых уже находились в поезде и следовали в Кейптаун.

10

Сражение при Стормберге

Итак, мы постарались в общих чертах описать последовательность событий, завершившихся блокадой Ледисмита в Северном Натале, а также рассказать о том, что происходило с войсками, которые в западной части театра военных действий пытались наступать с целью освобождения Кимберли. Чтобы нагляднее обрисовать расстояние между двумя британскими армиями, европейскому читателю скажем, что оно примерно равно тому, что отделяет Париж от Франкфурта, а американцу предложим представить, что Ледисмит – это Бостон, а Метуэн стремится прорвать осаду Филадельфии. Два места боевых действий разделяли безводные пустыни и неприступные горные хребты. Британская сторона не имела возможности поддерживать связь между направлениями, а вот буры располагали двумя вариантами сухопутного маршрута (каждый чуть больше ста миль), по которым Кронье и Жубер могли бы оказать помощь друг другу, – железная дорога Блумфонтейн – Йоханнесбург – Лаингс-Нек и прямая линия из Харрисмита в Ледисмит. Контроль над внутренними железнодорожными путями предоставил бы бурам огромное преимущество, позволив быстро перебрасывать значительные силы с одного фланга на другой.

В следующей главе будет рассказано, как значительная часть прибывшего из Англии армейского корпуса направилась в Наталь, чтобы, во-первых, предотвратить захват колонии, а во-вторых, освободить осажденный гарнизон. Пока же необходимо рассмотреть боевые действия на огромном пространстве между нашими восточной и западной армиями.

После объявления войны положение британцев в северной части Капской колонии несколько недель вызывало серьезное беспокойство. Громадные запасы, накопленные в Де-Аре, оставались незащищенными в случае налета отрядов Свободного Государства. Бюргеры, имея кавалерийского командира с решительностью Стюарта или Шеридана, могли бы нанести нам удар стоимостью в миллион фунтов стерлингов и разрушить весь план кампании. Однако буры упустили свой шанс. Когда 1 ноября бюргеры в конце концов не торопясь пересекли границу, британское пополнение уже подошло, и были приняты меры, направленные на усиление охраны важнейших пунктов. Целью британского руководства до начала общего наступления являлось следующее: удержать мост через реку Оранжевая (он открывал дорогу на Кимберли), прикрыть железнодорожный узел Де-Ар (там находились склады), любой ценой защитить железную дорогу Кейптаун – Кимберли и сохранить как можно большую часть двух других железнодорожных веток, ведущих в Свободное Государство (одна – через Колесберг, другая – через Стормберг). Два вторгшихся на территорию колонии неприятельских отряда двигались вдоль двух железных дорог, одна из которых пересекала реку Оранжевая в Норвалс-Понте, другая – в Бетули. Наступая, буры завербовали в свои ряды много граждан Капской колонии голландского происхождения. Малочисленные британские части отступали перед ними, оставив Колесберг на одной ветке и Стормберг – на другой. Нам, следовательно, предстоит рассмотреть действия двух британских отрядов. Колесбергская линия являлась наиболее важной из двух железнодорожных дорог, поскольку быстрое наступление буров по этому направлению угрожало бы драгоценной связи Кейптаун – Кимберли. Отряд, действовавший на Колесбергской дороге, практически полностью состоял из конных частей и находился под командованием того самого генерала Френча, который выиграл сражение в Эландслакте. С предусмотрительностью, редкой для британской стороны на первых этапах этой войны, Френча отправили из Ледисмита на самом последнем поезде. Талантливые операции генерала с использованием кавалерии и конной артиллерии будут рассмотрены отдельно.

На пути буров, наступавших через Стормберг, стоял второй британский отряд. Им командовал генерал Гатакр, человек, прославившийся бесстрашием и неутомимой энергией. Правда, его критиковали (особенно во время кампании в Судане) за то, что он без необходимости подвергал своих солдат чрезмерным нагрузкам. С грубым солдатским юмором Гатакра называли генерал «Спинолом». Вид его длинной костлявой фигуры, худого лица Дон Кихота и решительного подбородка свидетельствовал о личной силе, однако вряд ли мог убедить человека в том, что генерал обладает теми дарованиями, что дают право на высшее командование. В бою при Атбаре он, командующий бригадный генерал, первым добрался до ключевого ограждения неприятеля и собственными руками его разодрал – геройский поступок для солдата, однако для генерала подвиг сомнительный. Этот эпизод проявляет как сильные, так и слабые стороны этого человека.

Генерал Гатакр номинально командовал дивизией, но у него так беспощадно отняли людей (одних отправили Буллеру в Наталь, других – к Метуэну), что он едва смог собрать бригаду. Отходя перед наступающими бурами, генерал в начале декабря оказался в Стеркстрооме. Буры заняли очень мощную позицию в Стормберге, примерно в тридцати милях к северу. Гатакру было по душе атаковать, и как только он решил, что достаточно силен, то так и поступил. Нет сомнений, что генерал располагал секретной информацией об опасном влиянии, которое буры начали оказывать на голландских подданных колонии. Возможно также, что Буллер и Метуэн, наступая на востоке и западе, побуждали Гатакра действовать активнее, чтобы удержать неприятеля в центре. Ночью 9 декабря генерал Гатакр пошел в наступление.

Сам факт его намерения атаковать и даже час выступления, судя по всему, стали известны в лагере уже за несколько дней до марша. Корреспондент «Таймс» под датой 7 декабря подробно излагает полный план. Это характеризует наших генералов как хороших людей, но плохих военачальников – в течение всей кампании они проявляли исключительную неспособность к дезинформации. Генералы предпринимали ожидаемые действия и обычно не скрывали от окружающих свои замыслы. Невольно вспоминаешь обстоятельства удара Наполеона по Египту: за границей он дал понять, что истинной целью его экспедиции является Ирландия, а одному-двум приближенным на ухо шепнул, что на самом деле идет на Геную. Главное должностное лицо в Тулоне имело не больше представления о том, куда отправились флот и армия Франции, чем самый мелкий служащий. Конечно, несправедливо ожидать хитрости корсиканца от прямого англичанина, однако удивительно и прискорбно, что в стране, полной шпионов, каждый должен заранее узнавать о дате «внезапного нападения».

Отряд, с которым выступил генерал Гатакр, состоял из 2-го Нортамберлендского фузилерского полка (960 человек с одним «максимом»), 2-го Ирландского пехотного полка (840 человек с одним «максимом»), 250 конных пехотинцев и двух батарей полевой артиллерии (74-й и 77-й). Общая численность отряда не достигала и 3000 человек. Около трех часов дня под палящим солнцем солдат посадили на открытые железнодорожные платформы и по какой-то причине (от чего импульсивный генерал, должно быть, пришел в ярость) заставили ждать три часа. В восемь часов войска выгрузились в Молтено, затем после короткого отдыха и ужина выступили в ночной марш, который планировалось завершить на рассвете у бурских траншей. Кажется, будто заново описываешь события у Магерсфонтейна, и далее сходство только увеличивается.

Пробило девять часов, когда в полной темноте колонна покинула Молтено и зашагала через мрак, обернув шкурами колеса орудий, чтобы уменьшить грохот. Было известно, что до цели не более десяти миль. Однако час проходил за часом, а разведчики все не могли сказать, что войска достигли цели. Всем, конечно, стало совершенно ясно, что они потеряли направление. Люди устали как собаки, за долгим днем работы последовала долгая ночь

марша, и они с трудом брели во мраке. Земля была неровной и каменистой. Усталые солдаты постоянно спотыкались. Возшло солнце и осветило колонну, все еще марширующую в поисках своего объекта, и яростного генерала, идущего впереди с лошастью под уздцы. Было ясно, что план Гатакра провалился, но энергичность и сила характера мешали ему повернуть обратно, не нанеся удара. Какое бы уважение ни вызывала его энергия, нельзя не прийти в ужас от его диспозиции. Местность была безлюдная и гористая – самая подходящая для излюбленной бурами тактики засад и неожиданных атак. И тем не менее колонна по-прежнему брела тесным строем. Если бы произвести разведку вперед и по флангам, стало бы понятно, что надеяться на победу нет оснований. В четверть пятого, при ясном свете южноафриканского утра, раздался выстрел, потом другой, а затем шквал ружейного огня объявил, что нам предстоит получить еще один суровый урок за пренебрежение к обычным мерам предосторожности на войне. Высоко на крутом склоне холма в укрытиях лежали бурские стрелки. Их огонь практически в упор бичевал наш беззащитный фланг. На сей раз бурские бойцы, скорее всего, являлись преимущественно восставшими гражданами колонии, а не провинциальными бурами. Именно этим счастливым для нас обстоятельством, судя по всему, объясняется относительная безвредность их огня. Даже теперь, несмотря на внезапность их атаки, ситуацию еще можно было спасти, если бы сбитые с толку войска и их взволнованные офицеры точно знали, что делать. Все богаты задним умом, однако представляется, что единственно верным шагом было вывести войска из-под обстрела, а затем, взвесив возможности, планировать новое наступление. Вместо этого был объявлен бросок на склон холма. Пехота немного поднялась вверх, но там обнаружила перед собой уступы, взобраться на которые было невозможно. Наступление захлебнулось. Солдаты залегли под валунами, чтобы укрыться от яростного огня недостижимых им бурских снайперов. Тем временем сзади начала работать артиллерия. Артиллерийские залпы (не в первый раз за эту кампанию) нанесли больше урона своим, чем противнику. По меньшей мере один знаменитый офицер упал среди своих солдат, разорванный британской шрапнелью. Талана-Хилл и Моддер-Ривер тоже показали (пусть и в менее трагичной степени), что при большой дальности современного артиллерийского огня, а также сложности локализации пехоты, использующей бездымный порох, необходимо, чтобы командующие батареями имели холодную голову и самые мощные бинокли. Их решения будут становиться все более и более ответственными.

Когда наступление провалилось, встал вопрос, как вывести людей со склона. Многие пошли вниз. Выйдя из-за валунов на открытое пространство, они попали под суровый обстрел. Остальные залегли на своих местах – одни из свойственной солдатам веры в победу, другие просто потому, что лежать за камнями, конечно, безопаснее, чем пересекать простреливаемое пространство. Та часть солдат, что спустились, похоже, не знала, сколько товарищей осталось на холме. Поскольку расстояние между теми, кто отступил, и теми, кто этого не сделал, постепенно увеличивалось, всякая надежда на воссоединение исчезла. Все, кто остался на склоне, попали в плен. Остальные собрались в десяти милях от места неожиданного нападения и начали организованное отступление в Молтено.

В этот момент три мощные бурские пушки, стоявшие на гряде, открыли огонь с поразительной точностью, но, к счастью, бракованными снарядами. Если бы в этой кампании поставщики неприятеля были так же надежны, как артиллеристы, наши потери возросли бы неизмеримо. Возможно, здесь мы столкнулись с последствиями коррупции, которая является одной из бед этой страны. Орудия блистательно передвигали по гряде и давали залп за залпом, однако всякий раз без заметного результата. Наши батареи (74-я и 77-я) с горсткой кавалеристов изо всех сил старались прикрыть отступление и сдержать вражеское преследование.

Грустно говорить, но это единственный случай за всю кампанию, когда допущенные многочисленные просчеты командиров привели к деморализации войск. Гвардейцы, маршировавшие на поле боя у Магерсфонтейна, будто в Гайд-парке, или солдаты, досадовавшие у Николсонс-Нека, что их не повели в последний безнадежный бой, даже в поражении являют урок воинской доблести. Здесь же огромные физические нагрузки и долгое время без сна лишили солдат боевого духа. Засыпая, они падали на обочине дороги, и измученным офицерам приходилось их будить. Многие сонные люди попали в плен к бурам, преследовавшим нашу колонну. Соединения развалились на маленькие беспорядочные отряды. В десять часов в Молтено, еле передвигая ноги, вошло жалкое и потрепанное войско. Почетную задачу замыкать колонну всю дорогу выполняли ирландские пехотинцы, которые до конца сохраняли некоторый боевой порядок.

Наши потери убитыми и ранеными не были значительными – воинская честь пострадала бы меньше, если бы это было не так. Двадцать шесть убитых, шестьдесят восемь раненых – и все. Однако в плену оказалось шестьсот человек. Число плененных солдат на склоне холма и заснувших из колонны примерно поровну поделилось между ирландскими пехотинцами и нортамберлендскими фузилерами. При поспешном отступлении также было оставлено два орудия.

Не дело историка (особенно историка штатского) обсуждать события с целью усугубить боль смелого человека. Гатакр сделал все, чего можно добиться личной отвагой, а потом на глазах у людей всхлипывал в Молтено за столом в приемной, оплакивая своих «бедных солдат». Генерал потерпел поражение, однако и Нельсон на Тенерифе, и Наполеон в Акре тоже не победили, но, несмотря на неудачи, добились большой славы. Единственная полезная сторона поражения – это то, что, проанализировав ошибки, мы можем научиться лучше действовать в будущем. По-настоящему опасно соглашаться с тем, что наши просчеты – неподходящий предмет для открытого и откровенного обсуждения.

Совсем не значит, что военное предприятие не должно быть дерзким или не может требовать от участников серьезных физических усилий. Напротив, разработка таких планов – один из признаков большого полководческого ума. Однако, обдумывая детали, военачальнику нужно предвидеть и исключать любое неосторожное движение, которое может усложнить выполнение плана. Идея стремительного внезапного удара по Стормбергу была прекрасной, а вот детали этой операции могут быть подвергнуты критике.

Как пострадали в Стормберге буры, нам не известно, однако представляется, что в этом случае нет оснований подвергать сомнению их утверждение, что потери были незначительны. Ни в один из моментов боя бурские части не выходили из укрытий, а мы, как обычно, находились на открытой местности. Численность буров, скорее всего, уступала британской, но низкое качество стрельбы и недостаток энергии противника при преследовании делают наше поражение еще более болезненным. С другой стороны, бурские артиллеристы действовали умело и храбро. Силы буров составляли отряд из Бетули, Роксвиля и Смитфилда под командованием Оливье, а также граждане колонии, которых буры переманили на свою сторону.

Поражение генерала Гатакра, случившееся в районе, настроенном против властей и имеющем большое стратегическое значение, могло вызвать самые дурные последствия. К счастью, ничего особенного не произошло. Вербовке мятежников оно, без сомнения, помогло, однако наступления не последовало. Молтено остался в наших руках. Тем временем силы Гатакра получили пополнение из свежей батареи (79-й) и мощного полка (Дербиширского). Таким образом, с 1-м Королевским шотландским полком и флангом беркширцев Гатакр стал достаточно силен, чтобы удержать свою позицию до начала общего наступления. Итак, в районе Стормберга (как на реке Моддер) установилось унижительное и нелепое патовое положение.

11

Сражение при Коленсо

Итак, в течение одной недели британские силы в Южной Африке понесли два серьезных поражения. Кронье, затаившись в окопах за колючей проволокой, преградил Метуэну дорогу на Кимберли, а в северной части Капской колонии изнуренные войска Гатакра разбил и отбросил назад отряд, в значительной степени состоящий из британских подданных. Однако общественность в Великобритании не пала духом и с надеждой смотрела на Наталь – там находился главный британский генерал и сосредотачивались основные силы британской армии. Прибывавшие в Кейптаун бригады и батареи незамедлительно отправляли в Дурбан. Стало ясно, где планируется нанести основной удар и откуда ждать света. В клубе, в гостиной, в железнодорожном вагоне – везде в разговорах людей звучали одни и те же слова: «Подождите, скоро двинется Буллер». В этой фразе выражались надежды огромной империи.

Джорж Уайт был отброшен в Ледисмит 30 октября. 2 ноября с городом прервалась телеграфная связь. 3 ноября буры перерезали железную дорогу. 10 ноября враг укрепился в Коленсо и на линии Тугелы. 14-го произошла история с бронепоездом. 18-го неприятель находился у Эсткорта. 21-го буры вышли к реке Моои. 23-го Хилдьярд атаковал бурские порядки возле Уиллоу Гранжа. Все эти события будут рассмотрены позже. Последнее из них знаменует поворот в общем направлении событий. С этого момента Редверс Буллер начал накапливать войска в Чивели, готовясь форсировать реку и прорвать осаду Ледисмита. Артиллерийские орудия города взывали из-за гряды северных холмов, оглашали непрерывную хронику яростных атак и упорной обороны.

Однако задача была очень сложной – мечта каждого боевого генерала. На южной стороне берег представлял собой пологий склон, который неприятель мог бить огнем словно бритвой. Как наступать через широкую открытую зону, действительно являлось проблемой. Здесь мы сталкиваемся с одним из многочисленных за эту войну случаев, когда возникает вопрос, почему не было предпринято попытки создать укрытия для солдат. Роты попеременно совершали бы броски, отдыхая в безопасных местах от напряжения непрерывного смертоносного огня. Однако бессмысленно обсуждать, что можно было сделать, чтобы облегчить их испытания. Открытое пространство предстояло преодолеть, затем они выходили – нет, не на неприятеля, а к широкой и глубокой реке, с единственным мостом (возможно, заминированным) и единственным бродом, которого, как оказалось, в действительности не существовало. На другой стороне реки гряда за грядой шли холмы, увенчанные каменными стенами и изрезанные окопами. В окопах стояли тысячи лучших в мире снайперов и великолепная артиллерия. Если (несмотря на все трудности наступления по открытому пространству и проблемы форсирования реки) одну гряду все-таки удастся взять, за ней будет другая, и еще одна, и еще. Ряды холмов и ложбин, как волны в океане, бежали на север к Ледисмиту. Все атаки – на открытом пространстве. Вся оборона – из укрытий. Добавьте к этому, что бурами командовал молодой энергичный Луис Бота. Задача была практически нереальной, но тем не менее воинская честь не позволяла оставить гарнизон на произвол судьбы. Нужно было решаться на это предприятие.

Наиболее очевидный упрек по поводу осуществления операции состоит в том, что наступление не следовало проводить на условиях неприятеля. Мы, кажется, сделали все, чтобы усугубить каждое препятствие – гласис,⁴⁸ реку, окопы. Будущие операции докажут, что

⁴⁸ *Гласис* – земляная насыпь перед наружным крепостным рвом.

не так уж трудно было обмануть бдительность буров и стремительно форсировать Тугелу. Военные специалисты утверждают (не знаю, насколько справедливо), что в истории нет случая, когда бы решительную армию остановила река. Напротив, читатель знает массу примеров (от Веллингтона на Дору до русских на Дунае), когда водные преграды преодолевались с легкостью. Однако у Буллера были особые сложности. У него не хватало кавалерии, а противник обладал исключительной мобильностью и, если дать ему такую возможность, мог атаковать и с фланга, и с тыла. Буллер еще не имел значительного численного преимущества, которое будет у него позже и позволит осуществить широкий обходной маневр. Единственным преимуществом Буллера на тот момент была более мощная артиллерия. Однако самые тяжелые орудия, естественно, были наименее мобильными, и поэтому прямое наступление только способствует эффективности стрельбы соперника. По этой и другим причинам он решил идти во фронтальную атаку на грозную позицию буров. Британские войска выступили из лагеря Чивели на рассвете в пятницу 15 декабря.

Армия, которую генерал Буллер повел в наступление, была лучшей из всех, какие имели британские генералы со времен битвы при Альме. Из пехоты у него было четыре мощных бригады. Вторая бригада под командованием Хилдьярда состояла из 2-го Девонского, 2-го Западно-Суррейского, 2-го Западно-Йоркширского и 2-го Восточно-Суррейского полков. Четвертая бригада под командованием Литтелтона включала 2-й Камеронский, 3-й пехотный, 1-й Даремский полки и 1-ю стрелковую бригаду. Пятую бригаду Харта составляли 1-й Иннискиллингский фузилерский полк, 1-й полк Коннаутских рейнджеров, 2-й Дублинский фузилерский полк и пограничный полк, который заместил 2-й Ирландский пехотный полк, отправленный к Гатакру. В 6-ю бригаду Бартона входили 2-й Королевский фузилерский, 2-й Шотландский фузилерский, 1-й Уэльский фузилерский и 2-й Ирландский фузилерский полки. В целом пехота насчитывала примерно 16 000 человек. Кавалерия, которой командовал лорд Дандоналд, включала 13-й гусарский и 1-й Королевский полки, конную пехоту Бетьюна, конную пехоту Торникрофта, три эскадрона Южно-Африканской кавалерии со Сводным полком, сформированным из конной пехоты 3-го пехотного и Дублинского фузилерского полков, а также эскадронов натальских карабинеров и Имперского полка легкой кавалерии. Придирчивые командиры и педанты могут критиковать эти нерегулярные кавалерийские войска, однако они состояли из самых боевых воинов во всей армии. Некоторые имели личные счеты к бурам, других вдохновляла просто жажда приключений. Например, один эскадрон Южно-Африканской кавалерии почти полностью состоял из прибывших вместе со своими лошадьми техасских погонщиков мулов, которые по собственной воле присоединились к братьям по крови.

Кавалерия являлась самым слабым местом генерала Буллера, но его артиллерия была мощной как в качественном, так и в количественном отношении. Он имел в своем распоряжении пять батарей (30 орудий) полевой артиллерии – 7-ю, 14-ю, 63-ю, 64-ю и 66-ю. Кроме них было не менее шестнадцати корабельных орудий с корабля ВМС Великобритании «Terrible» – четырнадцать 12-фунтовых и два 120-миллиметровых, которые сослужили хорошую службу и в Ледисмите, и Метуэну. В целом войска, выступившие из лагеря в Чивели, насчитывали примерно 21 000 человек.

По замыслу задача, поставленная перед армией, была проста. Реку можно было форсировать в двух местах: по броду Бридл-Дрифт в трех милях левее и напрямую через мост в Коленсо. 5-й (ирландской) бригаде предстояло переправиться в Бридл-Дрифте, а затем пройти вниз по противоположному берегу, чтобы поддержать 2-ю (английскую) бригаду, которая по плану форсировала реку в Коленсо. 4-я бригада должна была наступать между ними, чтобы в случае необходимости оказать помощь либо 5-й, либо 2-й бригаде. Тем временем на крайнем правом фланге кавалерия под командованием Дандоналда прикрывает фланг и атакует Хлангвейн-Хилл – мощно укрепленную позицию неприятеля на южном

берегу Тугелы. Оставшаяся фузилерская бригада пехоты поддерживает этот правый маневр. Артиллерия прикрывает атаки и отвоевывает позицию, с которой открывается возможность обстреливать окопы врага продольным огнем. Такая, в общих чертах, работа предстояла британской армии. Ясным ярким утром, под безоблачным голубым небом они наступали, всем сердцем надеясь на победу. Перед британцами лежала широкая плоская равнина, потом изгиб реки, а за ним, безмолвные и спокойные, как пейзаж из мирной грезы, тянулись ряды мягко округлых холмов. Было только пять часов утра, когда корабельные орудия начали стрелять. Огромные красные клубы пыли у дальних предгорий показали, где взрывается лиддит. Никакого ответа не последовало. На залитых солнцем холмах не происходило никакого движения. Яростное насилие по отношению к тихой и безответной земле казалось почти бесчеловечным. Самый острый глаз нигде не мог заметить признаков присутствия пушек или солдат, но тем не менее смерть таилась в каждой низине и склонялась за каждым камнем.

Исключительно сложно сделать современное сражение рациональным, если воевать, как в этом случае, на фронте в семь-восемь миль. Наверное, лучше было предпринимать действия каждой колонны по очереди, начиная с левого фланга, где Ирландская бригада Харта выступала на штурм Бридл-Дрифта.

Под безответный и поэтому бесцельный огонь тяжелых орудий ирландская пехота пошла в атаку на назначенные пункты. Дублинцы впереди, за ними коннаутцы, иннискиллингцы и пограничный полк. Как невысказанно это ни кажется после недавнего опыта в Магерсфонтейне и Стормберге, солдаты двух арьергардных полков наступали в колоннах и рассредоточились только после того, как враг открыл огонь. Если бы шрапнель попала в сомкнутый боевой порядок (этого не произошло лишь чудом), потери были бы столь же тяжелыми, сколь неразумным был подобный строй.

Подойдя к броду (расположение и даже сам факт существования которого, казалось, не были точно известны), британцы обнаружили, что войскам придется наступать в излучине реки. Таким образом, по правому флангу они оказались под мощным перекрестным огнем, а с фронта – под ливнем шрапнели. Нигде не было видно ни единого признака присутствия врага, а наши солдаты тем не менее падали замертво. Ужасное, леденящее душу ощущение – идти в наступление через залитую солнцем и внешне безлюдную равнину, на широком пространстве которой не заметно никакого движения, а твой путь позади усеян рыдающими, задыхающимися, скорчившимися от боли людьми, которые только по месту своих ранений могли догадываться, откуда пришли доставшие их пули. Кругом, как шипение жира на сковороде, раздавалось монотонное потрескивание и пощелкивание пуль «маузеров», но никто не мог точно определить, откуда они несутся. Далеко, на одном холме у горизонта, все еще висело маленькое легкое облачко дыма, показывающее, откуда пришла смерть, скосившая шесть солдат, упавших одновременно, как при выполнении страшного упражнения. В течение этой войны солдатам снова и снова приходилось наступать в таком же аду, как этот. Сурово напрашивается вопрос, когда перестанут посылать людей на такое тяжелое испытание. Нужно найти другие варианты наступления или совсем отказаться от атак, потому что бездымный порох, скорострельные орудия и современные винтовки предоставляют все преимущества обороне!

Отважные ирландцы, увлеченные битвой, рванулись вперед, не обращая внимания на потери. Четыре полка соединились в один. Всякая военная организация быстро исчезла, и не осталось ничего – только их боевой дух и страстное желание вступить с врагом врукопашную. Накатываясь широкой волной ревущих яростных людей, ирландцы не дрогнули под огнем и прорвались к берегу реки. Северяне-иннискиллингцы и южане-коннаутцы, оранжевые и зеленые, протестанты и католики, кельты и саксы – они теперь состязались только в том, кто щедрее прольет свою кровь за общее дело. Какими омерзительными кажутся про-

стоватые политики и узкие сектантские догмы, которые сейчас пытаются разделить подобных людей!

Берег реки взят, но где же брод?! Перед ирландцами текла широкая и спокойная вода без всяких намеков на мелководье. Несколько лихих парней прыгнули в воду, но винтовки и патроны потянули их ко дну. Один или два человека, похоже, добрались до противоположного берега, однако в этом отношении свидетельства разноречивы. Возможно (хотя и кажется маловероятным) реку частично запрудили, чтобы углубить брод, или (что более правдоподобно) при стремительном наступлении наши просто потеряли направление. Но, как бы там ни было, войска не смогли найти брод и залегли, как делалось уже не раз в предыдущих сражениях, не желая отходить и не имея возможности наступать под беспощадным огнем с фронта и с фланга. В ожидании того, что ситуация изменится, ирландцы тесно лежали в каждой впадине и за каждым бугорком. При этом солдаты шутили – вот пример природной жизнерадостности. Полковник Брук из Коннаутского полка упал в первых рядах своих солдат. Рядовой Ливингстоун помог перенести его в безопасное место, а потом, закончив, признался, что «сам немного ударился» и, теряя сознание, осел с пулей в шее. Другой солдат сидел с перебитыми ногами. «Принесите мне свистульку, я сыграю вам что пожелаете», – кричал он, заботясь о выполнении ирландской клятвы. Еще один, с висящей на сухожилии рукой, молчаливо попыхивал короткой черной трубкой. То и дело, вопреки происходящему, пламенная кельтская отвага бешено звала вперед. «Сомкнуть штыки, солдаты, и давайте сделаем себе доброе имя», – кричал какой-нибудь старшина, и ему никогда не приходилось повторять свои слова. Пять часов под тропическим солнцем обгоревшие и грязные солдаты держались за землю, которую отвоевали. Британские снаряды, не долетая до цели, падали на своих же: по ирландцам стрелял полк поддержки, не думая, что кто-либо продвинулся так далеко. Обстреливаемая с фронта, с фланга и с тыла 5-я бригада непреклонно держалась.

Но, к счастью, поступил приказ отступить. Совершенно очевидно, что, если бы он не дошел до полков, ирландцы бессмысленно погибли там, где и заняли позиции. По-видимому, приказ на отступление отдал сам Буллер. Он в течение дня повсеместно проявлял поразительную личную активность. При отступлении не было спешки и паники, но офицеры и солдаты так безнадежно перемешались, что генералу Харту (чьи решения иногда бывали спорны, но хладнокровное мужество всегда оказывалось выше всяких похвал) пришлось потрудиться, чтобы построить великолепную бригаду, которая шесть часов назад вышла из лагеря Чивели. Погибло от пятисот до шестисот человек – потери, сопоставимые с теми, что понесла Хайлендская бригада при Магерсфонтейне. Больше всех пострадали Дублинский и Коннаутский полки.

Вот все, что касается неудачи 5-й бригады. Излишне говорить, что все те же ошибки привели к тем же результатам. Почему солдаты двигались полковой колонной, наступая против невидимого врага? Почему разведчики не пошли вперед, чтобы точно выяснить расположение брода? Где были артобстрелы, которые должны предшествовать наступлению пехоты? И недавние боевые примеры, и теорию из учебников одинаково забыли, как это уже слишком часто случалось и еще не раз случится в течение Бурской кампании. Может быть, в лекционных залах Кимберли и существует военная наука, однако очень малая ее часть нашла дорогу к полю боя. Стойкость и героизм рядового, безоглядная отвага полкового офицера – вот наши воинские ценности, но нечасто к ним добавляются осторожность и предусмотрительность командующих. Неблагодарная задача делать такие замечания, однако эта война показала, что армия – это очень важно и нельзя отдавать ее в руки отдельной касты. Гражданский долг каждого человека – бесстрашно и открыто говорить то, что он считает правдой.

Мы же движемся слева направо и, оставляя неудачи 5-й бригады, переходим к действиям 4-й бригады. Бригада Литтелтона получила инструкции не предпринимать собствен-

ного наступления, а поддерживать атаки с одной или другой стороны от себя. С помощью корабельных орудий она сделала что смогла, чтобы вывести и прикрыть отход ирландцев, однако ее роль не была очень активной и потери оказались незначительны. В свою очередь справа от 4-й бригады развивала наступление на Коленсо и мост английская бригада Хилдьярда. Под командованием Хилдьярда находились 2-й Западно-Суррейский, 2-й Девонский (чей первый батальон так великолепно действовал в составе армии при Ледисмите), Восточно-Суррейский и Западно-Йоркширский полки. Неприятель явно ожидал главного удара именно здесь. На другом берегу не только особенно тщательно окопались, но и артиллерия врага сосредоточила на мосту по меньшей мере дюжину тяжелых пушек и несколько скорострельных орудий. Девонский и Западный суррейский полки разомкнутым строем двигались впереди. Цепь стрелков в форме цвета хаки практически сливалась с землей, и их было едва видно, когда они молчали. Восточно-Суррейский и Западно-Йоркширский полки оказывали поддержку. Наступая под исключительно интенсивным огнем, бригада прошла через такое же тяжелое испытание, как и их товарищи из бригады Харта. Правда, в этом случае солдаты с самого начала следовали расчлененным строем в колоннах полуротами, разомкнувшись на шесть шагов, а река перед ними не позволяла обстреливать их с правого фланга так жестоко, как ирландцев. С потерями примерно в двести человек головные полки успешно достигли Коленсо. Западно-Суррейский полк, наступая бросками по пятьдесят ярдов, взял станцию. Однако катастрофа, постигшая несколько ранее поддерживавшую их артиллерию, сделала дальнейшее наступление невозможным. По этой причине перейдем к судьбе сопредельного формирования справа от них.

Соединение состояло из артиллерийских частей, получивших приказ поддерживать основное наступление. В него входили две батареи полевой артиллерии (14-я и 66-я) под командованием полковника Лонга и шесть корабельных орудий (два 120-миллиметровых и четыре 12-фунтовых) лейтенанта Оджилви с «Ужасного». Лонг имеет репутацию исключительно решительного и отважного офицера, чьи действия в битве при Атбаре в значительной степени обусловили успех всего сражения. К сожалению, варварские кампании, в которых можно безнаказанно допускать вольности, формируют пагубные традиции. Наш сомкнутый строй, наша приверженность к стрельбе залпами и (как в этом случае) использование артиллерии – все представляется наследием войн с дикарями. Но какова бы ни была причина, в начале боя пушки Лонга рванулись вперед, опередили пехотные бригады по флангам, оставили позади медленные корабельные орудия с воловьими упряжками и сняли орудия с передка примерно в тысяче ярдах от окопов врага. С этой позиции Лонг открыл огонь по Форт-Уили, который являлся центром находившегося перед полковником участка позиции буров.

Однако двум его несчастным батареям было суждено не изменить течение сражения, как он надеялся, а скорее дать классический пример беспомощности артиллерии против огня современных винтовок. Даже знаменитый рассказ Мерсера об эффекте флангового огня по его дивизиону конной артиллерии в битве при Ватерлоо не может дать представления об урагане свинца, который обрушился на две обреченные батареи. Орудийные расчеты падали одновременно: кто-то замертво, кто-то раненым, калеча других неистовыми движениями. Один погонщик, обезумев от ужаса, вскочил на переднюю лошадь, обрезал построения и стремительно умчался с поля боя. Однако подавляющее большинство артиллеристов сохраняло безукоризненную дисциплину: и слова команд, и наводка, и стрельба – все было так же методично, как в Оукхемптоне. На артиллеристов обрушили не только страшный ружейный огонь (из окопов с фронта и из деревни Коленсо по левому флангу), над батареями непрерывно трещали маленькие снаряды автоматических скорострельных орудий буров. Вокруг каждой британской пушки уже лежали груды убитых, но яростные офицеры и покрытые потом отчаянные артиллеристы не оставляли своих орудий. Несчастный

Лонг упал – одна пуля пробила ему руку, другая печень. «Будь проклят кто сдастся! Мы не бросим пушки!» – последнее, что выкрикнул полковник, когда его тащили под прикрытие находящегося неподалеку маленького ущелья. Погибли капитан Голди и лейтенант Шрейбер. Полковник Хант упал, получив два ранения. Офицеров и рядовых стремительно сбивало с ног. Заботиться об орудиях было невозможно, но и переместить их варианта не представлялось. Каждая попытка вывести упряжки из укрытия заканчивалась гибелью лошадей. Оставшиеся в живых артиллеристы нашли убежище от жестокого огня в небольшой ложбине, куда отнесли Лонга. Ложбина находилась примерно в сотне ярдов от линии обстреливаемых пушек. Одно орудие справа все еще обслуживали четыре человека, которые наотрез отказались его оставить. Они, казалось, были заговорены от смерти. Эти четверо работали с любимым 15-фунтовиком в тучах песка и голубых клубах дыма от взрывающихся снарядов. Потом один начал задыхаться и упал на хобот лафета. Его товарищ осел у колеса, опустив голову на грудь. Третий взмахнул руками и упал навзничь. Последний, страшная, покрытая пылью фигура, стоял по стойке «смирно», глядя смерти в глаза, пока его тоже не сбили. Бессмысленная жертва, можете вы сказать. Но пока солдаты, видевшие гибель четырех артиллеристов, могут рассказывать у походного костра эту историю, пример героев будет сильнее будить боевой дух нашего народа, чем зов трубы или барабанная дробь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.